

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2019. Том 13. № 2

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина, В. Я. Гельман,
И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Акаха Тсунео, д.ф.н., профессор, директор Центра Восточно-азиатских исследований, Институт международных исследований (Монтерей, США)

Бусыгина Ирина Марковна, д.п.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ.

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада).

Малинова Ольга Юрьевна, д.ф.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Морозова Елена Васильевна, д.ф.н., профессор, Кубанский государственный университет.

Мацузато Кимитака, д.ю.н., профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония).

Рахмиров Павел Юхимович, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Росс Камерон, д.ф.н., Университет Данди (Великобритания).

Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания).

Сморгунов Леонид Владимирович, д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Редактор – составитель номера Л. А. Фадеева

© Редакционная коллегия, 2019

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Морозова Е. В., Плотицкина Н. В., Попова К. И.</i> Государство как агент цифровой социализации.	5
<i>Кузнецова О. А., Михайлов Д. А.</i> Милитаризация образа врага в современном российском общественно-политическом дискурсе.....	17
<i>Окунева Е. С.</i> Влияние типа политического режима на внешнюю политику государств: теоретические подходы	27
<i>Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В.</i> НКО в системе социальных услуг России: тенденции и риски (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)	38
<i>Баранов А. В., Васюк С. В.</i> Политические технологии установления медиаповестки дня и фрейминга в интернет-СМИ (на материалах воссоединения Крыма с Россией)	47
<i>Козлова Н. Н., Монахова Ю. А.</i> Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий	57
<i>Коцур Г. В.</i> Нормативная компонента в концепции стрессоустойчивости Европейского союза: внутренние противоречия неолиберализма	70
<i>Борисов Д. А., Савкович Е. В.</i> Развитие гуманитарного вектора политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества: роль университета ШОС	78
<i>Гимбицкая Т. Д.</i> Выход Великобритании из ЕС: последствия для Ирландской республики	87
<i>Рахман Амини Абдул.</i> Структуры племенного союза в Афганистане и их влияние на государство и образование политической системы	93
<i>Rogers D.</i> ‘Bilbao on the Kama’? The Perm cultural project and its critics (part 2)	99

Обзоры

<i>Филиппов М.</i> Сравнение стратегий влияния и принуждения на примере России и Европейского союза (рецензия на книгу Бусыгиной И.М. “Russia-EU relations and the common neighborhood: coercion vs authority)	115
<i>Гельман В. Я.</i> Восемь книг о современной политике	119
К сведению авторов	122

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, MGIMO University

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at St. Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Akaha Tsuneo (Monterey Institute of International Studies, USA),

Busygina Irina (MGIMO University, Russia),

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada),

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Russia),

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan),

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia),

Rakhshmir Pavel (Perm State University, Russia),

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom),

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom),

Smorgunov Leonid (Sankt-Petersburg University, Russia),

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

CONTENT

<i>Morozova E. V., Plotichkina N. V., Popova K. I.</i> The state as an agent of digital socialization	5
<i>Kuznetsova O. A., Mihailov D. A.</i> Militarization of the enemy image in the modern Russian socio-political discourse	17
<i>Okuneva E. S.</i> Influence of the political regime type on foreign policy: theoretical approaches	27
<i>Martynov M. Yu., Ushakova N. V.</i> Nonprofit organizations in the system of social services in Russia: trends and risks (a case study of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra)	38
<i>Baranov A. V., Vasyuk S. V.</i> Political technologies for setting the media agenda and framing in the internet media (a case study of the reunion of crimea with Russia)	47
<i>Kozlova N. N., Monakhova Yu. A.</i> Women deputies of representative bodies of the Volga Federal District: the experience of analyzing political biographies	57
<i>Kotsur G. V.</i> Normative dimension in the 'resilience' concept of the European Union: internal contradictions of neoliberalism	70
<i>Borisov D. A., Savkovich E. V.</i> Development of the humanitarian vector in security policy of the Shanghai Cooperation Organization: role of the University of SCO	78
<i>Gimbitckaia T. D.</i> Brexit: impact on the republic of Ireland	87
<i>Abdul Rahman Amini</i> Tribal union structures in Afghanistan and their influence on the state and formation of the political system	93
<i>Rogers D.</i> 'Bilbao on the Kama'? The Perm cultural project and its critics (part 2)	99

Reviews

<i>Filippov M.</i> Comparing the strategies of influence and coercion in the example of Russia and the European union (book review: Irina M. Busygina 'Russia-EU relations and the common neighborhood coercion vs authority').....	115
<i>Gelman V. Ya.</i> Eight books on modern politics	119
Information for the authors	126

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-5-16

ГОСУДАРСТВО КАК АГЕНТ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Елена Морозова

Кубанский государственный университет

Наталья Плотицкина

Кубанский государственный университет

Кристина Попова

Кубанский государственный университет

Аннотация

В статье представлена теоретическая артикуляция цифровой социализации, описаны аналитические интенции относительно новой формы социализационных процессов в условиях сетевого общества, циркулирующие в отечественном и зарубежном научном дискурсе. Цифровая социализация интерпретируется как процесс интернализации индивидом норм, правил, практик и ролей сетевого общества, инкорпорации в цифровую культуру и экстернализации в цифровой среде. Выявлены персональные и средовые параметры цифровой социализации в РФ. Обоснована роль государства как ключевого агента вторичной цифровой социализации в российском обществе. Указывается, что государственная образовательная политика в сфере цифровой социализации граждан реализуется в рамках приоритетных проектов «Современная цифровая образовательная среда в РФ», «Цифровая школа», государственной программы «Развитие образования», направления «Кадры и образование» государственной программы «Цифровая экономика РФ».

Ключевые слова: сетевое общество; цифровая культура; цифровая социализация; государство.

Введение

Развитие цифрового общества, онлайн-технологий задают новые векторы социализационных траекторий российских граждан, которым в изменившихся условиях необходимо расширять цифровые знания, осваивать цифровые компетенции, приобретать навыки безопасного пользования сетевыми ресурсами, «наращивать» цифровой капитал. В условиях роста онлайн-технологий и проникновения мобильных сервисов в различные сферы жизни большое значение приобретает подготовка и обучение населения к жизни в цифровом обществе.

Значительная гетерогенность социального пространства страны как результат процесса глокализации проявляется и в темпах развития сетевого общества. Цифровое неравенство регионов в равной степени имеет природу неравенства доступа и социального цифрового неравенства.

Особенности процессов цифровой социализации в России в сравнении с европейскими странами обусловлены, прежде всего, социально-экономическими факторами. Вместе с тем установлены интенсивность и динамичность современного этапа цифровой социализации в России, высокие темпы продвижения цифрового общества. В 2017 г. Россия занимала 45 место в рейтинге стран по глобальному инновационному индексу, 45 место в рейтинге стран по уровню развития ИКТ (ICT Development Index) с индексом 7,07, при этом показатель за последние десять лет практически удвоился. В 2016 г. Россия занимала 35 место в рейтинге стран по уровню развития электронного правительства (E-government Development Index), 41 место – в рейтинге стран по уровню готовности к сетевому обществу (Networked Readiness Index), продвинувшись в рейтинге на 15 позиций. По данным Индекса готовности к сетевому обществу, в 2016 г. РФ заняла 2 место по уровню доступности услуг мобильной связи (Интернет в ..., 2017: 47). По данным Open Knowledge Network Global, Россия по итогам 2016 г. заняла 34 место в Глобальном индексе открытых данных (Open Data Index), фиксирующем уровень открытости государственных структур в информационном пространстве. По данным российской ассоциации электронных коммуникаций, в 2017 г. вклад цифровой экономики в экономику

России оценивался в 2,42% ВВП, а вклад мобильной экономики – в 3,8% ВВП (Camas et al., 2018: 6), что указывает на существенный потенциал роста цифровизации общества и экономики в стране.

В ходе исследования Mastercard и Школы права и дипломатии им. Флетчера в Университете Тафтса был разработан рейтинг Digital Evolution Index 2017. Россия по результатам проекта отнесена к перспективным странам, то есть к государствам, демонстрирующим устойчивые темпы развития цифровых отраслей экономики, что привлекает инвесторов, несмотря на низкий уровень цифровизации (Мастеркард ..., 2017).

Теоретическая экспликация цифровой социализации

Анализ отечественного научного дискурса цифровой социализации позволил выявить паллиативность научных трактовок понятия. Наряду с термином «цифровая социализация» циркулируют «виртуальная социализация» (С.В.Бондаренко, А.В.Чистяков) как процесс инкорпорации пользователя в социокультурную среду локального онлайн-сообщества, «киберсоциализация» (В.А.Плешаков) (Плешаков, 2012) как социализация индивида в киберпространстве, «интернет-социализация» (Лучинкина, 2013) как интеграция индивида в социокультурное онлайн-пространство, включающая мифологический, мотивационный и инструментальный компоненты. Цифровая социализация характеризуется как обучение онлайн-жизни в условиях цифровой культуры, транспарентности национальных границ и локальных культур. Дискуссионным остается вопрос о степени корреляции цифровой социализации с традиционными видами социализационных траекторий.

Состояние изучения цифровой социализации в отечественном научном дискурсе является динамично развивающимся. В основном, преобладают эмпирические исследования, носящие описательный характер; отсутствуют единые теоретико-методологические рамки концептуализации цифровой социализации, которая интерпретируется с учетом теорий социализации, сетевого общества, «цифрового разрыва», типологических конструкторов поколений пользователей Интернета М.Пренски. Возрастная/поколенческая специфика и частота, качество пользования онлайн-ресурсами коррелируют с различием социализантов на цифровых иммигрантов и цифровых аборигенов. Изучение цифровых социализационных процессов, приобщение к цифровым технологиям представителей старших возрастных групп практически ускользает из научной оптики российских исследователей (Кузнецов и др., 2014); аналитические интенции авторов преимущественно сфокусированы на выявлении и описании онлайн-социализационных траекторий в молодежных сообществах.

Дж. Смит, Б. Хьюитт, З. Скрбис дефинируют цифровую социализацию как процесс, в ходе которого социализанты учатся формировать оценочные суждения относительно собственных практик пользования цифровыми медиа и сетью Интернет (Smith et al., 2015). Характер протекания процесса обусловлен дизайном технологий, сетевых платформ; нормами, правилами, регулирующим дискурсом агентов социализационных процессов, интерпретирующих онлайн-потребление; интерактивным обучением, оценкой преимуществ и рисков онлайн-пользования с учетом предшествующего опыта, цифровыми компетенциями социализантов, ожиданиями пользователей. Онлайн-социализация признается в качестве важного фактора формирования социального капитала индивидов.

Джилли Салмон предложила пятиступенчатую модель онлайн-обучения, включающую последовательные этапы: доступ и мотивация (освоение IT-инфраструктуры, программных технологий электронного обучения, цифровая компетентность); цифровая социализация; информационный обмен; конструирование знаний в ходе групповых интеракций, совместных дискуссий; презентация аппликантами личного развития и полученных знаний. Итоги цифровой социализации: конструирование учебного онлайн-сообщества на принципах доверия и понимания значимости е-обучения, формирование виртуальной «третьей культуры», эмоциональной грамотности у обучаемых, интеграция студентов в новую онлайн-среду под руководством е-модераторов, использующих e-tivity (Salmon, 2004: 32–37). Рассматривая социализирующий потенциал электронного обучения, Дж.Салмон выделяет следующие компоненты цифровой социализации: создание успешного онлайн-сообщества (построение эффективной виртуальной команды, формирование в студенческой среде соответствующей онлайн-культуры, навыков конструирования онлайн-идентичности), область знаний (педагогические цифровые технологии e-tivity направлены на актуализацию знаний у обучаемых), онлайн-среда (сроки, технологии, индивидуальные траектории обучения) (Salmon, 2004: 153–154). У. Родригес и Г. Пеквено (Rodriguez et al., 2017), Л. Камас, А. Валеро и М. Вендрелл (Camas et al., 2018) обращают особое внимание на роль социальных медиа в цифровой социализации молодых людей.

В интерпретации Г.У. Солдатовой, модель цифровой социализации в контексте межпоколенческих отношений конструируется с использованием культурно-исторического подхода, теории экологических систем У. Бронфенбреннера (Солдатова, 2018). Модель учитывает специфику когнитивного и личностного развития представителей цифрового поколения (клиповое, сетевое мышление, многозадачность, цифровая личность), изменение форм взаимоотношений и социокультурных практик в виртуальном контексте (приватность в сети, цифровая компетентность). Цифровая социализация определяется как процессы освоения индивидом социального опыта посредством цифровых технологий, реализации полученных знаний, умений в оффлайн/онлайн-среде, в ходе которых конструируется цифровая личность (Солдатова, 2018: 76).

Дизайн исследования

Теоретической основой исследования является концепция сетевого общества М. Кастельса (Castells, 1996), теория электронной (цифровой) культуры Т. Друкера (Druckerey, 1996), модель цифровой социализации Г. Солдатовой (Солдатова, 2018), модель цифровой грамотности А. Шарикова (Шариков, 2016). Эмпирическую базу составили данные вторичного анализа ряда общенациональных исследований («Индекс цифровой грамотности граждан РФ», Региональная общественная организация «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ), НИУ ВШЭ, 2017), данные статистики, материалы специализированных СМИ, а также данные исследования ученых Кубанского государственного университета «Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ)» (Мирошниченко и др., 2017), «Цифровое потребление в молодежной среде РФ». Авторы использовали данные рейтинга сетевой готовности Всемирного экономического форума (Networked Readiness Index — NRI) по данным 2018 г., результатов исследования Digital Evolution Index 2017 и рейтинга «Цифровая Россия» по субъектам Российской Федерации, представленным Центром финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково».

Цифровая социализация интерпретируется как процессы интернализации практик, норм, правил, ролей сетевого общества, инкорпорации в систему ценностей цифровой культуры и экстернализации индивидов в цифровой среде, новых условиях онлайн-взаимодействия.

Эмпирические исследования фиксируют факторы цифровой социализации: персональные характеристики социализантов (возраст, образование, доход), средовые параметры (наличие/отсутствие инфраструктуры предложения цифровых сервисов, стоимость онлайн-услуг, географическая локация проживания социализирующегося). Иерархии в уровнях доступа к ресурсам сетевого общества, информационным технологиям обуславливают различия цифровых капиталов граждан, цифровое неравенство. В интерпретации В. Харпера, цифровое неравенство фиксируется в двух конфигурациях: доступа и социальной формы, включающей барьеры мотивации, знаний, навыков, социальных сетей (Harper). К. Торсон с соавторами (Thorson et al., 2018) обратили внимание на возникновение неравенства на этапе семейного воспитания, предложив модель доступа к совокупности ресурсов, которую они назвали «гражданская инфраструктура онлайн».

Результативность, эффективность цифровой социализации коррелирует с уровнем цифровой грамотности, определяемой как знания, умения и навыки, позволяющие безопасно и эффективно использовать цифровые технологии и онлайн-ресурсы.

Межрегиональные различия цифровой социализации в РФ

В 2017 г. Региональная общественная организация «Центр интернет-технологий» проводила замеры региональных дифференциаций уровня цифровой грамотности в РФ, рассчитываемого с использованием трех субиндексов: цифрового потребления, цифровой компетенции и цифровой безопасности.

За 2012–2017 гг. индекс цифровой грамотности в России вырос в 6 раз – с 10 до 59,9 % (Индекс цифровой ..., 2017). В 2017 г. показатель цифровой грамотности составил 5,99 по десятибалльной шкале с разбросом от 4,17 (Дальневосточный федеральный округ) до 6,41 (Центральный федеральный округ) по макрорегионам. При этом усредненные значения субиндексов (цифровых потребления, безопасности и компетенций), входящих в состав интегрального индекса цифровой грамотности,

сти, неравномерны: субиндекс цифровых компетенций (6,84) выше в 1,3 раза, чем субиндексы цифровой безопасности (5,43) и цифрового потребления (5,35) в целом по стране, он имеет максимум среди измеряемых по России показателей.

Лидирующие позиции в рейтинге по уровню цифрового потребления занимают Центральный и Северо-Западный федеральный округа за счет данных Москвы и Санкт-Петербурга, замыкают рейтинг – Южный и Северо-Кавказский округа. Значения субиндекса по федеральным округам в 2017 году колебались в пределах от 6,76 (Центральный ФО) до 2,06 (Северо-Кавказский ФО). Высокие показатели субиндекса цифрового потребления коррелируют с высоким уровнем охвата фиксированного интернета в регионах, активностью пользователей в социальных сетях, значительным количеством зарегистрированных онлайн-СМИ в субъектах РФ. Высокий уровень цифрового потребления наблюдается в тех макрорегионах, в которых сложилась устойчивая инфраструктура сети Интернет. В Северо-Кавказском федеральном округе наблюдается неравномерность предоставления услуги доступа к Интернету в труднодоступных регионах с гористой местностью, что имеет следствием высокую стоимость потребления Интернет-трафика для пользователей. Сложность процессов цифровой социализации в макрорегионе обусловлена большим уровнем сельского населения, макрорегион является аутсайдером по использованию электронных государственных услуг, социальных сетей, количеству зарегистрированных онлайн-СМИ на душу населения среди федеральных округов (Интернет в ..., 2017: 26).

Региональные диспропорции в развитии цифрового потребления в географических зонах РФ снизились за счет положительной динамики онлайн-потребления государственных услуг жителями регионов. Существенную роль в трансформации цифровых потребительских практик играет рост потребления цифрового контента на мобильных устройствах.

Результаты изучения субиндекса цифрового потребления РОЦИТ коррелируют с материалами исследования ученых Кубанского государственного университета «Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ)» (Мирошниченко и др., 2017). В исследовании выявлялась готовность сетевого окружения (онлайн-пользователи, сетевые сообщества) субъектов РФ к участию в инновационных практиках публичной политики по ряду параметров: онлайн-включенность граждан, наличие сетевых сообществ в регионе, доля онлайн-СМИ в масс-медиа, характер включенности органов власти в онлайн-пространство и т.д. Лидерами в рейтинге стали Москва, Санкт-Петербург, Северо-Западный федеральный округ, аутсайдерами – Южный и Северо-Кавказский федеральные округа. В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах наблюдались диспропорции в количественных показателях индикатора степени развития онлайн-ресурсов органов власти. Индикатор достиг максимума в Ростовской области, минимальных значений – в Чечне, Дагестане, Адыгее, Калмыкии. Показатели индикатора позволяют объяснить аутсайдерство ЮФО и Северо-Кавказского федерального округа по количественным параметрам субиндекса цифрового потребления, который включает уровень онлайн-потребления гражданами государственных услуг (Мирошниченко и др., 2017).

В 2017 г. в сравнении с иными субиндексами цифровой грамотности субиндекс цифровых компетенций демонстрирует лидирующие позиции, в целом, по стране он составляет 6,84, достигнув максимума в 7,04 в Центральном округе и минимума в 2,55 в Дальневосточном федеральном округе. Динамика роста цифровых компетенций россиян (от финансовой онлайн-активности до производства мультимедийного контента) за 2015–2017 гг. составляет 23,6%. Минимальные значения цифровых компетенций обусловлены низким уровнем компетентности пользователей в сфере потребления контента социальных сетей, поиска информации в интернете, критического восприятия и оценки на достоверность информации в социальных медиа. Высокие показатели индекса цифровой компетентности в округах обусловлены высоким уровнем компетенций в области онлайн-потребления товаров и услуг, использования социальных сетей.

В 2015–2016 гг. в структуре индекса цифровой грамотности россиян показатель цифровой компетентности являлся аутсайдером; в 2017 г. он продемонстрировал значительный рост, что объясняется активной публичной политикой по вовлечению населения в возможности онлайн-технологий. Уровень цифровой компетентности в значительной мере связан с возрастом: чем гражданин взрослее, тем реже он пользуется Интернетом. В целом на взрослых в возрасте 65 лет и старше приходится почти половина (48%) граждан, не пользующихся интернетом, по возрастным группам.

Межрегиональные различия по субиндексу цифровой безопасности не столь значительны, как по другим субиндексам цифровой грамотности; наблюдается минимизация разрыва между макрорегионами: максимум индекса в Северо-Кавказском федеральном округе (5,94) и минимум в Южном

федеральном округе (3,21). Показатель цифровой безопасности перестал быть «слабым звеном» за счет повышения цифровой культуры граждан – соблюдения этических норм при размещении онлайн-контента, формирования негативного отношения к пиратскому контенту, программному обеспечению. Лидерство Северо-Кавказского федерального округа по данному субиндексу является результатом образовательных мероприятий по повышению цифровой грамотности жителей республик, осуществляемых под руководством РОЦИТ на основе соглашений с отраслевыми министерствами. В регионе ежегодно проводится Российский интернет-форум Кавказ, популяризирующий онлайн-технологии в макрорегионе.

В 2018 г. под руководством авторов было проведено эмпирическое исследование цифрового потребления в российской молодежной среде методом онлайн-анкетирования ($N=336$). Параметрами квот выборочной совокупности выступили возраст, уровень образования, материальное положение, место проживания респондентов. В отношении электронных устройств и социальных сетей потребительские предпочтения респондентов выглядят следующим образом: молодежь пользуется мобильными телефонами (98%), ноутбуками (70%), выбирает социальные сети «ВКонтакте» (99%), Инстаграм (83%) в целях общения (91%), для просмотра медиа и новостей (80%). Наиболее популярны в молодежной среде практики онлайн-пользования муниципальными сервисами – оплата услуг ЖКХ, мобильных услуг и интернета (44%), онлайн-запись на прием к врачу (28%) – в отличие от оплаты штрафов, страховки автомобиля (11%), налогов (7%), оформления паспорта (10%), т.е. стандартизированных на федеральном уровне услуг, не имеющих локальной привязки к городу. Российская молодежь пользуется следующими цифровыми сервисами: заказ такси (76%), покупка одежды (50%), авиа и жд/билетов (35%), книг (30%). Цифровизация влияет на структуризацию молодежных повседневных практик, даже в условиях низкой цифровой грамотности: 66% респондентов отметили отсутствие знаний, необходимых для защиты персональной информации в сети.

Государственная политика преодоления цифрового неравенства

Социальное неравенство, прежде всего в системе образования, оказывает значительное влияние не только на будущие траектории развития обучающихся, но и на социальную структуру общества в целом, практики социальной мобильности, систему социальных лифтов. Информационное общество породило новый тип социального неравенства – цифровое неравенство. «Digital divide» или «digital gap» – это понятие олицетворяет в себе ограничение возможностей использования сети интернет, телевидения и мобильной связи из-за отсутствия доступа к современным средствам коммуникации. В русском языке до сих пор не сложилось единого эквивалента английскому термину, чаще всего мы можем встретить такие понятия, как «цифровое неравенство», «цифровой барьер», «цифровое разделение», «цифровой разрыв», «цифровая пропасть», «дигитальная яма», «дигитальный разрыв», «цифровой занавес» и другие.

Как указывается в документах ЮНЕСКО, «равноправный доступ к информации является одним из существенных факторов устойчивого развития. В информационном мире информацию следует рассматривать в качестве одного из основных ресурсов для сбалансированного развития человека, доступ к которому должны иметь все. Мы испытываем озабоченность по поводу серьезного риска образования "цифровой пропасти" как между странами, так и внутри стран, усугубляющей неравенство, например, обусловленное дискриминацией по признаку пола, вероисповедания, этнического или расового происхождения»¹.

Обладание знанием и информацией становится ценностью и новым критерием, разделяющим общество (а также общества разных стран) на социальные группы и слои, неравные между собой. Цифровое неравенство проявляет себя на разных уровнях социальной иерархии: между государствами, между городами и сельскими поселениями, между молодыми и пожилыми людьми, здоровыми и лицами с ограниченными возможностями. Нельзя не согласиться с культурологом О. Мороз в том, что «быть исключенным из этого контекста означает быть выключенным из современности, быть обреченным на жизнь, качество которой будет постепенно снижаться»².

¹ МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». Available at: URL: <http://www.ifap.ru> (дата обращения: 15.04.2019).

² Цифровое неравенство: Газета.ru. Available at: URL: https://www.gazeta.ru/comments/2017/06/11_a_10717067.shtml (дата обращения: 15.04.2019).

Россия занимает 41 место в рейтинге сетевой готовности Всемирного экономического форума (Networked Readiness Index — NRI) по данным 2018 г. По данным исследования, страна находится в верхней трети рейтинга по готовности, использованию и влиянию, но главным сдерживающим фактором является слабая нормативно-правовая база. Поскольку тарифы на мобильный и фиксированный Интернет очень низкие и продолжают падать (10-е место по доступности), индивидуальное использование продолжает расти почти во всех измерениях, в результате чего Россия на 40-м месте в этой категории.

Показатели цифрового неравенства у нас выражены более, чем в экономически развитых странах. Прежде всего, это касается разрыва между поколениями: уровень использования компьютера и интернета молодыми людьми в России и ЕС практически не отличается, зато в старших возрастных группах (55+) можно наблюдать более чем двукратные различия доли пользователей ИКТ. По ключевым показателям использования ИКТ различия между регионами России, городами и сельскими населенными пунктами существенно выше, чем в европейских странах и могут превышать различия между развитыми европейскими странами и развивающимися странами, только что вступившими на путь развития информационного общества (Ершова и др., 2014).

Госполитика в сфере преодоления информационного неравенства в России, как показывают аналитики Института развития информационного общества Т.В. Ершова, Ю.Е. Хохлов, С.Б. Шапошник (Ершова и др., 2014), строится на двух подходах. Первый подход ориентирован на регион, его поддержку и т.д. (сильная региональная политика), он включает разработку типовых решений региональной информатизации, внедрение которых финансировалась из федерального бюджета в рамках программы «Электронная Россия»; разработку типовых программ информатизации регионов и других документов (2006–2007), проведение конкурса на предоставление федеральных субсидий регионам на развитие ИО (2012–2013). Объектом второго подхода является отдельный человек, отдельное бюджетное учреждение и др. (сильная социальная политика). Этот подход предполагает реализацию национального проекта «Образование» (2006–2007); телефонизацию населенных пунктов и создания центров коллективного доступа к интернету; наличие центров доступа к интернету в шаговой доступности в населенных пунктах с населением 500 человек и больше.

В 2018 г. глава Минкомсвязи Николай Никифоров заявил, что цифровое неравенство в РФ исчезнет к 2024 г. В 2019 г. Правительством РФ было выделено 21 млрд руб. субсидий на развитие блокчейна, Big Data и искусственного интеллекта. 18 февраля 2019 г. Минкомсвязи определило меры поддержки так называемых сквозных технологий – блокчейна, больших данных, искусственного интеллекта, квантовых вычислений, робототехники, технологии виртуальной и дополнительной реальности¹.

В бюджетах всех субъектов РФ запланировано финансирование развития цифровизации, и оно ежегодно увеличивается. Например, в субъектах-лидерах — это масштабные программы по информатизации и цифровизации городов и регионов («Умный город» в Москве, «Программа информатизации» в Республике Татарстан и т.п.), в уступающих субъектах РФ — это региональные акты о создании рабочих групп по развитию цифровизации, указы глав регионов о создании технопарков, о сокращении разрывов в предоставлении цифровых услуг населению, в том числе госуслуг в электронном виде. В целом, в замыкающих рейтинг субъектах РФ взят курс на устранение цифрового неравенства².

С 2014 г. в России действует программа «Бабушка и дедушка онлайн», благодаря которой тысячи пенсионеров уже смогли освоить навыки владения компьютером. Это реализуемая более чем в 65 регионах России национальная социальная программа массового обучения граждан пенсионного возраста основам ИКТ и использованию услуг электронного правительства, она учреждена Межрегиональной общественной организацией «Ассоциация ветеранов, инвалидов и пенсионеров» (МРОО «АВИП»), в рамках стратегии развития информационного общества в России. Впервые проект «Бабушка и дедушка онлайн» появился в Приморском крае в 2014 г. За это время более 30 000 пенсионеров прошли курсы компьютерной грамотности. Самой старшей из учеников стала Анилина Безякина,

¹ Константин Носков рассказал о ходе устранения цифрового неравенства: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Available at: URL: <http://fapmc.ru/rospechat/newsandevents/media/2019/02/item11.html> (дата обращения: 17.04.2019).

² Индекс «Цифровая Россия» по субъектам Российской Федерации за 1-ое полугодие 2018 года: Московская школа управления СКОЛКОВО. Центр финансовых инноваций и безналичной экономики. Available at: URL: https://www.plusworld.ru/wp-content/uploads/2018/10/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Short_2018-10_ru-6.pdf (дата обращения 30.04.2019).

которой исполнилось 87 лет¹. Приведенный кейс показывает широкие возможности цифровых технологий в социальной адаптации людей «серебряного возраста».

Неоднократно исследователи обращались к теме «нетократии», анализируя новый слой элиты, возникший в информационном обществе. Цифровое неравенство создает новые социальные лифты – уровень владения информационными технологиями становится важнейшим дифференцирующим фактором и устанавливает новые рамки системы социализации.

Роль государства в диджитализации образования

На макроуровне ключевым агентом вторичной цифровой социализации выступает государство, фокусирующееся на создании и развитии инфраструктуры доступа к цифровым технологиям и формировании цифровых компетенций. Развитие web-экономики в стране актуализирует потребность в профессионалах с высоким уровнем IT-компетенций. Государственная программа «Цифровая экономика РФ» направлена на предоставление цифровых возможностей для российских граждан и преодоление цифрового неравенства в стране, развитие IT-инфраструктуры².

С 2016 г. действует проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ» (СЦОС) государственной программы «Развитие образования», направленный на цифровую трансформацию, повышение качества и доступности образования посредством использования e-learning-технологий, подготовку профессионалов высокотехнологичных секторов цифровой экономики с необходимым уровнем цифровых знаний, умений, навыков. Проект СЦОС предусматривает создание информационного веб-ресурса, предоставляющего по принципу «одного окна» доступ обучающемуся, в т.ч. через мобильные устройства, к образовательным онлайн-платформам с параллельным экспертным и пользовательским ранжированием качества контента курсов. В 2018 г. НИУ ВШЭ разработал сервис психометрической аналитики, который в автоматическом режиме по «цифровым следам» слушателей анализирует качество содержания, оценочные средства онлайн-курсов с целью повышения эффективности электронного обучения. В целом, проект СЦОС ориентирован на создание десяти региональных центров компетенций в сфере цифровой социализации и подготовку специалистов в сфере электронного обучения, цифровых дисциплин³.

По итогам проекта, к 2025 г. онлайн-обучение должны пройти 11 млн российских граждан, число цифровых образовательных курсов увеличится в десятки раз и достигнет показателя 4 тыс. онлайн-ресурсов.

Министерство просвещения РФ разрабатывает проект «Цифровая школа», в рамках которого планируется создание цифровой платформы и веб-ресурса с целью предоставления свободного доступа обучающимся к электронному образовательному контенту; формирование цифровых знаний, умений, навыков у социализантов, развитие цифровой грамотности, обучение цифровому проектированию школьников. Предполагается внедрение в современную образовательную среду школьных учебников в электронном формате, автоматизированной проверки однотипных школьных письменных заданий; оснащение школ IT-инфраструктурой; повышение уровня цифровой компетентности социализаторов, обеспечение возможности зачета прохождения онлайн-курсов на последующих уровнях образования. Проект «Цифровая школа» коррелирует с планами мероприятий по реализации программы «Цифровая экономика РФ».

В качестве целевых индикаторов эффективности реализации проекта выступили имплементация модели цифровой школы во всех образовательных учреждениях страны с наличием беспроводного доступа к сети Интернет (скорость не менее 10 Мбит/с), достижение высокого уровня цифровой

¹ «Бабушка и дедушка онлайн»: пенсионеры активно осваивают информационные технологии: Рамблер/. Available at: URL: <https://news.rambler.ru/other/38669853-babushka-i-dedushka-onlayn-pensionery-primorya-aktivno-osvaivayut-informatsionnye-tehnologii/?updated> (дата обращения: 30.04.2019).

² Об утверждении программы «Цифровая экономика РФ»: Распоряжение Правительства РФ №1632-р от 28 июля 2017 г. Available at: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/.

³ Паспорт приоритетного проекта "Современная цифровая образовательная среда в РФ" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол № 9 от 25 окт. 2016 г., с изм. от 27 сент. 2017 г. №10). Available at: URL: <http://government.ru/projects/selection/643/25682/>.

грамотности у 40% обучающейся молодежи, включенность 70% педагогов в образовательные практики цифровых профессиональных сообществ¹.

В числе ожидаемых результатов от реализации проекта – актуализация образовательных программ по цифровой безопасности, информатики, обязательное тестирование девятиклассников по цифровым технологиям, разработка нормативных и организационных условий регулярного исследования ИТ-компетенций учащихся 8 классов, автоматизация учебно-воспитательного процесса, введение электронного документооборота, отчетности и «облачной» бухгалтерии в общеобразовательных организациях.

В качестве контентного ресурса внедрения модели цифровой школы в образовательных учреждениях выступает проект «Российская электронная школа» (РЭШ), созданный в рамках ведомственной целевой программы «Российская электронная школа» на 2016–2018 гг, направленной на реализацию подпрограммы «Содействие развитию дошкольного и общего образования» государственной программы РФ «Развитие образования» на 2018–2025 гг.² На портале РЭШ (веб-ресурс resh.edu.ru) представлены в открытом доступе для различных участников образовательных отношений дидактические и методические ресурсы с использованием ИКТ, интерактивные видеоуроки по общеобразовательным учебным предметам с 1 по 11 класс. Авторские образовательные программы, размещенные на портале РЭШ, проходят экспертизу Российской академии образования, соответствуют ФГОС и ООП общего образования.

Формирование открытой информационно-образовательной среды с использованием дистанционных и e-learning-технологий в рамках РЭШ осуществлялось с учетом контента и технологических разработок проекта «Московской электронной школы» (МЭШ), который реализуется Департаментом информационных технологий и Департаментом образования Москвы в рамках государственных программ Москвы «Информационный город», «Столичное образование».

Проект МЭШ ориентирован на различных участников образовательного процесса, направлен на создание ИТ-инфраструктуры и внедрение smart-технологий в городское образовательное пространство, развитие цифровых компетенций преподавательского состава, продуцирование цифровых форм образовательного контента. В октябре 2018 г. инфраструктурой МЭШ оборудованы все образовательные учреждения Москвы; в школах установлены 19 тыс. интерактивных панелей, 45 тыс. точек доступа к беспроводной сети wi-fi, поставлены 40 тыс. ноутбуков, действуют 17 тыс. высокотехнологичных классов. В число основных цифровых сервисов МЭШ входят: интерактивные панели, учебники в цифровом формате, интерактивное тестирование, выполнение и проверка домашних заданий онлайн и т.д. Программными компонентами МЭШ являются цифровая библиотека (27 тыс. интерактивных сценариев уроков в открытом доступе, 640 учебных пособий, 290 электронных учебников), электронные журнал и дневник с различными пользовательскими интерфейсами, последний – доступен в мобильном приложении «Государственные услуги Москвы» и на веб-сайте mos.ru (Московская электронная ...).

Цифровая библиотека МЭШ является общегородской платформой образовательных материалов в онлайн-формате, включающая различный контент: авторский атомарный контент по отдельным темам, сценарии интерактивных уроков, образовательные приложения и игры, электронные школьные пособия, онлайн-курсы. Для разработчиков образовательного онлайн-контента Правительством Москвы предусмотрена грантовая поддержка, размер которой коррелирует со степенью востребованности материала в педагогическом сообществе³.

¹ Рабочая версия паспорта федерального проекта «Цифровая школа». Available at: URL: <http://mineco04.ru/razvitie-predprinimatelstva-v-respublike-altay/Цифровая%20школа.pdf>.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования": Постановление Правительства РФ № 1642 от 26 дек. 2017 г. (ред. от 04.10.2018). Available at: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/.

³ О грантах за вклад в развитие проекта Московская электронная школа: Постановление Правительства Москвы № 844-ПП от 8 нояб. 2017 г. Available at: URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/9355/PostanovleniePravitelstvaMoskviOgrantahzavkladvrazvitieproektaMESh.pdf>.

Заключение

Специфика цифровых социализационных процессов обусловлена не только поколенческими, возрастными особенностями социализантов в уровне освоения сетевых технологий («цифровые мигранты» и «цифровые аборигены»), но и региональными различиями цифровизации экономики, развития интернет-инфраструктуры, онлайн-включенности органов власти, гражданского общества, цифровой культуры граждан.

Цифровым социализационным процессам в РФ свойственны региональные диспропорции, однако разрывы в уровне цифровой грамотности россиян за последние годы начинают снижаться. Процессы цифровой социализации эффективны в макрорегионах со сложившейся интернет-инфраструктурой, высокими показателями индекса интернет-открытости регионов, значительным удельным весом городского населения, высоким уровнем цифровых компетенций и навыков безопасного пользования интернетом.

Барьеры на пути цифровой социализации: иерархии в уровнях доступа к ресурсам сетевого общества, информационным технологиям. Эмпирические исследования фиксируют рост цифровых компетенций граждан, численности мобильных и интернет-пользователей, уровня цифрового доверия. Положительная динамика цифровых компетенций обусловлена активной деятельностью органов власти по просвещению граждан относительно возможностей использования IT-технологий.

ИКТ предоставляет неограниченный доступ к информации и расширенные возможности коммуникации, однако несмотря на это, существует ряд проблем, которые называют «неизбежные социальные эффекты от внедрения ИКТ». Так, по прогнозам, в ближайшие несколько лет более чем на 15% увеличится объем работ, выполняемых роботами, что может стать причиной серьезного роста безработицы. Также возникают сложности в адаптации к новым рабочим местам (особенно у людей старшего поколения), требующим специальных навыков владения ИКТ.

Кроме того, ярко выражена проблема обезличенности социальных сетей, которая порождает проблему одиночества и новые формы отчуждения.

Как полагают Д.Е. Добринская и Т.С. Мартыненко (Добринская и др., 2019), значительное увеличение объема распространяемой информации приводит к «информационной перегрузке», что проявляется в когнитивных искажениях, нарушениях памяти и внимания. Возможность мгновенно получить доступ к любым данным не способствует запоминанию даже важной информации, формирует зависимость от многочисленных электронных устройств, которые нас окружают. Эта зависимость, в свою очередь, способствует утрате многих навыков – ориентирования на местности, запоминания адресов и контактов близких людей и т.п.

Государственная поддержка цифровой социализации в РФ осуществляется в рамках проектов «Современная цифровая образовательная среда», «Цифровая школа», «Российская электронная школа», реализуемых на базе государственных программ «Развитие образования» в РФ, «Цифровая экономика в РФ». Основные направления государственной поддержки цифровых социализационных процессов: создание IT-инфраструктуры, формирование цифровых компетенций, развитие цифровой грамотности российских граждан.

Дальнейшее развитие цифровых социализационных процессов будет происходить за счет вовлечения в онлайн-сферу представителей старшего поколения, «цифровых мигрантов», получивших преобладающую часть опыта, знаний, умений и навыков офлайн, и приступивших к интенсивному освоению и использованию онлайн-ресурсов на (сравнительно) позднем этапе социализации. Цифровые социализационные процессы и их успешность являются одним из ресурсов развития России и ее регионов. Преодоление цифрового неравенства регионов будет позитивно влиять на преодоление диспропорций социально-экономического развития и включение граждан в публичную политику.

Финансовая поддержка

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества».

Библиографический список

- Добринская, Д. Е., Мартыненко, Т. С. (2019) 'Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва', *Вестник РУДН. Серия Социология*, 19 (1), сс. 108–120. [Dobrinskaya, D. E., Martynenko, T. S. (2019) 'Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels' [Perspektivy rossiyskogo informatsionnogo obshchestva: urovni tsifrovogo razryva], *RUDN Journal of Sociology*, 19 (1), pp. 108–120. (In Russ.)].
- Ершова, Т. В., Хохлов, Ю. Е., Шапошник, С. Б. (2014) 'Информационное неравенство в России: измерение и государственная политика, направленная на его преодоление': VI Международный IT-Форум с участием стран БРИКС. Сессия «Электронная демократия», 4 июня 2014 г., г. Ханты-Мансийск. [Ershova, T. V., Khokhlov, Yu. E., Shaposhnik, S. B. (2014) 'Informational Inequality in Russia: Measurement and State Policy Aimed at Overcoming It': The VI International IT Forum with the participation of the BRICS countries. Session "E-democracy", June 4, 2014, Khanty-Mansiysk [Informatsionnoye neravenstvo v Rossii: izmereniye i gosudarstvennaya politika, napravlenная na yego preodoleniye]. Available at: URL: www.iis.ru/docs/2014-06-04_10_Ershova_2014-06-04_02.ppt. (In Russ.)].
- Индекс цифровой грамотности 2017 (2017). Всероссийское исследование. Москва: РОЦИТ. 34 с. [Digital literacy index 2017: Russian national survey [Indeks tsifrovoy gramotnosti 2017]. Available at: URL: http://цифроваяграмотность.рф/media/Digital_Literacy_Index_2017.pdf (In Russ.)].
- Интернет в России в 2016 году: состояние, тенденции и перспективы развития (2017): отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ. Москва. [Internet 2016 in Russia: status, tendencies and perspectives [Internet v Rossii v 2016 godu: sostoyaniye, tendentsii i perspektivy razvitiya]: the report of the Federal Service for the Supervision of Communication, Information Technology and Mass Communication (In Russ.)].
- Кузнецов, А., Сергеева, О. (2014) «Новые» технологии и «старые» люди: (on the example of the subjects of the Russian Federation)' [Ekosistema setevogo publichnogo upravleniya: otsenka gotovnosti setevogo okruzheniya k innovatsionnym praktikam (na primere sub"yek-tov RF)], *Person. Community. Management*, 4, Vol.18, pp. 6–21. (In Russ.)].
- Московская электронная школа [Moscow e-school [Moskovskaya elektronnaya shkola]. Available at: URL: <https://www.mos.ru/city/projects/mesh/> (In Russ.)].
- Плешаков, В. А. (2012) *Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a*. Москва: МПГУ, «Прометей». 212 с. [Pleshakov, V. A. (2012) *Cybersocialization of a person: from Homo Sapiens to Homo Cyberus* [Kibersotsializatsiya cheloveka: ot Homo Sapiens'a do Homo Cyberus'a]. Moscow: MPGU, "Prometei". 212 p. (In Russ.)].
- Солдатова, Г. У. (2018) 'Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире', *Социальная психология и общество*, Т. 9, 3, сс. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308. [Soldatova, G. U. (2018) 'Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world' [Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire], *Social psychology and society*, Vol. 9, 3, pp. 71–80. (In Russ.)].
- Цифровая экономика: краткий статистический сборник (2018). Москва: НИУ ВШЭ, 2018. [Digital economy: statistics (2018) [Tsifrovaya ekonomika: kratkiy statisticheskiy sbornik]. Moscow: N.E. (In Russ.)].
- Шариков, А. В. (2016) 'О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности', *Журнал исследований социальной политики*, 1, сс. 87–98. [Sharikov, A. V. (2016) 'Digital Literacy: A Four-Component Model' [O chetyrekhkomponentnoy modeli tsifrovoy gramotnosti], *The journal of social policy studies*, 1, pp. 87–98. (In Russ.)].
- Экосистема цифровой экономики / Экономика Рунета (2017). Москва: Ассоциация электронной коммуникации. 64с. [Ecosystem of digital economy: Runet economy (2017) [Ekosistema tsifrovoy ekonomiki / Ekonomika Runeta]. Moscow. 64 p. (In Russ.)].

- исследования опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста», *Социология власти*, 3, сс. 99 – 125. [Kuznetsov, A., Sergeeva, O. (2014) 'New Technologies and Old People: Inquiry of Computer Use by Third Age Representatives' [«Novyye» tekhnologii i «staryye» lyudi: issledovaniya opyta pol'zovaniya komp'yuterom u predstaviteley tret'yego vozrasta], *Sociology of power*, 3 pp. 99 – 125. (In Russ.)].
- Лучинкина, А. И. (2013) *Психология интернет-социализации личности*. Симферополь: ВД «АРИАЛ», 356 с. [Lychinkina, A. I. (2013) *The psychology of personality internet-socialization* [Psikhologiya internet-sotsializatsii lichnosti. Simferopol: VD "Ari-al", 365 p. (In Russ.)].
- Мастеркард представляет рейтинг Digital Evolution Index 2017. [Mastercard presents Digital Evolution Index 2017 [Masterkard predstavlyayet reytng Digital Evolution Index 2017]. Available at: URL: <https://newsroom.mastercard.com/ru/news-briefs/mastercard-представляет-рейтинг-digital-evolution-index-2017/> (In Russ.)].
- Мирошниченко, И. В., Рябченко, Н. А. (2017) 'Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ)', *Человек. Сообщество. Управление*, 4, Т.18, сс. 6–21. [Miroshnichenko, I. V., Ryabchenko, N. A. (2017) 'Ecosystem of the network public administration: estimation of network environment reality for the innovative practices (on the example of subjects of RF)', *Человек. Сообщество. Управление*, 4, T.18, ss. 6–21. (In Russ.)].
- Russ.)].
- Camas, L., Valero, A., Vendrell, M. (2018) 'Hacking memes: Democratic Culture, Social Media and Education', *Espiral-cuadernos del profesorado*, Vol. 11. Iss. 23. pp. 120–129.
- Castells, M. (1996) *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I. Cambridge, Massachusetts; Oxford, UK: Blackwell.
- Druckerey, T. (1996) *Electronic Culture: Technology and Visual Representation*. NY, Aperture.
- Harper, V. *The Digital Devoid (DD): A Reconceptualization for Educators*. Available at: URL: <http://www.aace.org/pubs/etr/issue4/harper2.pdf>.
- Rodriguez, E., Pequeno, G. (2017) 'Socialization of Interconnected Youth: Experiencing Identity in an Augmented Society', *Profesorado-revista de curriculum y formacion de profesorado*, Vol. 21, Iss. 2, pp. 171–190.
- Salmon, G. (2004) *E-moderating: the key to teaching and learning online*. London and New York: Routledge Falmer, Taylor & Francis Group. 242 p.
- Smith, J., Hewitt, B. & Skrbis, Z. (2015) 'Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood', *Information, Communication & Society*, Vol. 18, 9. pp. 1022–1038. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1007074.
- Thorson, K., Xu, Y., Edgerly, S. (2018) 'Political Inequalities Start at Home: Parents, Children, and the Socialization of Civic Infrastructure Online', *Political Communication*, Vol. 35, Iss. 2, pp. 178–195. DOI: 10.1080/10584609.2017.1333550.

Информация об авторах

Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. E-mail: rap@kubsu.ru (ORCID: 0000-0002-1369-7594. ResearcherID: R-9250-2016).

Плотицкина Наталья Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. E-mail: rap@kubsu.ru (ORCID: 0000-0003-2601-5107).

Попова Кристина Ивановна – студентка 3 курса бакалавриата по направлению «Государственное и муниципальное управление», Кубанского государственного университета. E-mail: rap@kubsu.ru.

Статья принята к печати: 30.04.2019

THE STATE AS AN AGENT OF DIGITAL SOCIALIZATION

E. V. Morozova

Kuban State University

N. V. Plotichkina

Kuban State University

K. I. Popova

Kuban State University

Abstract

The article presents the theoretical articulation of digital socialization, describes the analytical intentions of a relatively new form of socialization processes in network society, circulating in domestic and foreign scientific discourse. Digital socialization is interpreted as the process of an individual's internalization of the norms, rules, practices and roles in network society, incorporation into the digital culture and externalization in the digital environment. The authors have identified personal and environmental parameters of digital socialization in Russia. They distinguished the role of the state as a key agent of secondary digital socialization in Russian society. The educational policy in the field of digital socialization of citizens is implemented in the framework of the priority projects "Modern Digital Educational Environment in Russian Federation", "Digital School", national program "Education Development", the subprogram "Personnel and Education" of national program "Digital Economy of Russian Federation".

Keywords: network society; digital culture; digital socialization; digital literacy; state.

УДК-32(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-17-26

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ольга Кузнецова

Томский государственный университет

Дмитрий Михайлов

Сибирский Институт Управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация

Статья посвящена стратегиям организации образа врага (энемификации) как элементу языка вражды, который стал актуальным в российском общественно-политическом пространстве после 2012 г. Радикальные формы энемификации в современном российском общественном дискурсе приобрели милитаризованную форму, которая концентрированно выражена в двух концептах – «предатель» и «оккупант». Эволюцию языка вражды мы связываем с изменениями стратегий деполитизации. Новая социальная констелляция, сложившаяся в условиях экономического кризиса, заставила власть изменить принципы деполитизации. На смену административной, апеллирующей к экономической целесообразности стратегии, пришла стратегия секьюритизации ключевых сфер общественной жизни. Это резко радикализовало общественно-политический дискурс, в котором центральное место заняла милитаризованная риторика. Стремясь вытеснить друг друга за пределы политики, оппоненты приняли на вооружение концепты «предательство» и «оккупация». Основными источниками выступают материалы социальных сетей и СМИ, публицистика широкого спектра политических деятелей современной России.

Важным инструментом стратегии секьюритизации стала информационная кампания, направленная на борьбу с «предателями», составляющими «пятую колонну». В результате, значительная часть оппозиционных сил была выведена за скобки общественно-политической жизни. Сужение политического пространства определило ответную стратегию исключаемого сообщества, которая реализуется посредством концепта оккупации. Понятие «оккупант» широко используется всем спектром политических сил несистемной оппозиции, однако его содержание определяется конкретными идеологическими установками.

В статье милитаризованная риторика современного российского общественно-политического пространства рассматривается с точки зрения универсальных стратегий национального государства и роли мемориальных практик в организации сообщества.

Ключевые слова: власть; несистемная оппозиция; секьюритизация; образ врага; язык вражды; оккупант; предатель.

Введение

С началом эпохи национального суверенитета и распространением индустриальных видов вооружения состояние готовности гражданского населения к уничтожению «потенциального противника» становится одним из ключевых стратегических ресурсов государства. В XX в. милитаризованный дискурс начинает определять общественно-политическую повседневность: логика военных действий становится логикой всего общества. Психологическим условием современной войны становится регулярное воспроизводство в общественном сознании образа «врага» (Rieber & Kelly, 1991: 4). В связи с этим реализуемые в обществе стратегии энемификации можно рассматривать как один из ключевых индикаторов его состояния.

Большой интерес в этом отношении представляет последовавшая после выборного цикла 2011–2012 гг. трансформация взаимосвязей российской власти и общества, результатом которой стало переопределение ключевых политических акторов (Gelman, 2015: 17). Новая общественно-политическая констелляция сопровождалась накалом полемики, язык вражды все чаще приобретал крайние формы, что нашло непосредственное выражение в процессе создания образа «врага».

В постструктуралистской традиции, с ее вниманием к бинарным оппозициям, сформировалось понимание непрерывности воспроизводства коллективной идентичности через отграничение «Другого» от «Я». Содержание коллективной идентичности определяется через постоянную групповую маркировку, которая имеет ситуативный характер. Политический дискурс потенциально содержит в себе разделение, посредством которого осуществляется стереотипизация и рутинизация образа «Другого». Следовательно, политический смысл ситуация может приобретать, когда попадает в систему маркирования «свой-чужой», а политический процесс будет сводиться к борьбе за переопределение «народа», что подразумевает формирование исключённого из политики сообщества (См.: Butler, 2015: 4). Сам акт политического исключения является актом, институализирующим власть.

Производство опасности, таким образом, является неотъемлемой частью непрерывного процесса формирования социально-политической идентичности (Макарычев, 20: 26). «Другой» становится ключевым дискурсивным механизмом суверенизации, и в этом контексте актуализируется центральная проблема политического суверенитета – проблема безопасности. Формирование образа «врага» требует абсолютизации общественной проблемы и выведения ее за пределы политического в область национальной безопасности. Перевод отдельных аспектов общественной жизни в сферу национальной безопасности позволяет производить дискурсивную среду, в которой категоризируется «опасный враг», политическое взаимодействие с которым невозможно. «Другой» превращается в экзистенциальную проблему, разрешение которой не предусматривает использования обычных политических методов и средств. Это создает моральную основу для легитимации «экстренных мер» в отношении объекта, имеющего иную оценку ситуации.

Важным средством переопределения конкурирующих политических групп является язык вражды, который в том числе «позволяет заново идентифицировать говорящего и те сообщества, к которым он себя причисляет» (Радченко и Архипова, 2018: 194). В данной работе мы исходим из того, что крайние формы энемификации в современном российском общественном дискурсе приобрели милитаризованную форму, которая концентрированно выражена в двух концептах – «предатель» и «оккупант». Цель статьи – описание и анализ изменений в стратегиях организации «врага», которые последовали за выборными кампаниями 2011–2012 гг. Источником послужили материалы социальных сетей, СМИ, публицистика деятелей современной России широкого политического спектра.

«Иностранные агенты» в контексте изменения стратегии деполитизации

Как отмечалось рядом исследователей, деполитизация стала основным содержанием деятельности Владимира Путина с момента его прихода к власти (Morozov, 2015: 138.). В 2000-е гг. процесс деполитизации охватывает все больше областей общественной жизни: из политической сферы выводились СМИ, бизнес, шел активный процесс сокращения реального числа акторов в политике. Российская власть реализовывалась по принципу бизнес-корпорации, в основе логики принятия решений которой лежит экономическая необходимость (Makarychev, 2008). Политическое активно подменялось административным, идеологическим обоснованием этого процесса стала идея построения сильной «вертикали власти», которую активно популяризировал бывший глава администрации президента Вячеслав Сурков.

Начиная с 2011 г., властью был взят курс на секьюритизацию общественно-политического пространства. Под секьюритизацией понимается комплекс практик, направленных на формирование у объекта чувства критической уязвимости, следствием чего становится появление потребности в немедленном устранении угрозы путем использования чрезвычайных мер (Якушина, 2012). Используя понятийный аппарат теории секьюритизации, разработанной в рамках Копенгагенской школы, можно охарактеризовать это так: Россия – референтный объект, который, согласно властной риторике, находится под угрозой, а власть как актор секьюритизации, выступающий от имени всей нации, применяет «экстренные меры» для ликвидации экзистенциальной угрозы в лице несистемной оппозиции. Возникшая проблема безопасности позволяет вывести объект из области нормальной политики и придать ему статус чрезвычайного приоритета, что оправдывает действия за границами нормальной политической процедуры (Buzan, 1998).

Официальная риторика третьего президентского срока Путина характеризуется консервативно-националистическим дискурсом (Lipman, 2013). В качестве ключевых концептов данного дискурса выделяются понятия: «суверенность» – не только как политическая категория, но и как духовный и идеологический концепт, конституирующий особый «национальный характер»; «единство»/«консенсус», секьюритизирующие национальную идентичность; и «нормальность», базирующаяся на биополитике (Makarychev & Yatsyk, 2014: 2). В это время меняется дискурс безопасности: если ранее преобладала великодержавная риторика, то после 2011 г. ядром дискурса безопасности стал тезис о «вмешательстве врага во внутренние дела» (Морозов, 2015: 219).

Оценив масштаб оппозиционных волнений 2011–2012 гг., власть начинает применять меры, направленные на выведение оппозиции за скобки общественной дискуссии. В связи с этим, начиная с 2012 г. секьюритизации подвергались различные области общественной жизни, в частности: религиозные чувства, некоммерческие организации, публичные общественные мероприятия.

Наиболее акцентированно новая стратегия энемификации проявилась в дискуссии вокруг принятия федерального закона РФ «Об иностранных агентах». Вслед за принятием закона российские медиа усилили кампанию против нелояльных НКО. Их деятельность подвергалась публичным нападениям и ранее, еще со времен «цветных революций» 2003–2005 гг., но отныне их представляли согражданам уже не как маргиналов, «шакалящих у посольств» в ожидании западных подачек, а как значимую угрозу, инструмент возможного свержения режима (Gelman, 2015: 17). Риторика, направленная против подобных организаций, становится ещё агрессивнее на сайте [пятаколонна.рф](http://pyatayakolonna.rf), создатели которого, обличающие «врагов народа», в «перечень предателей» вносят все организации реестра НКО, выполняющие функции иностранного агента¹.

Посредством ограничения политического плюрализма и криминализации иностранного финансирования гражданских общественных организаций, власть, очевидно, стремится предотвратить как любую возможность иностранной интервенции и консолидации активной оппозиции, так и развитие влияния активного гражданского общества вне сферы контроля суверенного государства (Pitts & Ovsyannikova, 2015: 135). Включение проблемы иностранных агентов в правовое поле само по себе является реифицирующим актом. Как утверждает Славой Жижек, предписания закона отсылают к существованию объекта, который потенциально связан с воплощением наших желаний: «законы общества задают поле социальной реальности» (Жижек, 1999: 86). Закон «Об иностранных агентах» проводит новую границу в определении нации и объективирует противопоставление, которое исключает из политического пространства часть сообщества.

Изменения в стратегии деполитизации не могли не отразиться на интерпретациях ключевых политических акторов. С момента переизбрания В.В. Путина на третий президентский срок в марте 2012 г., российское общество оказалось в состоянии культурной войны (Robinson, 2014). В этой войне все, кто выступает за перемены в обществе, объявляются предателями и «пятой колонной», способными нанести непоправимый ущерб и поставить под угрозу само существование государства.

Важным инструментом секьюритизации стала масштабная информационная кампания, ключевой идеологемой которой стала «пятая колонна». Так, мысль о внешних хозяевах российской оппозиции и оплаченных Госдепом митингах стала ключевой в телевизионных проектах «Анатомия протеста», «Биохимия предательства», «Эхо Госдепа», нацеленных на дискредитацию деятельности оппозиционеров, принимавших активное участие в протестном движении 2011–2013 гг.

Ключевым событием в этом процессе стала «крымская речь» В.В. Путина, в которой он предупреждает народ о возможном внешнем противодействии российской внешнеполитической деятельности со стороны Запада посредством пятой колонны. Речь в обращении президента шла не только об оппозиционных лидерах, но и о широкой социальной группе, которая ведет чуждый образ жизни, так называемом креативном классе или «креаклах». В общественном дискурсе современной России данный термин приобрел негативную смысловую нагрузку. В выступлении патриарха Кирилла «креаклы» характеризуются как группа людей, «которая пренебрежительно относится к народу, считая его не способным к творческой деятельности»².

Гендиректор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Валерий Федоров определяет креативный класс как «сборище тех, кто кормится за счет нефтяной ренты и на

¹ Организации предателей. Available at: URL: <http://xn--80aa3aekaebe4a6lc.xn--p1ai/orgs.html> (дата доступа: 22.01.2019).

² Патриарх Кирилл обвинил «креативный класс» в презрении к народу. Available at: URL: <http://lenta.ru/news/2013/12/22/kreakl/> (дата доступа: 22.01.2019).

каждом углу ругает власть». Он также проводит аналогию с «бездельниками – пролетариатом» и предостерегает о возможных последствиях политической деятельности креаклов, о повторении 1917 г.¹. Куда экспрессивнее Федоров прокомментировал скандальное высказывание Владимира Соловьева о протестующих как о «2% дерьма»².

В результате политики исключения была сформулирована категория «несистемная оппозиция», которая противопоставлялась «нормальной», парламентской оппозиции. Позиция представителей партий, представленных в Государственной думе, в ходе голосования по упомянутым выше проблемам указывает на поддержку инициатив власти. Более того, понятие «Пятая колонна» часто употребляется лидерами системной оппозиции в том же контексте, что и правящей элитой. Так, Сергей Миронов – лидер партии Справедливая Россия – в статье под заголовком «Закат “пятой колонны”. Кому ненавистна Россия, встающая с колен?» пишет следующее: «Деятельность “пятой колонны”, как правило, маскируется под оппозиционную деятельность. Именно маскируется! Потому что властину не следует путать с оппозицией»³.

Наиболее рельефно тема порабощения России внешним врагом с помощью российской несистемной оппозиции проявляется в идеологии общественно-политической организации с характерным наименованием «Национально-освободительное движение» (НОД). НОД вносит существенный вклад в становлении лексемы «оккупант» в качестве ключевого слова текущего момента. По мнению лидера НОД Евгения Федорова, Россия на протяжении двух десятилетий – с момента поражения в холодной войне – находится под внешней оккупацией со стороны США. Инструменты данной оккупации: подконтрольный аппарат власти в РФ, а также Конституция, созданная советниками США⁴. Схожим с НОД по цели защиты родины от «пятой колонны» является общественное движение «Антимайдан», основной задачей которого является предотвращение в России «цветных революций»⁵.

К концу третьего президентского срока тема предательства пятой колонны прочно утвердилась в официальной риторике, на это, в частности, указывает появление летом 2017 г. в Совете Федерации Временной комиссии по защите государственного суверенитета, которая должна противостоять «внутренней оппозиции», предназначенной «под внешним управлением внести смуту и расшатать устои, чтобы привести к власти тех, кто сам отдаст иностранным кураторам ключи от государственного суверенитета»⁶.

Обращение к этой теме приобрело обыденный характер. Тема предательства активно рутинизируется посредством медиа. При этом в материалах пропагандистских групп в социальной сети Вконтакте демонизация «пятой колонны» проявляется особенно откровенно. Часто цитируемый в них паблик «Голос мордора», к примеру, призывает не сравнивать отечественных либералов с франкистами-патриотами, а отождествлять с шуцманшафт: «Они будут стрелять, вешать и даже издеваться над мертвыми телами»⁷. При этом апелляция к образам Великой Отечественной войны проявляется непосредственно в политическом дискурсе. Показательно, например, что в упомянутом документальном фильме Константина Семина «Биохимия предательства» современная либеральная оппозиция отождествляется с генералом Власовым, которому посвящена большая часть фильма. Заметным событием российского телевидения стало появление сериала «Спящие», в котором, под «спящими» подразумеваются завербованные Западом агенты. Еще один пример – постоянно действующая во шестнадцати крупных городах выставка «Россия – моя история», где, как отмечает Вольное истори-

¹ Федоров В. (2015). Креативный класс – это фикция. Available at: URL: <http://xn--hlaagokeh.xn--plai/> (дата доступа: 22.01.2019).

² Обухов А. (2017). Соловьева потребовали привлечь к ответственности за возбуждение ненависти против россиян. Available at: URL: <http://www.mk.ru/social/2017/06/16/soloveva-potrebovali-privlech-k-otvetstvennosti-za-vozbuzhdenie-nenavisti-protiv-rossiyan.html> (дата доступа: 22.01.2019).

³ Миронов С.М. (2014). Закат «пятой колонны». Кому ненавистна Россия, встающая с колен? Available at: URL: http://www.spravedlivo.ru/5_62576.html (дата доступа: 22.01.2019).

⁴ Сю М. (2014). В Россию будут наказывать за обещание дать или получить взятку. Available at: URL: <http://www.spbdnevnik.ru/news/2014-07-08/v-rossiyu-budut-nakazyvat-za-obeshchaniey-dat-ili-poluchit-vzyatku/> (дата доступа: 22.01.2019).

⁵ Тумакова И. (2013). Евгений Федоров: Российская Конституция – колониальный листок управления. Available at: URL: <http://www.fontanka.ru/2013/11/29/186/> (дата доступа: 22.01.2019).

⁶ Климов А. (2017) Колонна номер пять. Available at: URL: <http://www.council.gov.ru/services/discussions/blogs/82670> (дата доступа: 22.01.2019).

⁷ Голос мордора (2017). Группа в социальной сети Вконтакте. Available at: URL: <https://vk.com/public120940625> (дата доступа: 22.01.2019).

ческое общество¹, изречения «врагов России» являются псевдоцитатами, а идея «предательства» служит объяснительным механизмом.

Приведенные примеры публичной риторики свидетельствуют о широком спектре средств, которые задействованы в утверждении в массовом сознании идеи опасности, исходящей от «внутренних врагов». Концепт предателя эксплуатируется от первых лиц государства, до маргинальных сообществ и широко распространяется СМИ, пронизывая таким образом весь общественно-политический дискурс.

Концепт «оккупация» в дискурсе либеральной и националистической оппозиции

Сужение политического пространства приводит к усилению в политическом дискурсе агрессивной риторики. Реакцию общественных деятелей, оказавшихся за границами официальной политической жизни страны, на идеологическую кампанию власти лучше всего иллюстрирует концепт «оккупация».

Понятие «оккупант» широко используется всем спектром политических сил несистемной оппозиции, однако его содержание будет определяться идеологическими установками и контекстом использования. Соответствующие рассуждения можно встретить в публицистике известных интеллектуалов. Владимир Войнович, отмечая абсурдность современного российского законодательства и национальной политики памяти, приходит к выводу, что занимаются этими вопросами не «наши российские люди»: «И чем дальше, тем большим мучаюсь подозрением, что наши властные структуры, следственные органы, суды и редакции средств массовой информации пронизаны, ну если не американцами, то может быть какими-то другими оккупантами...»². На вопрос «является ли президент оккупантом?», Войнович отвечает: «Ведь президент не управляет оккупантами, а исполняет их указания». Схожим образом описывает ситуацию Борис Акунин: «У меня возникло твердое ощущение, что моя страна оккупирована врагом...»³.

Концепт оккупации широко используется непосредственно «исключаемым сообществом» – несистемной оппозицией. Глава Фонда борьбы с коррупцией Алексей Навальный, комментируя новость, что фонд Зиминой «Династия», оказывающий поддержку молодым ученым и финансирование в развитии науки, был включен Минюстом в реестр иностранных агентов, пишет: «Разве произошедшее не доказывает, что у власти сейчас оккупанты и враги России?»⁴. В тех же понятиях описывает ситуацию известный российский галерист, бывший политтехнолог Марат Гельман: «Любые действия против Путина и этой банды надо считать Освободительным движением»⁵. Помимо информации о зарубежных активах представителей власти для утверждения образа власти-оккупанта используется информация о различных формах территориальных уступок. В частности, комментарий Артемия Троицкого к новости о «сдаче Дальнего Востока китайцам» звучит следующим образом: «Надеемся, никто не пропустил эту прекрасную новость из жизни оккупационной администрации за разговорами о подозрительных виолончелистах»⁶.

Употребляется концепт оккупации и в академическом дискурсе. Сотрудник Оксфордского университета В. Пастухов трактует «оккупацию» с в контексте социальной иерархии. С его точки зрения, в современной России оккупационным является весь господствующий класс, представляю-

¹ Еще раз... (2017) Еще раз о мультимедийных парках «Россия — моя история». Available at: URL: <https://volistob.ru/statements/eshche-raz-o-multimediynih-parkah-rossiya-moya-istoriya#.Wkg65QBuzf0.vk> (дата доступа: 22.01.2019).

² Войнович В. (2014). Оккупанты. Available at: URL: <http://echo.msk.ru/blog/voinovich/1324752-echo/> (дата доступа: 22.01.2019).

³ Кан, А. (2015). Борис Акунин: «Моя страна оккупирована врагом». Available at: URL: http://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150415_boris_akunin_interview (дата доступа: 22.01.2019).

⁴ Навальный, А. А. (2015). Купи яхту, гад, купи футбольную команду. Available at: URL: <https://navalny.com/p/4262/> (дата доступа: 22.01.2019).

⁵ Гельман, М. (2015). Запись в Facebook от 03.12.2015. Available at: URL: <https://www.facebook.com/marat.guelman.9?fref=nf> (дата доступа: 22.01.2019).

⁶ Троицкий, А. (2016). Запись на странице интернет-канала ARU TV в Facebook от 07.04.2016. Available at: URL: <https://ru-ru.facebook.com/arutelevision/posts/1296881900340821> (дата доступа: 22.01.2019).

щий собой «сформированную из люмпенов всех мастей ("во фраках", "в погонах" или "в цепях" – не имеет значения) воровскую элиту и навязывающий населению свои "правила поведения"»¹.

Однако главным объектом критики с рассматриваемых позиций становится государственная система безопасности. Тема «захватчиков» не раз поднималась оппозиционными общественными деятелями в связи с принятием закона о переименовании милиции в полицию. Дело в том, что лексема «полиция» у большинства населения ассоциируется с «полицаями» – прислужниками картельных структур оккупационных фашистских властей во времена Великой Отечественной войны. Ассоциативная цепь «полиция-полицай-оккупанты» прослеживается в статьях некоторых оппозиционных деятелей. Например, А. Орехъ – обозреватель радио «эхо Москвы» – в своей статье «Полиция – предатели и оккупанты» следующим образом комментирует участвовавшие в 2012 г. случаи насилия людей со стороны полицейских: «Предали народ, который должны защищать от преступников, а сами ведут себя хуже любых бандитов»².

Журналистка Юлия Латынина пишет по случаю убийства журналиста, совершенного милиционером: «Наши менты – это оккупационная армия»³. Возглавляет эту армию, по мнению Латыниной, Путин, так как именно при нем установилась система, при которой «право совершать преступление есть привилегия, даруемая ментам, прокурорам и чиновникам». В сентябре 2017 г. в эфире радио «Соль» правозащитник Лев Пономарев, высказывая сомнения по поводу справедливости расследований уголовных дел в стране, замечает: «Полицейские становятся оккупантами в стране, оккупационной властью»⁴. Новая волна соответствующих ассоциаций связана с информацией о пытках, распространенных в системе ФСИН в 2018 г.

Характерно, что прямое отождествление с образами Великой Отечественной войны свойственно и оппозиционно настроенным общественным деятелям. К примеру, известный либеральными взглядами блогер Мальгин деятельность Следственного комитета неизменно сопровождает заголовком «новости Гестапо»⁵, а Алексей Навальный административные ограничения в ходе избирательной кампании иллюстрирует листовками, которые фашисты распространяли на оккупированных территориях⁶. Избирательная кампания 2016 г. усилила эти тенденции. Дискредитации подверглись даже деятели «системной оппозиции». В частности, на листовке, авторство которой приписывают советнику главы партии «Справедливая Россия» Александру Куваеву, изображены последовательно генерал Власов, депутат КПРФ Валерий Рашкин и Алексей Навальный. В тексте листовки депутаты КПРФ Рашкин и Клычков обвиняются в связях со «шпионом» Навальным, таким образом, по мнению авторов листовки, они «бессовестно плюют на Родину, как плевал генерал Власов на могилы Матросова, Космодемьянской и генерала Карбышева»⁷. Один из основных лозунгов протестной кампании Навального стал лозунг времен Великой Отечественной войны «Не забудем, не простим!» (Мороз, 2012), его же в ноябре 2017 г. использовала партия КПРФ на акции памяти событий 1993 г.⁸.

Этнические трактовки «оккупации»

Для представителей националистического спектра политических сил характерно употребление данной лексемы в следующем понимании: оккупант – должностное лицо РФ, не являющееся представителем русского народа.

¹ Пастухов, В. (2012). Государство диктатуры люмпен-пролетариата. Available at: URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/53942.html> (дата доступа: 22.01.2019).

² Орехъ, А. (2012). Полиция – предатели и оккупанты. Available at: URL: <http://echo.msk.ru/blog/oreh/868869-echo/> (дата доступа: 22.01.2019).

³ Латынина, Ю. (2010). Оккупанты. Available at: URL: <http://o53xo.mvvc44tv.cmle.ru/?a=note&id=9893#> (дата доступа: 22.01.2019).

⁴ Пономарев, Л. «Религиозный монархический терроризм», управа на пранкеров и митинги мусульман. Радиоэфир от 05 сентября 2017. Available at: URL: <https://salt.zone/radio/9230> (дата доступа: 22.01.2019).

⁵ Мальгин, А. (2016). Новости гестапо. Available at: URL: <http://avmalign.livejournal.com/6319412.html> (дата доступа: 22.01.2019).

⁶ Навальный, А. А. (2016). Внимание. В этом доме живут немцы. Available at: URL: <https://navalny.com/p/4779/> (дата доступа: 22.01.2019).

⁷ Николаева, А. (2016). Казалось бы, при чем тут Рашкин и Навальный? Предвыборный маразм крепчает с каждым днем. Available at: URL: <http://anna-nikolaeva.livejournal.com/404934.html> (дата доступа: 22.01.2019).

⁸ Брагин, А. (2017). «Не забудем! Не простим!». В Москве коммунисты и их сторонники провели митинг и шествие, посвященные 24-й годовщине трагических событий осени 1993-го. Available at: URL: <https://kprf.ru/actions/kprf/169389.html> (дата доступа: 22.01.2019).

Приведенное толкование подразумевает два объяснения: либо представитель власти, несмотря на свою русскую национальность, не представляет интересы русских; либо он не является русским по национальности и действует в интересах своей национальной общности. Среди современных русских националистов широко обсуждается концепция криптоколонии, сформулированная писателем Дмитрием Галковским. Суть ее заключается в том, что Россия находится под скрытым влиянием Великобритании, при этом метрополия обеспечивает свое господство над русским народом с помощью представителей национальных меньшинств – новиопов¹.

Российский и швейцарский философ, блогер Эдуард Надточий в публикации «Суверенность и погром. Кризис в Бирюлёво» утверждает, что бирюлевский погром отражает высокую степень недовольства народа политикой нынешнего режима. Дело в том, что кавказские мигранты воспринимаются народом, по мнению Надточего, как коллаборанты: «Кавказские мигранты – колониальная сила режима, превратившегося в простую оккупационную власть, не имеющую и не желающую иметь с туземцами ничего общего»².

Однако встречается также смешение двух данных вариантов понимания лексемы *оккупант*. Так, например, Егор Холмогоров – публицист, политический деятель, национальный демократ, главный редактор сайтов «Русский Обозреватель» и «Новые Хроники» – заявляет о нелегитимности сегодняшней российской власти, а также о том, что чиновничество проводит, по сути, антинациональную политику, противоречащую государственным интересам. Для Холмогорова чиновничество – это “пятая колонна”, пособничающая выходцам с Кавказа. «Мы не должны позволять внешним врагам или пришельцам разрушать государство, – пишет Холмогоров, – на развалинах возникнет не наше более лучшее государство, а лишь их оккупационный режим, который будет еще более кровавым и жестоким (там, где им это удалось, как в дудаевской Чечне, они очень хорошо показали ждущую русских судьбу)»³.

Здесь мы видим, как позиция Холмогорова пересекается с вышеуказанной позицией Надточего, разница лишь в акцентах: в первом случае оккупантами являются сами «выходцы с Кавказа», а «чиновничество» выступает в роли “пятой колонны”, а во втором оккупанты – представители российской властной элиты, а кавказские мигранты – колониальная сила режима.

Националистическое направление в современной России не является монолитным, а представлено множеством различных партий и движений, программные принципы которых, как и позиции по тем или иным вопросам, являются порой диаметрально противоположными. Так, например, один из представителей российского правого движения Владимир Истархов следующим образом прокомментировал раскол в националистических кругах по украинской проблеме: «Настоящие русские националисты должны бороться за освобождение России от путинских оккупантов! А не за войну в Украине за финансовые интересы путинского олигархата»⁴. Характеризуя нынешних «оккупантов» России, Истархов помимо определения «путинские» активно использует «кремлевские», «иудейские».

С высокой частотностью исследуемую лексему используют представители радикального национализма. На информационном портале Русского имперского движения, признанного экстремистским, есть отдельный новостной раздел под названием «Хроники оккупации», в котором фигурируют следующие заголовки «В день празднования Курбан Байрама российская столица была оккупирована ордой мусульман», «Кремлевские» собираются «равномерно» расселить кавказцев по всей территории РФ, с пометкой «Таким образом оккупанты планируют бороться с демографическим кризисом в стране»⁵.

Характерно, что два концепта «предателей» и «оккупантов» имеют свойства дискурсивно переплетаться. Так, один из ярких публицистов националистического толка Егор Просвирнин, в связи с

¹ Галковский, Д. Е. (2011). О криптоколонии. Available at: URL: <http://galkovsky.livejournal.com/183226.html> (дата доступа: 22.01.2019).

² Надточий, Э. (2013). Суверенность и погром. Available at: URL: <http://www.apn.ru/publications/article30319.htm> (дата доступа: 22.01.2019).

³ Холмогоров, Е. (2012). О национальной демократии, государственничестве и патриотизме. Available at: URL: <http://www.rus-obr.ru/lj/18778> (дата доступа: 22.01.2019).

⁴ Русские националисты раскололись по украинскому вопросу перед Русским Маршем. Available at: URL: http://rusmonitor.com/nationalists_split.html (дата доступа: 22.01.2019).

⁵ Хроники оккупации. Available at: URL: <http://o53xo.oj2xg2lnoxsxe2lbfzuw4ztp.cmle.runews/all.html?tag=genocid> (дата доступа: 22.01.2019).

таинственной смертью одной из ключевых фигур государственной идеологической машины Михаила Лесина, пишет: «Высшие чиновники РФ, завещающие похоронить их в родной американской земле. Ну и те, кто этих чиновников назначает и утверждает. И что крик «Ловите шпиона!» - реально актуален, шпионов у нас в России до хрена, только вот шпионы - это не полоумные бабки с украинскими флажками, а.... Додумайте сами»¹.

В использовании концепта «оккупантов» Просвирнин ближе к тактике представителей российской либеральной оппозиции. Они под оккупантами подразумевают, в первую очередь, представителей «нелегитимной властной элиты», проводящих антинациональную политику, часто в интересах другой страны. Примечательно, что в таком случае не используется более подходящий для данной ситуации термин – «коллорабационисты». Причина данной подмены понятий кроется, возможно, в меньшей экспрессивности уместного термина.

Российская «несистемная» оппозиция, в попытках реполитизироваться, воспроизводит активно навязываемую милитаризованную риторику, разворачивая ее в противоположную сторону. Таким образом, реализуется ответная стратегия секьюритизации – вывод власти за пределы добра и зла путем «разоблачения» ее «антинациональной» сущности.

Заключение

Если в 2008 г. электоральная прочность позиций Путина обеспечивалась административной деполитизацией, которая подразумевает политическую апатию населения, целиком занятого вопросами частной жизни, то рейтинги 2015 г. достигнуты политикой секьюритизации. Это означает, что граждане не просто вовлечены в политический процесс, а воспринимают события общественной жизни на экзистенциальном уровне. Изменения в управленческой стратегии, очевидно, стали вынужденной мерой, как ответ на стихийную реполитизацию, начавшуюся зимой 2011–2012 гг. С одной стороны, власти необходимо все время поддерживать необходимую степень вовлеченности граждан в политический процесс, повышая их эмоциональный заряд посредством секьюритизации все новых и новых сфер общественной жизни. С другой, политическую активность населения необходимо постоянно удерживать в нужном русле.

В этой ситуации исключаемое из политики сообщество вынуждено проводить противоречивый курс. С одной стороны, оно пытается вернуться в политическое пространство, путем участия в выборах, апелляции к правовым институтам и т.п.; с другой, запускает ответную стратегию энемификации, основным средством реализации которой становится концепт оккупации. Таким образом, крайние формы энемификации начинают занимать центральную роль в организации общественно-политического дискурса России.

Конструирование образа врага посредством выведения части политического спектра за рамки национального сообщества можно рассматривать как универсальный механизм, который сопровождает процесс национального самоопределения с самого его зарождения. Риторика предательства актуализируется с момента суверенизации нации, когда происходит процесс нивелировки вертикальных донововременных сообществ. Одной из ранних ее проявлений можно считать «Закон о подозрительных», принятый постановлением Конвента в разгар Французской революции.

Специфические формы, которые приобретают стратегии энемификации в современной России, оказываются тесно связанными с мемориальными практиками. В центре социальной памяти – Великая Отечественная война: «оккупант» и «предатель» в российском общественном сознании отождествляются с образами гитлеровского фашизма, которые являются носителями предельно негативных коннотаций. Изменение принципов стратегии деполитизации привели к усилению общественно-политической активности, что, к примеру, в мемориальной составляющей проявилось в акции «Бессмертный полк». Она активирует сотни тысяч человек по всей стране, что было невозможно представить в нулевые годы.

Главной целью этих мемориальных практик является достижение определенной степени эмоционального накала, который в новой социальной ситуации определяет демаркацию политического пространства. В рамках темы Великой Отечественной войны тропы «предательства» и «оккупации» приобретают наиболее сильные значения, что позволяет эффективно формировать политические ис-

¹ Sputnik & Pogrom (2016) Запись на фейсбук от 13.03.2016. Available at: URL: <https://www.facebook.com/sputpom/photos/a.287321078022225.69487.287285068025826/986827978071528/?type=3&theater> (дата доступа: 22.01.2019).

ключения. Само упоминание войны в любом контексте активизирует дискурс деполитизации: подспудно помещает политическое воображение в ситуацию экзистенциального противостояния.

Характер деполитизации, основанной на переводе общественных проблем в область национальной безопасности, подразумевает постоянный контроль над общественным сознанием. Эта стратегия переопределяет границы политики с помощью радикальной энемификации общественно-политического дискурса - крайнего способа легитимации, исключающего консенсус, издержки которого – состояние мобилизованности, соответствующее открытому гражданскому противостоянию.

Библиографический список

- Гельман, В. Я. (2015). 'Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам', *Контрапункт*, 1, сс. 1–11. [Gel'man, V. Ya. (2015) 'The Politics of Fear. How the Russian Regime Confronts Its Opponents' [Politika strakha: kak rossiiskii rezhim protivostoit svoim protivnikom], *Kontrapunkt*, 1, pp. 1–11. (In Russ.)].
- Макарычев, А. С. (2008). 'Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе', *Индекс безопасности*, Т. 14. 4, сс. 25–40. [Makarychev, A. S. (2008) 'Security and the Return of the Political: the Critical Debates in Europe' [Bezopasnost' i vozvrashchenie politicheskogo: kriticheskie debaty v Evrope], *Security Index*, Vol. 14, 4, pp. 25–40. (In Russ.)].
- Макарычев, А. С. (2013) 'Онтологическая депрессия и отсутствующий центр идеологии: Россия глазами зарубежных экспертов', *Неприкосновенный запас*, 6 (92), сс. 245–251. [Makarychev, A. S. (2013) 'Ontological Depression and the Absence of Ideological Centre: Russia as viewed by the Western Experts' [Ontologicheskaya depressiya i otsutstvuyushchii tsentr ideologii: Rossiya glazami zarubezhnykh ekspertov], *NZ*, 6 (92), pp. 245–251. (In Russ.)].
- Мороз, А. Б. (2012). 'Протестный фольклор декабря 2011. Старое и новое', *Антропологический форум*, 16 online, сс. 173–192. [Moroz, A. B. (2012) 'The "Folklore" of Protest Demonstrations in December 2011. The Old and the New' [Protestnyi fol'klor dekabrya 2011. Staroe i novoe], *Antropologicheskij Forum*, 16 online, pp. 173–192. (In Russ.)].
- Нойманн, И. (2004). Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей; пер. с англ. И.А. Пильщикова. Москва: Новое издательство. [Neumann, I. (2004) *Uses of the Other: 'The East' in European Identity Formation* [Ispol'zovanie «Drugogo»: Obra-
- Рансьер, Ж. (2006). На краю политического. Москва: Праксис. [Rancière, J. (2006) *On the Shores of Politics* [Na krayu politicheskogo]. Moscow: Praxis Publ. (In Russ.)].
- Якушина, О. (2012). Теория секьюритизации в международных отношениях. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1#.VwRmaZyLRMw> (дата доступа: 05.08.2018). [Yakushina, O. (2012) *Theory of Securitization in International Relations* [Teoriya sek'yuritizatsii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh]. Available at: <http://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1#.VwRmaZyLRMw> (Accessed: 22 January 2019). (In Russ.)].
- Butler, J. (2006) *The Power of Mourning and Violence*. London; New York: Verso.
- Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers.
- Edkins, J. (1999) *Poststructuralism and International Relations. Bringing the Political Back In*. Boulder. CO: Lynne Rienner.
- Gelman, V. (2015) 'The Politics of Fear. How the Russian Regime Confronts Its Opponents', *Russian Politics and Law*, Vol. 53, 5–6, pp. 10–21.
- Lipman, M. (2013) 'The Kremlin Turns Ideological: Where This New Direction Could Lead' in: Lipman, M., Petrov, N. (eds.) *Russia 2025: Scenarios for the Russian Future*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 220–239.
- Makarychev, A., Yatsyk, A. (2014) 'A New Russian Conservatism: Domestic Roots and Repercussions for Europe', *Notes Internacionales*, 93, pp. 1–6.
- Makarychev, A. (2008) 'Politics, the State, and Depoliticization', *Problems of Post-Communism*, Vol. 55, 5, pp. 62–71.
- Morozov, V. (2015) *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*.

- зу Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.).
- Радченко, Д. и Архипова, А. (2018) 'Укроп и ватник: язык вражды российско-украинского конфликта как нападение и защита', *Ab Imperio*, 1. сс. 191–220. [Radchenko, D., Arkhipova, A. (2018) 'The Dill and the Watchcoat: The Hate Speech of the Russo-Ukrainian Conflict as Attack and Defense' [Ukrop i vatnik: "yazyk vrazhdy" rossiisko-ukrainskogo konflikta kak napadenie i zashchita], *Ab Imperio*, 1, pp. 191–222. (In Russ.)].
- London: Palgrave Macmillan.
- Rieber, R.W., Kelly, R.J. (1999) 'Substance and Shadow: Images of the Enemy' in: Rieber, R.W. (ed.) *The Psychology of War and Peace: the Image of the Enemy*. New York: Plenum Press.
- Robinson, N. (2014) *The Political Origins of Russia's "culture Wars"*. Limerick: University of Limerick.
- Žižek, S. (1998) 'A Leftist Plea for "Eurocentrism"', *Critical Inquiry*, Vol. 24, 4, pp. 991–993.
- Žižek, S. (2004) *The Lesson of Rancière* in: Rancière, J. *The Politics of Aesthetics*. London & New York: Continuum, pp. 72–75.

Информация об авторах

Кузнецова Ольга Андреевна – магистрант, Томский государственный университет. E-mail: kuznetsova.olga02@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6790-5053. ResearcherID: B-9733-2019).

Михайлов Дмитрий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский Институт Управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: damihan@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-9691-4725. ResearcherID: R-2850-2018).

Статья принята к печати: 30.04.2019

MILITARIZATION OF THE ENEMY IMAGE IN THE MODERN RUSSIAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

O. A. Kuznetsova

National Research Tomsk State University

D. A. Mihailov

Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract

The article deals with the special aspects of creating enemy images in Russia in the period of the socio-political crisis caused by the 2011/2012 elections. Since 2011, securitization of socio-political space became a key strategy of Russia's domestic policy and the official rhetoric acquired a conservative national discourse. The change in the depoliticization strategy has led to the redetermination of the key actors in power relations. The most extreme forms of enemification in modern Russia's socio-political discourse turned to be militaristic and can be reduced to two main concepts: 'traitor' and 'occupant'.

The restriction of the political space inevitably leads to intensifying 'aggressive rhetoric' in the political discourse. In this case, those excluded have to pursue controversial policies. On the one hand, the excluded part tries to return to the political space. On the other hand, it implements a counterstrategy of securitization built around the concept of occupation.

Enemification strategies in modern Russia are closely connected with memory practices. The Great Patriotic War is supposed to be in the center of social memory and such words as 'occupant' or 'traitor' are identified with Nazism and, therefore, have extremely negative connotations.

The process of enemification in modern Russia's socio-political discourse can be examined from different points of view. Firstly, enemification is an important part of the nation-building and self-determination of any political community. Secondly, militarization of discourse indicates special cultural aspects of Russia's social memory.

Keywords: state power; non-systemic opposition; securitization; enemification; hate speech; image of enemy; occupant; traitor.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-27-37

ВЛИЯНИЕ ТИПА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Елизавета Окунева
МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматриваются существующие теоретические и эмпирические подходы к исследованию влияния типа политического режима (демократического, авторитарного и гибридного) на внешнюю политику. В частности, автор предпринимает попытку теоретического обоснования того, насколько тип политического режима влияет на степень участия государств в межгосударственных конфликтах. Особый интерес представляет внешняя политика стран с гибридным типом политического режима как гипотетически наиболее непредсказуемая и агрессивная. В статье анализируются такие теории и подходы, как теория «демократического мира» (включая изучение влияния типа политического режима на характер и продолжительность войн, их причины и результаты), исследования, посвященные внешней политике государств с гибридным типом политического режима, интерпретация внешней политики государства через институциональный анализ его политического режима.

На основе анализа литературы автор приходит к выводам о том, что проблема влияния политического режима на внешнюю политику государства остается не исследованной достаточно системно, особенно в рамках теории международных отношений, затрагивающей фактор влияния политического режима, но в большей степени рассматривающей влияние внутренней политики на внешнюю в целом. Кроме того, большинство исследований фокусируется на внешнеполитическом поведении демократических и авторитарных режимов, в частности, с целью подтверждения или опровержения теории «демократического мира» И. Канта, оставляя за рамками поведение государств с гибридным типом политического режима. Немногочисленные исследования внешней политики государств с гибридным типом политического режима ставят во главу угла государства в процессе демократического транзита, однако практически не уделяют внимания государствам, находящимся в процессе отката от демократии и стабильным гибридным режимам. Помимо этого, в данных исследованиях не учтены ситуации, когда гибридные режимы выступают инициаторами международных конфликтов.

Ключевые слова: политический режим; демократический режим; демократия; авторитарный режим; автократия; гибридный режим; внешняя политика; конфликты.

Размышления о взаимозависимости внутренней и внешней политики остаются одними из камертонов теории международных отношений, обращения к ним регулярно встречаются как в рамках общих исследований о тенденциях мировой политики, так и в прикладных работах, посвященных конкретным внешнеполитическим сюжетам или событиям. Существуют даже мнения, что в последнее время внешняя политика потеряла профессиональность и стала полноценной заложницей внутренних расколов, избирательных циклов и психологического типа лидеров стран. В то же время в научной дискуссии преобладают две спорные позиции. Во-первых, считается, что такая зависимость – либо удел исключительно демократических систем, зависящих от избирательного цикла, либо, наоборот, характеристика только недемократических государств с закрытой политической системой и отсутствием влияния мнения общества на внешнеполитический курс. Во-вторых, предполагается, что такая идея является порождением неореалистской традиции международно-политической мысли. В рамках данной работы мы хотим показать, что, во-первых,

изучение данной связи актуально для любых режимов. А во-вторых, что такой анализ является важным почти для всех существующих школ международных отношений.

Идея о фундаментальном различии внешней политики демократических и авторитарных государств берет начало в ранних сравнительных внешнеполитических исследованиях. Так, Дж. Розенау отмечал, что базовые источники внешней политики «открытых» и «закрытых» режимов кардинально различны (Rosenau, 1966).

Наиболее весомый вклад в изучение влияния типа политического режима на внешнюю политику государства оказала теория «демократического мира» И. Канта (Кант, 1966), одна из ключевых теорий либерально-идеалистической парадигмы теории международных отношений, которая привела к появлению эмпирических исследований, предпринявших попытку подтвердить или опровергнуть идеи, выдвинутые Кантом и его последователями (М. Дойл, Д. Бабст, Р. Руммел, Б. Рассет, З. Маоз, Дж. Онил, М. Бирбаум, К. ДеРоуэн, Ш. Голдфинч, Дж. Муравчик и др.) (Rummel, 1983; Mintz & DeRouen, 2010; Рассет, 2006; Кулагин, 2003; 2004). Основным тезисом И. Канта является предположение о невозможности войн между демократическими (если точно следовать его тексту – скорее республиканскими) государствами. Сторонники теории «демократического мира» предлагают ряд аргументов в пользу идей И. Канта.

Во-первых, миролюбивость демократий, прежде всего, связана с общностью демократических ценностей и политической культуры (нормативное объяснение). Лидеры демократических государств выводят демократические нормы на международный уровень, такие, как умение быть толерантным по отношению к оппозиции во время избирательных кампаний и впоследствии включать оппонентов в процесс управления (Рассет, 2006; Кулагин, 2000). К примеру, взаимоотношения демократий отличаются такими признаками, как попытка достижения компромисса, кооперация и возможность разрешения споров третьей независимой стороной. В международной системе демократии рассматривают друг друга как не представляющие друг другу угрозы страны, готовые к взаимодействию и разделяющие универсальные ценности.

Во-вторых, существуют внутренние институциональные ограничения в демократиях, которые ограничивают принятие радикальных внешнеполитических решений (законодательная, судебная система, оппозиционные партии, группы интересов, свободные СМИ), при этом особую роль играет общественное мнение, так как правящая элита, в первую очередь, стремится получить поддержку своего политического курса, а также представленная в составе политических институтов оппозиция, которая может блокировать инициативы правительства (институциональное объяснение).

В-третьих, не менее важными являются и внешние факторы – действие в рамках международного права, ограничения, наложенные международными договорами в рамках членства в международных организациях, а также такие черты, объединяющие демократии, как экономическая взаимозависимость, высокий уровень жизни, необходимость поддержания международной безопасности и географическая близость. Существует также такой тезис, что демократии являются наиболее «влиятельными пацифистами», в том числе, демократии удерживает от конфликтов с другими демократиями необходимость поддержания статуса-кво в системе международных отношений (Д. Руссо, К.Гелпи, Д. Райтер, П. Хут, Т. Элли, Д. Лемке, У. Рид) (Rousseau et al., 1996; Huth & Allee, 2002; Lemke & Reed, 1996).

Однако последователи теории «демократического мира» расходятся в интерпретации взаимодействия демократических и авторитарных государств. Во-первых, выделяется возможность агрессивности демократий во внешней политике, если это касается взаимоотношений с автократиями, несмотря на склонность к решению конфликтов при помощи переговоров, нежели при помощи силы. Здесь источник противостояния режимов лежит в конфликтности ценностей, когда войны демократий с авторитарными государствами принимают форму «крестовых походов за распространение ценностей» (Doyle, 1983a; 1983b)¹.

Во-вторых, говорится о несклонности демократий воевать с автократиями ни при каких условиях (к примеру, Дж. Муравчик) (Muravchik, 1996). При этом предполагается, если демократии были насильственно вовлечены в конфликты, то они будут стремиться к скорейшему их разрешению.

В-третьих, обозначается неагрессивность природы демократий, в том числе по отношению к автократиям, но есть ряд условий, когда демократия может пойти на вооруженное противостояние с ними: электоральная поддержка, вероятность быстрой победы, одобрение СБ ООН. Помимо этого, важным фактором, влияющим на развитие демократического процесса извне, является готовность

¹ В частности, Дойл обращается к кантовской интерпретации «демократического мира», подчеркивая, что Кант считал, что войны демократий с авторитарными режимами прекратятся с исчезновением самих авторитарных режимов.

политических партий автократий к демократизации государства (Б. Рассет) (Рассет, 2006; Maoz & Russett, 1993).

В-четвертых, демократии могут быть не менее агрессивны во внешней политике, чем авторитарные государства, если они уже вступили в военный конфликт (например, Р. Руммел) (Rummel, 1983) или если они инициировали конфликт с автократиями (С. Чан, Е. Вид, С. Бремер, Т. Морган и В. Швебах, З. Маоз и З. Абдолали) (Chan, 1997; Weede, 1984; Bremer, 1992; Morgan & Schwebach, 1992; Maoz & Abdolali, 1989).

В-пятых, различия во внешней политике демократий и автократий отражают использование лидерами этих государств альтернативных стратегий. Дж. Фирон, анализируя данную проблему с точки зрения цены поддержки населением лидеров, предполагал, что демократические лидеры идут на уступки оппонентам, другие же исследователи заявляли о том, что демократические лидеры прибегают к альтернативным стратегиям и сдерживают оппозицию (Fearon, 1994). К. Гелпи и А. Смит отмечали, что политически сдержанные демократические лидеры чаще придерживаются отвлекающих стратегий, тогда как их авторитарным противникам легче подавить оппонентов (Gelpi, 1997; Smith, 1996). Однако Б. Хелдт, Б. Лидс и Д. Девис утверждают, что демократии негативно относятся к отвлекающим стратегиям (Heldt, 1999; Leeds & Davis, 1997), а между тем Дж. Пикеринг и Э. Кисангани приходят к выводу, что только консолидированные демократии используют отвлекающие стратегии (Pickering & Kisangani, 2005).

В рамках теории «демократического мира» можно выделить направление, посвященное изучению влияния типа политического режима на характер и продолжительность войн, их причины и результаты. Основной акцент здесь делается на внешнеполитическом поведении демократий (С. Беннетт, А. Стэм, Р. Сиверсон, Б. Буэно де Мескита, Дж. Морроу, А.Смит, Д. Райтер, М. Деш, Д. Лейк, Д. Филсон и С. Вернер, З. Маоз и Н.Абдолали, Б. Рассет, С. Бремер, Дж. Хевитт и Дж. Вилкенфелд, Дж. Ръё, Д. Руссо, К. Гелпи, П. Хут, У. Диксон, П. Сенис, М. Муссо, Г. Реймонд, Дж. Фридман, К. Шульц, К. Гаубац, С. Биддл и С. Лонг, Э. Гарцке, Э. Чой, Б. Голдсмит, Дж. Фирон, Т. Элли, К. Гелпи и М. Грисдорф и др.) (Filson & Werner, 2004; Desch, 2002; Bennett & Stam, 1996; 1998; Reiter & Stam, 1998a; 1998b; Maoz & Abdolali, 1989; Hewitt & Wilkenfeld, 1996; Lake, 1992; Rioux, 1998; Rousseau et al., 1996; Dixon, 1994; Dixon & Senese, 2002; Mousseau, 1998; Raymond, 1994; Friedman, 2008; Schultz, 1998; 1999; Gaubatz, 1996; Biddle & Long, 2004; Gartzke, 2001; Choi, 2004; Goldsmith, 2007; Fearon, 1994; Huth & Allee, 2002; Gepli & Griesdorf, 2001).

В результате данных исследований было выявлено, что демократии воюют меньше всего по времени, чем другие типы политических режимов, и что их войны наименее финансово затратные. Исследования показали, что демократии являются необычным образом сдержанными и осторожными в условиях кризисов и вооруженных конфликтов и ведут аккуратную и последовательную внешнюю политику. Также конфликты, в которые оказываются вовлечены демократии, редко перерастают в вооруженные (то есть переходят на более высокую ступень по агрессивности конфликта).

Тем не менее, сдержанное поведение в условиях кризиса не является просто следствием неприязни силовой дипломатии. Скорее, демократии более склонны сотрудничать друг с другом по вопросам миротворчества (У. Диксон) (Dixon, 1994; Dixon & Senese, 2002), заключать соглашения (М. Муссо) (Mousseau, 1998) и позволяют третьей стороне оказывать сдерживающее воздействие (Reymond, 1994).

Кроме того, демократические государства с более высокой вероятностью выигрывают войны, в которых они выступают инициаторами, но, если война затягивается, шанс выигрыша существенно падает. Этому есть несколько объяснений.

Во-первых, лидеры демократических государств принимают во внимание электоральные риски и поэтому более аккуратны в войнах, которые инициируют, в частности, демократии более внимательно выбирают, с кем и по какому поводу воевать. Во-вторых, предполагается, что демократии более склонны выигрывать, потому что они мобилизуют больше ресурсов для войны. Третье объяснение состоит в том, что демократии получают помощь от других демократий. Наконец, элита подотчетна обществу, которое очень чувствительно к цене войны, и, если эти затраты начинают увеличиваться, элита теряет свою поддержку.

Помимо этого, было выявлено, что демократии чаще предлагают мирные условия, такие, на которые другая сторона хотела бы пойти, демократии более уступчивы и часто предлагают такие условия, которые им невыгодны.

В то же время удалось обнаружить статистически значимые факторы, которые могут иначе объяснить отсутствие конфликтов между демократиями, например: экономическая взаимозависимость, благосостояние, союзы по обеспечению безопасности и географическая близость (С. Бремер, З. Маоз, Н. Абдолали, Б. Рассет) (Bremer, 1992; Maoz & Abdolali, 1989; Maoz & Russett, 1993). Однако в данных исследованиях можно отметить недостаток внимания к поведению другого государства, с которым воюют демократии.

Ряд исследователей, рассмотрев войны великих держав, сделали вывод, что, с одной стороны, демократии не вели превентивных войн (Р. Швеллер, Д. Лемке, У. Рид) (Schweller, 1992; Lemke & Reed, 1996), с другой стороны, напротив, привели примеры превентивных войн, начатых США и Израилем (Дж. Леви) (Levy, 2008).

По поводу взаимодействия авторитарных режимов можно сказать о наличии во внешней политике агрессивности и конфронтационности, поскольку этот авторитарный режим не имеет структурно-институциональных ограничителей произвола обладателей власти по отношению как к авторитарным режимам, так и к демократиям. Авторитарные лидеры могут подавить недовольных граждан, и поэтому для их выбора внешнеполитической стратегии поведения не играют роли ни электоральная поддержка, ни общественное мнение. Тем не менее, авторитарные государства не всегда реализуют свой агрессивный потенциал на практике, а строят отношения с демократиями на условиях «вынужденного мирного сосуществования».

Следует выделить также и ряд исследований, акцентирующих внимание на важности взаимосвязи демократий и мира на региональном и системном уровнях (З. Маоз, Н. Гледич, Г. Хегре, Э. Энтерлайн, М. Уорд) (Maoz, 1996; Gleditsch & Hegre, 1997; Gleditsch & Ward, 2000; Enterline, 1998). Наконец, недавние исследования отошли от типа политического режима в сторону изучения демократий как одного из элементов более крупного «либерального мира», сопряженного с экономической взаимозависимостью и международными институтами (М. Дойл, Н. Ким) (Doyle, 2005; Kim, 2014).

Споры вокруг идей И. Канта не прекращаются до сих пор, более того, предположение о невозможности войн между демократическими государствами стало одной из ключевых гипотез теории международных отношений (в первую очередь, её либерально-идеалистической парадигмы). По всей видимости, актуальность и парадоксальность вопроса, поднятого великим немецким философом, неисчерпаемы (Кулагин, 2000; 2003; Цыганков и Цыганков, 2005, Окунева, 2015).

Далее рассмотрим исследования, посвященные внешней политике государств с *гибридным политическим режимом* (Mansfield & Snyder, 1995; 2002; 2009; Levy, 1989; Maoz, 1989). Отметим, что данные авторы под гибридными режимами понимают нестабильные или переходные режимы, прежде всего, претерпевающие трансформацию от автократии к демократии. Другими словами, под гибридными режимами мы понимаем переходные от недемократических режимов (закрытых неконкурентных политических систем с попыткой контроля власти за жизнью общества) к демократиям (открытым конкурентным политическим системам со значительным контролем общества над политическими процессами).

Разберём возможные подходы к объяснению внешней политики гибридных режимов. Условно можно выделить два подхода, которые сходятся в том, что у гибридных режимов существует предрасположенность к вооруженным конфликтам и агрессивной политике (более того, государства с гибридным типом политического режима более агрессивны во внешней политике, чем стабильные демократические и авторитарные государства), вызванной нестабильностью самого режима. Лидеры пытаются отвлечь общественное внимание от внутренней политической нестабильности. Однако данные подходы указывают на различные причины агрессивности внешней политики гибридных режимов.

Первый подход (З. Маоз) акцентирует внимание на культурно-нормативной составляющей изменения политического режима и его интенсивности. К примеру, государства, находящиеся в процессе демократического транзита, еще не сформировали законченную либеральную культурно-нормативную модель, которая сдерживала бы поворот в антидемократическом направлении. Характер изменения политического режима может быть либо революционным, либо эволюционным. Эволюционный характер подразумевает постепенность политических реформ, которые не влекут за собой массовые беспорядки. Революционный, напротив, сопровождается высокой степенью общественного беспокойства и/или иностранной интервенцией. Только революционные изменения ведут к увеличению внешнеполитической конфронтационности, поскольку такие изменения достаточно радикальны для того, чтобы спровоцировать лидеров на применение отвлекающих

стратегий. Революционные политические изменения существенно влияют на уровень инициирования конфликтов государств с переходным типом политического режима, уровень вовлеченности переходных государств в конфликты в качестве жертв агрессии и общий уровень участия в конфликтах. Эволюционные изменения политического режима, наоборот, приводят к стабилизации международных отношений.

Второй подход (Э. Мансфилд, Дж. Снайдер, С. Хантингтон) рассматривает взаимосвязь внутренних конфликтов (например, на массовом или элитарном уровне) и международной конфронтации. Вне зависимости от интенсивности изменений режима (революционных или эволюционных), демократизация провоцирует политические кризисы тем, что: 1) внезапно увеличивает уровень массового политического участия; 2) усиливает фрагментацию элит в новых (неоформившихся) институтах представительства. Так, изменение политического режима резко повышает уровень политического участия граждан и увеличивает фрагментированность элит, которые конкурируют друг с другом за влияние, а также ослабляет политические институты, в частности, институты представительства. Неспособность институтов реагировать на растущие социально-экономические потребности общества может привести, в том числе, и к росту националистических настроений, которые, в конечном итоге, выливаются в международные конфликты. Следует отметить, что гибридные режимы могут вести себя даже агрессивнее тоталитарных государств. Государства, в которых изменение политического режима проходит резко, минуя переходный период (здесь используется терминология проекта «Полити», когда государства, находящиеся в переходном состоянии, называются анократиями; имеется в виду в основном резкий переход от авторитарного к демократическому государству), более агрессивны, чем государства, где изменения происходят постепенно. Кроме того, государства, находящиеся в переходном состоянии сравнительно короткий период (до 1 года), менее агрессивны, чем государства, в которых переходный период длится от 1 года до 5 лет: и наиболее агрессивными являются государства, в которых переходный период затянулся на 5-10 лет. Отмечается, что страны, претерпевающие трансформацию политического режима от демократии к автократии, более агрессивны во внешней политике, чем демократизирующиеся государства (Mansfield & Snyder, 1995; 2002; 2009).

Данные выводы, подкрепленные эмпирическими исследованиями, могут быть подвергнуты критике. Во-первых, в этих подходах рассматривается, в основном, внешнеполитическое поведение демократизирующихся государств, однако не уделяется внимания государствам, находящимся в процессе отката от демократии. Во-вторых, не учтены ситуации, когда гибридные режимы выступают инициаторами международных конфликтов, а берутся во внимание только те случаи, где гибридные режимы были вовлечены в конфликт не по собственному желанию.

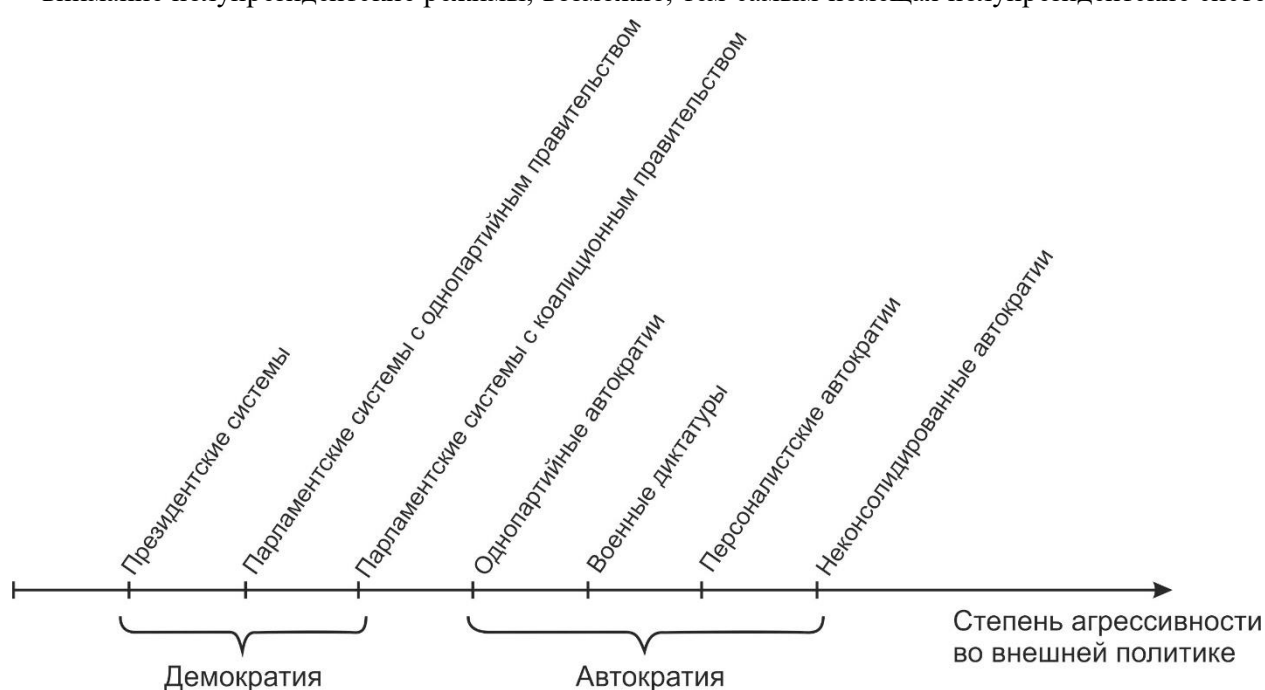
На следующем этапе рассмотрим *интерпретацию внешней политики государства через институциональный анализ его политического режима* (так называемая «распаковка» политического режима) (Elman, 2000; Reiter & Tillman, 2002; Hagan, 2010; Hermann & Kegley, 1995; Farnham, 2003; Risse-Kappen, 1991; Prins, 1999; Kaarbo & Beasley, 2008; Kaarbo, 1996; Kesgin & Kaarbo, 2010; Ireland & Gartner, 2001; Chan & Safran, 2006; Leblang & Chan, 2003; Palmer et al., 2004; Lai & Slater, 2006; Peceny & Beer, 2003; Peceny et al., 2002; Reiter, Stam, 2003; Weeks, 2008), а именно через различия в политической системе, институтах и нормах демократических и авторитарных государств. Данная концепция обнаруживает различия во влиянии подтипов демократического и авторитарного режимов на внешнеполитическое поведение государств и учитывает такие характеристики политического режима, как уровень конкуренции, лиц, принимающих решения (для автократий), и политические институты (для демократий).

Можно выделить три типа институциональных устройств демократий, которые по-разному влияют на внешнюю политику государства: 1) парламентские системы с коалиционным правительством; 2) парламентские системы с однопартийным правительством; 3) президентские системы. Так, коалиционные правительства более склонны вступать в вооруженные конфликты, чем однопартийные. Наличие контроля над кабинетом министров со стороны парламента также оказывает влияние на вовлеченность в международные конфликты. Высокий уровень электоральной поддержки того или иного внешнеполитического решения, в свою очередь, может привести к инициированию конфликтов (например, последняя американо-иракская война).

Анализируя авторитарные государства, можно выделить три типа автократий, в которых, по-разному строится процесс принятия внешнеполитических решений: 1) персоналистский тип; 2) тип

военной диктатуры; 3) однопартийный тип. Первые два типа менее всего склонны к конфронтационности друг с другом. Персоналистские автократии чаще других типов инициируют войны с демократиями, но они более агрессивны по отношению как к демократиям, так и к авторитарным государствам. Военные диктатуры также являются более конфликтными, чем однопартийные автократии. Несмотря на описанную системную склонность к агрессивному внешнеполитическому поведению, данная агрессивность зависит, в первую очередь, от лидерских установок, умения выбрать более осторожную стратегию, от восприимчивости элит к конфликтам или народного недовольства. Как и в демократиях, сохраняется сильное влияние личности лидера или идеологических ориентаций правящей партии. В рамках исследования внешней политики автократий, было выявлено, что неконсолидированные автократии более агрессивны, чем стабильные авторитарные государства.

В общем виде подтипы демократических и авторитарных режимов можно расположить в следующей последовательности по степени их агрессивности во внешней политике:

категорию президентских. Во-вторых, парламентские и президентские системы выделяются как подтипы демократических режимов, однако однопартийные автократии могут быть и парламентскими, и президентскими.

Таким образом, на основе анализа литературы можно сделать вывод о том, что проблема влияния политического режима на внешнюю политику государства все же остается не исследованной системно, особенно в рамках теории международных отношений, затрагивающей фактор влияния политического режима, но в большей степени рассматривающей влияние внутренней политики на внешнюю политику в целом. Кроме того, большинство исследователей изучают внешнеполитическое поведение в основном демократических режимов, в частности, предпринимая попытку, во-первых, подтвердить или опровергнуть теорию «демократического мира», сформулированную И. Кантом, а во-вторых, изучить влияние политического режима на характер войн, их продолжительность, результаты и причины. Наконец, вопрос внешнеполитического поведения государств с гибридным типом политического режима является наименее изученным в сравнительной политологии, поскольку большая часть исследований посвящена внешней политике демократий и авторитарных государств. Также существующие исследования внешней политики государств с гибридным типом политического режима ставят во главу угла государства в процессе демократического транзита, однако практически не уделяют внимания государствам, находящимся в процессе отката от демократии и стабильным гибридным режимам. Помимо этого, в данных исследованиях не учтены ситуации, когда гибридные режимы выступают инициаторами международных конфликтов.

Библиографический список

- Кант, И. (1966) 'О вечном мире' в: Асмус, В.Ф. и др. (ред.) Сочинения в 6 томах. Том 6. Москва: Мысль, сс. 259–309. [Kant, I. (1966) 'Perpetual peace' [O vechnom mire] in: Asmus, V.F. et al. (eds.) Writings in six volumes [Sochineniya v 6 tomakh], Vol. 6. Moscow: Mysl' Publ., pp. 259–309. (In Russ.)].
- Кулагин, В. М. (2000) 'Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный пах democratica? Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития', *Полис*, 1, сс. 23–37. [Kulagin, V.M. (2000) 'The world in the 21st century: a multipolar balance or forces or global pax democratica? (The "democratic peace" hypothesis in the context of world development alternatives)' [Mir v XXI veke: mnogopolyusnyi balans sil ili global'nyi pax democratica? Gipoteza "demokraticeskogo mira" v kontekste al'ternativ mirovogo razvitiya], *Polis. Political Studies*, 1, pp. 23–37. (In Russ.)].
- Кулагин, В. М. (2003) 'Политические режимы и внешняя политика', *Pro et Contra*, 8(1), сс. 137–151. [Kulagin, V.M. (2003) 'Political regimes and foreign policy' [Politicheskie rezhimy i vneshnyaya politika], *Pro et Contra*, 8(1), pp. 137–151. (In Russ.)].
- Кулагин, В. М. (2004) 'Режимный фактор во внешней политике постсоветских государств', *Полис*, 1, сс. 115–124. [Kulagin, V.M. (2004) 'The regime factor in external policies of post-Soviet states' [Rezhimnyi faktor vo vneshnei politike postsovetских gosudarstv], *Polis. Political Studies*, 1, pp. 115–124. (In Russ.)].
- Окунева, Е. С. (2015) 'Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму', *Сравнительная политика*, 6(4(21)), сс. 6–9. [Okuneva, E.S. (2015) 'Critics of democratic peace theory: from realism to constructivism' [Kritika teorii "demokraticeskogo mira": ot realizma k konstruktivismu], *Comparative Politics Russia*, Vol. 6, 4(21), pp. 6–9. (In Russ.)].
- Рассет, Б. (2006) 'Демократия, экономическая взаимозависимость и международные организации в создании зоны мира' в: Иноземцев, В.Л. и Капустин, Б.Г. (ред.) Теория и практика демократии. Избранные тексты. Москва: Ладомир, сс.
- Huth, P.K. and Allee, T.L. (2002) 'Domestic Political Accountability and the Escalation and Settlement of International Disputes', *Journal of Conflict Resolution*, 46(6), pp. 754–790.
- Ireland, M.J. and Gartner, S.S. (2001) 'Time to Fight: Government Type and Conflict Initiation in Parliamentary Systems', *Journal of Conflict Resolution*, 45(5), pp. 547–568.
- Kaarbo, J. (1996) 'Power and Influence in Foreign Policy Decision Making: The Role of Junior Coalition Partners in German and Israeli Foreign Policy', *International Studies Quarterly*, 40, pp. 501–530.
- Kaarbo, J. and Beasley, R.K. (2008) 'Taking It to the Extreme: The Effect of Coalition Cabinets on Foreign Policy', *Foreign Policy Analysis*, 4(1), pp. 67–81.
- Kesgin, B. and Kaarbo, J. (2010) 'When and How Parliaments Influence Foreign Policy: The Case of Turkey's Iraq Decision', *International Studies Perspectives*, 11, pp. 19–36.
- Kim, N.K. (2014) 'Testing Two Explanations of the Liberal Peace: The Opportunity Cost and Signaling Arguments', *Journal of Conflict Resolution*, 58(5), pp. 894–919.
- Lai, B. and Slater, D. (2006) 'Institutions of the Offensive: Domestic Sources of Dispute Initiation in Authoritarian Regimes, 1950–1992', *American Journal of Political Science*, 50(1), pp. 113–126.
- Lake, D. (1992) 'Powerful Pacifists: Democratic States and War', *American Political Science Review*, 86(1), pp. 24–37.
- Leblang, D. and Chan, S. (2003) 'Explaining Wars Fought by Established Democracies: Do Institutional Constraints Matter?', *Political Research Quarterly*, 5(4), pp. 385–400.
- Leeds, B.A. and Davis, D.R. (1997) 'Domestic Political Vulnerability and International Disputes', *Journal of Conflict Resolution*, 41(6), pp. 814–834.
- Lemke, D. and Reed, W. (1996) 'Regime Type and Status Quo Evaluations: Power Transition Theory and the Democratic Peace', *International Interactions*, 22(2), pp. 143–164.
- Levy, J.S. (2008) 'Preventive War and Democratic Politics', *International Studies Quarterly*, 52, pp. 1–24.
- Levy, J.S. (1989) 'The Diversionary Theory of War:

- 426–430. [Russett, B. (2006) 'Democracy, economic interdependence and international organizations in the creating a zone of peace' [Demokratiya, ekonomicheskaya vzaimozavisimost' i mezhdunarodnye organizatsii v sozdanii zony mira] in: Inozemtsev, V.L. and Kapustin, B.G. (eds.) Theory and practice of democracy. Selected texts [Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty]. Moscow: Lodomir Publ., pp. 426–430. (In Russ.)].
- Цыганков, А. П. и Цыганков, П. А. (2005) 'Кризис идеи «демократического мира»', *Международные процессы*, Том 3, 3(9), сс. 33–44. [Tsygankov, A.P. and Tsygankov, P.A. (2005) 'Crisis of "democratic peace" idea' [Krisis idei "demokraticeskogo mira"], *International Trends*, Vol. 3, 3(9), pp. 33–44. (In Russ.)].
- Bennett, S. and Stam, A. C. (1998) 'The Declining Advantages of Democracy: A Combined Model of War Outcomes and Duration', *Journal of Conflict Resolution*, 42(3), pp. 344–366.
- Bennett, S. and Stam, A. C. (1996) 'The Duration of Interstate Wars. 1816–1985', *American Political Science Review*, 90(2), pp. 239–257.
- Biddle, S. and Long, S. (2004) 'Democracy and Military Effectiveness: A Deeper Look', *Journal of Conflict Resolution*, 48, pp. 525–546.
- Bremer, S. A. (1992) 'Dangerous Dyads: Conditions Affecting the Likelihood of Interstate War, 1816–1965', *Journal of Conflict Resolution*, 36, pp. 309–341.
- Chan, S. (1997) 'In Search of Democratic Peace: Problems and Promise', *Mershon International Studies Review*, 41, pp. 59–91.
- Chan, S. and Safran, W. (2006) 'Public Opinion as a Constraint against War: Democracies' Responses to Operation Iraqi Freedom', *Foreign Policy Analysis*, 2(2), pp. 137–156.
- Choi, A. (2004) 'Democratic Synergy and Victory in War, 1816–1992', *International Studies Quarterly*, 48(3), pp. 663–682.
- Desch, M.C. (2002) 'Democracy and Victory: Why Regime Type Hardly Matters', *International Security*, 27(2), pp. 5–47.
- Dixon, W.J. (1994) 'Democracy and the Peaceful Settlement of International Conflict', *American Political Science Review*, 88(1), pp. 14–32.
- Dixon, W.J. and Senese, P.D. (2002) 'Democracy, Disputes and Negotiated Settlements', *Journal of Conflict Resolution*, 46(4), pp. 426–430.
- A Critique' in: Midlarskiy, M.I. (ed.) Handbook of War Studies. Boston: Unwin Hyman, pp. 259–288.
- Mansfield, E.D. and Snyder, J. (1995) 'Democratization and the Danger of War', *International Security*, 20(1), pp. 5–38.
- Mansfield, E.D. and Snyder, J. (2002) 'Incomplete Democratization and the Outbreak of Military Disputes', *International Studies Quarterly*, 46(4), pp. 529–549.
- Mansfield, E.D. and Snyder, J. (2009) 'Pathways to War in Democratic Transitions', *International Organization*, 63(2), pp. 381–390.
- Maoz, Z. (1996) Domestic Sources of Global Change. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Maoz, Z. (1989) 'Joining the Club of Nations: Political Development and International Conflict 1816–1976', *International Studies Quarterly*, 33(2), pp. 199–231.
- Maoz, Z. and Abdolali, N. (1989) 'Regime Types and International Conflict. 1816–1976', *The Journal of Conflict Resolution*, 33(1), pp. 3–35.
- Maoz, Z. and Russett, B. (1993) 'Normative and Structural Causes of Democratic Peace, 1946–1986', *American Political Science Review*, 87(3), pp. 624–638.
- Mintz, A. and DeRouen, K. (2010) Understanding Foreign Policy Decision Making. New York: Cambridge University Press.
- Morgan, T.C. and Schwebach, V.L. (1992) 'Take Two Democracies and Call Me in the Morning: A Prescription for Peace?', *International Interactions*, 17(4), pp. 305–320.
- Mousseau, M. (1998) 'Democracy and Compromise in Militarized Interstate Conflicts, 1816–1992', *Journal of Conflict Resolution*, 42(2), pp. 210–230.
- Muravchik, J. (1996) 'Promoting Peace through Democracy' in: Crocker, C. and Manson, O.F. (eds.) Managing Global Chaos. Sources of and Responses to International Conflict. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, pp. 573–585.
- Palmer, G., London, T. and Regan, P. (2004) "'What's Stopping You?": The Sources of Political Constraints on International Conflict Behavior in Parliamentary Democracies', *International Interactions*, 30(1), pp. 1–24.
- Peceny, M. and Beer, C.C. (2003) 'Peaceful Parties and Puzzling Personalists', *American Political Science Review*, 97(2), pp. 259–288.

- 547–571.
- Doyle, M.W. (1983a) 'Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs', *Philosophy & Public Affairs*, 12(3), pp. 205–235.
- Doyle, M.W. (1983b) 'Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part 2', *Philosophy & Public Affairs*, 12(4), pp. 323–353.
- Doyle, M.W. (2005) 'Three Pillars of the Liberal Peace', *American Political Science Review*, 99(3), pp. 464–466.
- Elman, M.F. (2000) 'Unpacking Democracy: Presidentialism, Parliamentarism, and Theories of Democratic Peace', *Security Studies*, 9(4), pp. 91–126.
- Enterline, A. (1998) 'Regime Changes, Neighborhoods and Interstate Conflict, 1816–1992', *Journal of Conflict Resolution*, 42(6), pp. 804–829.
- Farnham, B. (2003) 'The Theory of Democratic Peace and Threat Perception', *International Studies Quarterly*, 47(3), pp. 395–415.
- Fearon, J.D. (1994) 'Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes', *American Political Science Review*, 88, pp. 577–592.
- Filson, D. and Werner, S. (2004) 'Bargaining and Fighting: The Impact of Regime Type on War Onset, Duration and Outcomes', *American Journal of Political Science*, 48(2), pp. 296–313.
- Friedman, G. (2008) 'Identifying the Place of Democratic Norms in Democratic Peace', *International Studies Review*, 10(3), pp. 548–570.
- Gartzke, E. (2001) 'Preferences and the Democratic Peace', *International Studies Quarterly*, 44(1), pp. 191–212.
- Gaubatz, K.T. (1996) 'Democratic States and Commitment in International Relations', *International Organization*, 50, pp. 109–139.
- Gelpi, C. (1997) 'Domestic Diversions: Governmental Structure and the Externalization of Domestic Conflict', *Journal of Conflict Resolution*, 41(2), pp. 225–282.
- Gelpi, C. and Griesdorf, M. (2001) 'Winners of Losers? Democracies in International Crisis, 1918–1994', *American Political Science Review*, 95(3), pp. 633–647.
- Gleditsch, N.P. and Hegre, H. (1997) 'Peace and Democracy: Three Levels of Analysis', *Journal of Conflict Resolution*, 41(2), pp. 283–310.
- Gleditsch, N.P. and Ward, M.D. (2000) 'War and 339–342.
- Peceny, M., Beer, C.C., and Sanchez-Terry, S. (2002) 'Dictatorial Peace?', *American Political Science Review*, 96(2), pp. 15–26.
- Pickering, J. and Kisangani, E.F. (2005) 'Democracy and Diversionary Military Intervention: Reassessing Regime Type and the Diversionary Hypothesis', *International Studies Quarterly*, 49(1), pp. 23–43.
- Prins, B.C. and Sprecher, C. (1999) 'Institutional Constraints, Political Opposition and Interstate Dispute Escalation: Evidence from Parliamentary Systems, 1946–1989', *Journal of Peace Research*, 36(3), pp. 271–287.
- Raymond, G.D. (1994) 'Democracies, Disputes and Third Party Intermediates', *Journal of Conflict Resolution*, 34(1), pp. 24–42.
- Reiter, D. and Stam, A.C. (1998a) 'Democracy and Battlefield Military Effectiveness', *Journal of Conflict Resolution*, 42(3), pp. 259–277.
- Reiter, D. and Stam, A.C. (1998b) 'Democracy, War Initiation and Victory', *American Political Science Review*, 92(2), pp. 377–389.
- Reiter, D. and Stam, A.C. (2003) 'Identifying the Culprit: Democracy, Dictatorship and Dispute Initiation', *American Political Science Review*, 97(2), pp. 333–337.
- Reiter, D., Tillman, E.R. (2002) 'Legislative and Executive Constraints on the Democratic Initiation of Conflict', *Journal of Politics*, 64(3), pp. 810–826.
- Rioux, J.S. (1998) 'A Crisis-Based Evaluation of the Democratic Peace Proposition', *Canadian Journal of Political Science*, 31(June), pp. 263–283.
- Risse-Kappen, T. (1991) 'Public Opinion, Domestic Structure, and Foreign Policy in Liberal Democracies', *World Politics*, 43(4), pp. 479–512.
- Rosenau, J. (1966) 'Pre-theories and Theories of Foreign Policy' in: Farrell, R.B. (ed.) *Approaches to Comparative and International Politics*. Evanston: Northwestern University Press, pp. 27–92.
- Rousseau, D.L., Gelpi, C., Reiter, D., and Huth, P.K. (1996) 'Assessing the Dyadic Nature of the Democratic Peace, 1918–88', *American Political Science Review*, 90, pp. 512–533.
- Rummel, R. (1983) 'Libertarianism and International Violence', *Journal of Conflict Resolution*, 27(1), pp. 27–71.
- Schultz, K.A. (1999) 'Do Democratic Institutions Constrain or Inform? Constraining Two Institutional Perspectives on Democracy and

- Peace in Space and Time: The Role of Democratization', *International Studies Quarterly*, 44, pp. 1–29.
- Goldsmith, B.E. (2007) 'Defense Effort and Institutional Theories of Democratic Peace and Victory: Why Try Harder?', *Security Studies*, 16(2), pp. 189–222.
- Hagan, J. (2010) 'Regime Type, Foreign Policy, and International Relations' in: Denemark, R.A. (ed.) *International Studies Compendium*. New York: Wiley-Blackwell.
- Heldt, B. (1999) 'Domestic Politics, Absolute Deprivation and the Use of Armed Force in Interstate Territorial Disputes, 1950–1990', *Journal of Conflict Resolution*, 43, pp. 451–478.
- Hermann, M.G. and Kegley, C.W. (1995) 'Rethinking Democracy and International Peace: Perspectives from Political Psychology', *International Studies Quarterly*, 39(4), pp. 511–533.
- Hewitt, J.J. and Wilkenfeld, J. (1996) 'Democracies in International Crisis', *International Interactions*, 22(2), pp. 123–142.
- War', *International Organization*, 53(2), pp. 233–266.
- Schultz, K.A. (1998) 'Domestic Opposition and Signaling in International Crises', *American Political Science Review*, 92(4), pp. 829–844.
- Schweller, R.L. (1992) 'Domestic Structure and Preventive War: Are Democracies More Pacific?', *World Politics*, 44(2), pp. 235–269.
- Smith, A. (1996) 'Diversionary Foreign Policy in Democratic Systems', *International Studies Quarterly*, 40(1), pp. 133–153.
- Weede, E. (1984) 'Democracy and War Involvement', *Journal of Conflict Resolution*, 28(4), pp. 649–664.
- Weeks, J.L. (2008) 'Autocratic Audience Costs: Regime Type and Signaling Resolve', *International Organization*, 62(Winter), pp. 35–64.

Информация об авторе

Окунева Елизавета Сергеевна – соискатель кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. E-mail: elizaveta.okuneva@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7237-0439. ResearcherID: Z-1416-2018).

Статья принята к печати: 30.04.2019

INFLUENCE OF THE POLITICAL REGIME TYPE ON FOREIGN POLICY: THEORETICAL APPROACHES

E. S. Okuneva
MGIMO University

Abstract

The article is focused on the existing theoretical and empirical approaches towards studying the influence of the political regime type (democratic, authoritarian and hybrid ones) on foreign policy. Among other things, the author makes an attempt to find a theoretical explanation for the extent to which a certain type of regime influences the state's involvement into interstate conflicts. Foreign policy of hybrid regimes, which is hypothetically believed to be the most unpredictable and aggressive, is of particular interest. The article analyzes such theories and approaches as democratic peace theory (including the research concerning the regime type influence on the character and duration of wars, their reasons and outcomes) studies on foreign policy of states with a hybrid regime, interpretation of a state's foreign policy via institutional analysis of its political regime ('unpacking regime type').

Based on the analysis of literature, the author concludes that the influence of political regime on foreign policy remains insufficiently explored, especially within international relations theory, which touches upon the factor of political regime but mostly studies the influence of internal policy on foreign policy as a whole. Moreover, most studies focus on the foreign policy behavior of democratic and authoritarian regimes in order to prove or disprove Immanuel Kant's democratic peace theory, ignoring the behavior of hybrid regimes. A small number of studies concerning foreign policy of hybrid regimes concentrate on states in democratic

transit, paying little attention to states that are in the process of autocratization, or to stable hybrid regimes. These studies also do not take into account the situations when hybrid regimes initiate international conflicts.

Keywords: political regime; regime; democratic regime; democracy; authoritarian regime; autocracy; hybrid regime; foreign policy; conflicts.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-38-46

НКО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ)

Михаил Мартынов

Сургутский государственный университет

Надежда Ушакова

Сургутский государственный университет

Аннотация

В настоящее время в Российской Федерации сложился устойчивый тренд на активное участие государства в формировании «сверху» институтов гражданского общества в лице некоммерческих организаций и волонтерства. Возникающие в связи с этим перспективы и риски развития «третьего сектора» рассмотрены на примере их деятельности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Методами исследования являлись анализ данных официальной статистики, социологический опрос населения и фокус-группы.

Признаки стагнации деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций, не сумевших в течение предыдущего периода обеспечить материальную базу этой деятельности и заручиться общественной поддержкой, вместе с необходимостью диверсифицировать каналы предоставления социальных услуг населению заставили государство предпринять усилия по активизации этой деятельности «сверху». Однако, наряду с позитивными результатами расширения сферы деятельности НКО в социальном секторе, этот процесс несет и скрытые риски для всех его участников. Такими рисками, в первую очередь, является увеличение расходов государства на социальную сферу, снижение качества предоставления социальных услуг населению, маргинализация той части организаций гражданского общества, которые останутся вне сектора взаимодействующих с государством НКО.

Сделан вывод, что передача части функций оказания социальных услуг НКО вызвана не только заботой о развитии «третьего сектора» и улучшением качества этих услуг для населения, но и интересами государства, вынужденного искать способы диверсифицировать структуру социальной поддержки населения.

Ключевые слова: некоммерческие организации; третий сектор; гражданское общество; поставщик социальных услуг.

Интерес к деятельности некоммерческих организаций актуализировался в России после того, как в обращении к Федеральному собранию в 2015 г. Президент РФ В.В. Путин указал на необходимость привлечения их в качестве исполнителей общественных услуг и как партнеров государства в решении социальных проблем общества. На их поддержку Президент предложил направить до 10% средств региональных и муниципальных социальных программ¹. В 2016 г. Указом Президента были утверждены приоритетные направления деятельности некоммерческих и волонтерских организаций, которые включают различные формы предоставления социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических услуг. Особое внимание уделяется социальной помощи детям, инвалидам, гражданам пожилого возраста, лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации и т.д. Кроме того, к приоритетным направлениям отнесена деятельность по оказанию услуг в области физической культуры и массового спорта, а также деятельность, направленная на развитие межнационального сотрудничества, социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов. В начале 2017 г. был создан единый Фонд президентских грантов, который распределяет гранты некоммерческим организациям, участвующим в развитии институтов гражданского общества. В 2017 г. фонд распределил более 6 млрд. руб. среди 3 213 СО НКО. В 2018 г. по программе Президентских

¹ Послание Президента Федеральному собранию 3 декабря 2015 г. Available at: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 15.12.2018).

грантов направлено 8 млрд. руб. Следующим шагом стали усилия по развитию добровольческого движения, и 2018 г. был объявлен Годом добровольца и волонтера. Таким образом, в течение трех лет сформировался устойчивый тренд на активное участие государства в формировании «сверху» институтов гражданского общества в лице некоммерческих организаций и волонтерства. Возникающие в связи с этим перспективы и риски развития «третьего сектора» мы рассмотрим на примере их деятельности в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре.

Ханты-Мансийский автономный округ – благополучный, с точки зрения социально-экономической ситуации, регион. Предприятия автономного округа своей деятельностью формируют существенную часть российской экономики: около 7,5% промышленного производства и 15,1% доходов государственного бюджета¹. Югра располагает развитой социальной инфраструктурой и сложившейся системой социальной поддержки населения со стороны государства. Востребованность такой поддержки в регионе достаточно высока. Показатели потребности в государственных услугах, в первую очередь, связанных с социальным обслуживанием населения, достигают 0,5 млн чел.², и участие НКО в партнерстве с государством в этой сфере весьма перспективно. Губернатор автономного округа Наталья Комарова поставила задачу довести долю некоммерческих организаций, предоставляющих услуги в социальной сфере, до 15%³. Учитывая, что в автономном округе действует около 2 000 социально-ориентированных некоммерческих общественных организаций, задача кажется вполне выполнимой. Наибольшее число НКО зарегистрированы в крупных городах автономного округа: в Сургуте (468), Нижневартовске (321), Ханты-Мансийске (286), Нефтеюганске (110). Среди районов выделяются Сургутский (89), Березовский (54) и Нижневартовский (51). Тем не менее, проведенные нами исследования говорят о том, что необходимо учитывать определенные проблемы, возникающие в ходе привлечения НКО к предоставлению услуг в социальной сфере.

Методами исследования являлись – анализ данных официальной статистики, социологический опрос населения и фокус-группы. Массовый опрос проводился в марте-апреле 2018 г. путем формализованных интервью по месту жительства по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования. Генеральной совокупностью опроса выступали жители Ханты-Мансийского автономного округа старше 18 лет (N=600). Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением половозрастной и образовательной структуры, а также пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (г. Сургут, г. Нижневартовск, г. Белоярский, г. Лянтор и Сургутский район). Статистическая ошибка выборки не превышает 3%.

Судя по результатам опроса населения, фактические «стартовые» возможности участия НКО в качестве исполнителя общественно значимых услуг не столь высоки, как это может показаться, если исходить из данных официальной статистики. Так, из числа опрошенных респондентов получали или получают услуги со стороны НКО всего 1,7%. О том, что в их населенном пункте осуществляют деятельность НКО, известно 11,0% участников опроса. Еще 25,1% «что-то слышали о такой деятельности». Но большинство – 54,7%, – как выяснилось, ничего о ней не знают. Отвечая на другой вопрос: «С каким суждением о роли и деятельности НКО Вы согласны?», лишь 23% респондентов выбрали ответы с позитивной коннотацией: «Они защищают права граждан», «способствуют проявлению общественной инициативы» и «оказывают социальную поддержку гражданам». Ответы с негативными смыслами в отношении НКО – «оказывают поддержку только членам своей организации», «создаются для удовлетворения только личных интересов их руководителей», «не содействуют решению острых проблем» – дали 27% опрошенных. Еще 13% ответили, что НКО «не приносят ни вреда, ни пользы». Значительная доля респондентов – 37% – затруднилась с ответом. Отметим, что об-

¹ Ханты-Мансийский автономный округ-Югра // Единый официальный сайт государственных органов. Available at: URL: <http://www.admhmao.ru/ob-okrugu/obshchie-svedeniya/ekonomika/> (дата обращения: 12.12.2018).

² Показатели потребности в государственных услугах, включенные в государственное задание в рамках государственной программы автономного округа. Available at: URL: <https://depr.admhmao.ru/organizatsii-predostavlyayushchie-sotsialnye-uslugi/otsenka-potrebnosti-v-gosudarstvennykh-uslugakh/331957/pokazateli-potrebnosti-v-gosudarstvennykh-uslugakh-vklyuchennyye-v-gosudarstvennoe-zadanie-v-ramkakh> (дата обращения: 15.12.2018).

³ Распоряжение правительства ХМАО - Югры от 22 июля 2016 года № 394-рп о плане мероприятий («дорожной карте») по поддержке доступа НКО к предоставлению услуг в социальной сфере. Available at: URL: <http://www.ophmao.ru/zakonodatelstvo/757732/rasporyazhenie-pravitelstva-khmao-yugry-ot-2016.07.22-394-rp-o-o-plane-meropriyatij-dorozhnoj-karte-po-podderzhke-dostupa-nko-k-predostavleniyu-uslug-v-sotsialnoj-sfere/> (дата обращения: 15.12.2018).

щероссийские социологические опросы также подтверждают недостаточно высокий авторитет НКО среди населения¹. В чем причина столь невысокого уровня информированности о деятельности НКО и недостаточная степень доверия к ним со стороны граждан?

Первой причиной является тот факт, что, несмотря на большое количество официально зарегистрированных некоммерческих организаций, реально осуществляет деятельность лишь небольшая часть. Например, в Югре, по оценкам участников наших фокус-групп, – это 15–20% от общего числа. В качестве основной трудности, с которой сталкиваются их организации, участники фокус-группы, из числа руководителей НКО, назвали отсутствие необходимого финансирования, а также трудности осуществления фандрайзинга в силу бедности населения и слабой общественной солидарности. Единственным устойчивым источником финансирования является государство. Неспособность подавляющего большинства социально-ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) обеспечить свою деятельность ресурсами стала главным препятствием в осуществлении ими своей деятельности.

Другой существенной проблемой является несоответствие структуры направлений деятельности СО НКО потребностям граждан. В ходе опроса населения наши респонденты назвали в качестве приоритетного направления деятельности СО НКО такую, как «помощь пожилым людям, защита интересов и социальная адаптация инвалидов». На втором месте с большим отрывом идет «оказание юридических услуг, правовая помощь». Далее следует «развитие спортивно-технических видов спорта» и «территориальное общественное самоуправление». «Наименее нужными» некоммерческими организациями были названы национально-религиозные и молодежные объединения.

Сравнение этих ответов с направлениями деятельности, реально осуществляемыми СО НКО (таблица), показывает, что они в значительной мере не соответствуют ожиданиям граждан.

Направления деятельности НКО

Направления деятельности НКО	Число НКО по направлениям	
	ед.	%
1. Защита трудовых прав и интересов членов профсоюзов	271	13,4
2. Развитие спорта, пропаганда здорового образа жизни	265	13,1
3. Предоставление образовательных услуг	256	12,7
4. Объединения, созданные по профессиональному признаку	173	8,6
5. Досуговые организации по интересам	165	8,2
6. Религиозные организации	164	8,1
7. Родовые общины коренных малочисленных народов Севера	113	5,6
8. Развитие благотворительности	94	4,7
9. Сохранение и развитие национальной культуры, языка	80	4,0
10. Развитие ветеранского движения	79	3,9
11. Оказание юридических услуг, правовая помощь	46	2,3
12. Содействие развитию детских и молодежных общественных объединений, защиты прав детей и молодежи	43	2,1
13. Помощь пожилым людям, защита интересов и социальная адаптация инвалидов	43	2,1
14. Создание условий для участия граждан в политической жизни общества	40	2,0
15. Объединения казачества	37	1,8
16. Развитие спортивно-технических видов спорта	34	1,7
17. Содействие повышению статуса женщин в обществе, укрепление семьи	31	1,5
18. Территориальное общественное самоуправление (ТОС)	28	1,4
19. Содействие развитию предпринимательства	22	1,1
20. Защита окружающей среды	20	1,0
21. Военно-патриотическое воспитание детей и молодежи	15	0,7

¹ Некоммерческие организации в России: зачем они нужны, и где им брать деньги? Available at: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2086> (дата обращения: 15.12.2018).

Как оказалось, из более чем двух десятков направлений деятельности СО НКО львиную долю – более половины – занимают «защита трудовых прав и интересов членов профсоюзов», «развитие спорта, пропаганда здорового образа жизни» и «предоставление образовательных услуг» и пр., которые граждане к приоритетным не относят. Между тем работа с пожилыми людьми и инвалидами в реальной деятельности сегодняшних СО НКО не играет заметной роли, занимая в рейтинге осуществляемых ими направлений лишь 12-е место.

Причина такого положения заключается, во-первых, в том, что значительная доля СО НКО, например, созданных по профессиональному или религиозному признакам, ориентирована на удовлетворение интересов, главным образом, своих членов и в меньшей мере – общественных интересов за пределами этих организаций. Во-вторых, многие НКО, пользуясь тем, что грантовая поддержка со стороны государства носит «заявительный» характер, выбирают направления, по которым легче осуществлять деятельность, а не те, которые востребованы населением. В результате, например, в Сургутском районе три четверти всех СО НКО занимаются деятельностью по сохранению и развитию национальной культуры и языка. В-третьих, в деятельности СО НКО заметен дефицит альтруистического содержания. Обычно она осуществляется на платной основе, нередко по достаточно высоким тарифам, что не способствует росту общественного доверия к ним в общественном мнении.

Эти и другие причины привели в предыдущие годы к заметному «пробуксовыванию» развития социально ориентированного некоммерческого сектора. Поэтому стремление государства придать «сверху» импульс этому развитию путем стимулирования его к участию в исполнении общественно-полезных услуг на правах партнерства выглядит вполне логичным.

Преимущества НКО в решении этих задач получили обоснование в научных исследованиях. Лидером в изучении возможностей «третьего сектора» современной России стал Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ Высшей школы экономики. Результаты осуществляемых им уже более десяти лет социологических замеров регулярно публикуются в тематических докладах и информационно-аналитических бюллетенях Центра¹.

С точки зрения исследователей Центра не вызывают сомнений, что НКО быстрее и тоньше улавливают разнообразные настроения и запросы граждан, способствуют своевременной диагностике и упреждающему разрешению общественных проблем, эффективнее изыскивают ресурсы для решения приоритетных социальных задач и т.д. (Форсайт гражданского общества, 2017: 13). Сопоставляя данные экспертного опроса руководителей НКО с практиками функционирования «третьего сектора» за рубежом, И.В. Мерсиянова и В.Б. Беневоленский делают вывод, что «апробация на российской эмпирической базе некоторых положений теории, касающихся сравнительных преимуществ НКО в роли поставщиков социальных услуг, ... демонстрирует, что преимущества НКО по сравнению с государственными и коммерческими поставщиками социальных услуг, выделенные в свете теории межсекторного партнерства и зарубежного опыта, в значительной мере присущи и российским НКО» (Мерсиянова, Беневоленский, 2017: 85).

Однако, на наш взгляд, предметом исследований должны быть не только преимущества НКО в качестве поставщиков социальных услуг, но и возникающие при этом риски. Определить их мы пытались, в том числе, в ходе проведенных в рамках нашего исследования фокус-групп.

Участниками первой фокус-группы были руководители СО НКО автономного округа, во вторую вошли муниципальные служащие г. Сургута и Сургутского района, непосредственно взаимодействующие с СО НКО. Третью фокус-группу образовали представители общественности из числа гражданских активистов, журналистов, преподавателей вузов. Сюжетно сценарий проведения фокус-групп строился вокруг задания проведения SWOT-анализа с выделением и ранжированием преимуществ и рисков деятельности СО НКО в качестве поставщиков социальных услуг.

Итоги фокус-групп позволили выделить основные проблемы, возникающие в связи с участием СО НКО в этой деятельности, причем расстановка приоритетов этих рисков в разных фокус-группах существенно различалась.

Так, муниципальные чиновники не видели больших трудностей в выделении средств на деятельность СО НКО и допускали возможность увеличения объема этих средств. Однако они озабочены проблемой профессиональной подготовки членов СО НКО, оказывающих социальные услуги,

¹ Мониторинг состояния гражданского общества. Available at: URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/> (дата обращения: 15.12.2018).

и, соответственно, качеством этих услуг. Все участники этой фокус-группы однозначно дали понять, что профессионализм работников муниципальных учреждений существенно выше, нежели подготовка членов СО НКО, пытающихся работать по данному профилю.

Другая проблема, также связанная с качеством предоставления услуг, – это отсутствие механизма контроля за этим качеством. Вообще-то система оценки качества предоставления социальных услуг в автономном округе существует. Но услуги, предоставляемые муниципальными учреждениями и СО НКО, в ней не дифференцированы. Кроме того, основным методом этой оценки является анкетный опрос, который не предусматривает соблюдения принципа репрезентативности. Судя по словам муниципальных служащих, выход из положения они нашли в разработке собственных методик оценки качества услуг, предоставляемых СО НКО. Однако, по их признанию, эти методики далеки от совершенства и нуждаются в апробации.

Участники другой фокус-группы, состоявшей из руководителей СО НКО, в качестве главной проблемы называли слабость материальной базы своих организаций, не позволяющей в полной мере обеспечить предоставление качества услуг. Выход они видят в увеличении государственного финансирования. Другие источники финансирования, по их мнению, носят вспомогательный характер. На вопрос, как они предполагают решать проблему, если не будет усиления финансовой поддержки со стороны государства, участники фокус-группы не исключили увеличения оплаты за предоставление услуг.

В ходе работы этой фокус-группы в ее составе выделилась группа социальных предпринимателей, перешедших в состав «третьего сектора» из сферы малого бизнеса, в том числе, специализирующихся на помощи инвалидам и престарелым людям. Как оказалось, их организации в большей мере готовы к роли исполнителей общественно полезных услуг, с точки зрения обеспечения материальной базы. Эта группа в большей мере сетовала на недостатки нормативно-правового обеспечения деятельности, например, – в области тарификации труда.

Что касается третьей фокус-группы, включавшей представителей общественности, то ее участники продемонстрировали весьма скептическое отношение к планам передачи функций исполнителей общественно полезных услуг НКО. Так, по мнению одного из участников, *«полагаясь на решение вопроса некоммерческим сектором, государство не всегда будет получать высокое качество исполнения задач, поскольку этот сектор слабо развит и малоопытен. В результате деньги «сгорят», проблема останется. Кроме того, существует весьма высокая вероятность того, что даже в случае выполнения программ, возникнет проблема отчетности, в которой некоммерческий сектор и социально-ориентированный бизнес пока не преуспел»*.

В ходе работы этой фокус-группы была сформулирована еще одна проблема, не звучавшая в ходе проведенных двух других. Ее участники указали на возможность коррупционных действий со стороны руководителей НКО. Один из участников выразил возникающие здесь риски следующим образом: *«Далеко не все НКО сегодня готовы качественно исполнять такие услуги. Кроме того, традиционный нормативный зазор может привести к вторжению в данную сферу мошенников-посредников, т.н. «черных подрядчиков», которые будут пытаться тянуть бюджетные деньги на себя. В целом, этот тренд может оцениваться скорее как политическое, имиджевое решение, работающее на образ России как современного квазизападного государства с гражданским обществом западного образца»*.

Следует отметить, что с выводом о возможности коррупции в сфере НКО согласились все участники этой фокус-группы. Специфическим коррупционным действием они назвали также избирательное оказание социальных услуг, когда руководство НКО само выбирает себе клиентов.

Риски, возникающие в связи с передачей НКО выполнения общественно полезных услуг, сформулированные в ходе проведенных нами фокус-групп, отнюдь не являются специфическими для автономного округа. Они характерны и для других регионов, что отмечают и специалисты Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ Высшей школы экономики. Например, они указывают на невозможность провести анализ экономических итогов деятельности НКО, поскольку единственной обязательной отчетностью НКО является информация об освоении бюджетных средств. Как подчеркивают сами исследователи, «в этом случае оценке не подвергаются цели, задачи, мероприятия, целевые показатели программы, открытость и прозрачность реализации программы. Как следствие, по итогам подобной оценки одинаково эффективной может быть признана качественная и некачественная программа, поскольку под оценку попадают только степень реализации программы и степень освоения бюджетных средств» (Громова, Мерсиянова, 2016: 43). Аналогичным образом отмечаются трудности привлечения средств из негосударственных

источников (Мерсиянова, Беневоленский, 2017: 90), указывается на слабость материальной базы (Мерсиянова, Беневоленский, 2017: 86), на невысокий уровень профессиональных навыков (Мерсиянова, Беневоленский, 2017: 93).

Возникает вопрос: каким образом исследователи приходят к выводу, что социально ориентированные некоммерческие организации, не имеющие ни необходимой экономической основы, ни квалифицированного персонала, ни доверия со стороны населения, ни возможности доказать экономическую эффективность, тем не менее, рассматриваются как обладающие институциональными преимуществами?

Скорее, можно предположить, что обоснование передачи части функций оказания социальных услуг СО НКО вызвано не столько заботой о развитии «третьего сектора» и улучшением качества этих услуг для населения, сколько интересами государства, вынужденного искать способы диверсифицировать структуру социальной поддержки населения. На наш взгляд, причиной этой политики является попытка решить проблему перегруженности государственной инфраструктуры деятельностью, связанной с выполнением социальных обязательств перед населением, поскольку это не соответствует требованиям международных финансовых организаций. В то же время, экономическая ситуация, в которой находится значительная часть населения России, не позволяет пойти на снижение уровня их социальной поддержки. Выход был найден в использовании некоммерческих организаций в качестве альтернативного канала такой поддержки, способного частично снизить нагрузку на государственные социальные учреждения.

Но, несмотря на всю важность решения этой задачи, следует оценить и риски, возникающие для основных акторов этого процесса – государства, населения, бизнеса и самого «третьего сектора».

Для государства инспирирование «сверху» подключения НКО к выполнению функций предоставления социальных услуг грозит увеличением общего объема финансовых расходов, связанных, помимо обеспечения прямых расходов на предоставление услуг, с материальной, методической, консультативной и пр. поддержкой НКО. Кроме того, как и всегда в случаях взаимодействия государства с негосударственным сектором, возрастает угроза усиления коррупции.

Население оказывается перед прямой угрозой снижения качества услуг, а возможно, и роста тарифов на эти услуги. Например, в исследовании, проведенном специалистами НИУ Высшей школы экономики, эксперты из числа представителей некоммерческого сектора в ходе дискуссии о тарифах на социальные услуги, высказали мнение, что «один из основных барьеров, препятствующих расширению участия НКО в социальном обслуживании граждан в России, – это низкий уровень тарифов на социальные услуги, оказываемые НКО за бюджетный счет.... Уровни тарифов на социальные услуги, устанавливаемые РОИВ для негосударственных поставщиков, зачастую сегодня не компенсируют полный круг затрат организации (Мерсиянова, Беневоленский, 2017: 89).

В сфере малого бизнеса можно ожидать усиление недобросовестной конкуренции. Все большее число предпринимателей начинают регистрировать свои организации как некоммерческие. Благо сделать это нетрудно – достаточно упоминания в уставе НКО хотя бы одного социально ориентированного направления деятельности. Предприятия мелкого бизнеса, переходя в статус социальных, начинают ориентироваться на госзаказ и грантовую поддержку и получают очевидные конкурентные преимущества, окончательно забывая идею создания в экономике конкурентной предпринимательской среды.

В сфере НКО также можно ожидать серьезных структурных трансформаций. В «третьем секторе» начнут формироваться два кластера, осуществляющих свою деятельность на принципиально разной основе. С одной стороны, будет происходить коммерциализация этой сферы и формирование кластера исполнителей общественно полезных услуг. Одновременно, будет создан другой кластер, объединяющий организации, осуществляющие свою деятельность на безвозмездной основе. Таким кластером, вероятно, станет волонтерское движение, нормативно-правовая база для которого сегодня активно разрабатывается. Сегодня в Российской Федерации уже зарегистрировано более 175 ООО волонтеров, 9 550 организаций, 11 500 мероприятий. Ежедневно на платформе регистрируются более 500 волонтеров, 50 организаций, 150 проектов и мероприятий¹. В декабре 2018 г.

¹ Справка по исполнению плана мероприятий по развитию волонтерского движения в Российской Федерации Министерства экономического развития России. С.4. Available at: URL: https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/Otchet_minekonomrazvitiya27122018.pdf. (дата обращения: 15.12.2018).

распоряжением Правительства была утверждена Концепция развития волонтерства в России до 2024 г. Вице-премьер Татьяна Голикова заявила, что к 2024 г. правительство намерено привлечь к волонтерской деятельности 20% россиян, или 30 млн чел.¹. Скорее всего, центрами организации волонтерского движения станут учебные заведения, в которых их проще организовывать (и отчитываться). Возможно, одновременно в рамках этого движения будут подготовлены общественные активисты к президентским выборам 2024 г.

Одним из следствий такой политики станет изменение положения гражданских активистов и неформальных общественных организаций. Аналитики Общественной палаты РФ еще в 2017 г. фиксировали, что «растет разрыв между неформальными гражданскими инициативами и «организованным общественным сектором» (Доклад о состоянии ..., 2017 г.: 32). Можно ожидать, что чем дальше, тем во все большей мере структуры гражданского общества начнут развиваться в двух параллельных реальностях. Первая – это формальные, системные организации, связанные с функционированием социально ориентированных НКО. Вторая – это «неформальные», «несистемные», общественные организации, связанные с гражданскими инициативами, в том числе политического характера. Органы власти и общественные палаты в регионах будут стремиться отождествить сектор НКО, выполняющий функции предоставления социальных услуг, со всем гражданским обществом, поскольку это простой способ получения свидетельств о его развитии. При этом будет теряться из вида сфера деятельности общественности и гражданских инициатив неформального характера. Показательной в этом отношении является реакция системных структур гражданского общества на периодически возникающие общественные дискуссии, инициируемые «несистемными» гражданскими активистами, общественностью, например, по поводу градостроительных планов или экологических проблем. Так, в г. Сургуте – крупнейшем городе Югры – в течение года шел спор между администрацией города и общественностью по поводу судьбы парковой зоны, так называемого «Парка за Саймой». В ходе жарких дискуссий и противостояний, за которыми внимательно следили горожане, высказались все – городские активисты, чиновники, депутаты, журналисты. Все, кроме некоммерческих организаций (которых, напомним, в автономном округе более двух тысяч) и региональной Общественной палаты.

Выводы. Признаки стагнации деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, не сумевших в течение предыдущего периода обеспечить материальную базу этой деятельности и заручиться общественной поддержкой, вместе с необходимостью диверсифицировать каналы предоставления социальных услуг населению заставили государство предпринять усилия по активизации этой деятельности «сверху». Однако, наряду с позитивными результатами расширения сферы деятельности НКО в социальном секторе, этот процесс несет и скрытые риски для всех его участников. Такими рисками, в первую очередь, является увеличение расходов государства на социальную сферу, снижение качества предоставления социальных услуг населению, маргинализация той части организаций гражданского общества, которые останутся вне сектора взаимодействующих с государством НКО.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания на научно-исследовательские работы от Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа.

Библиографический список

- Громова, М. Н., Мерсиянова, И. В. (2016) 'Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности', *Гражданское общество в России и за рубежом*, 1, сс. 39–44. [Gromova, M. N., Mersyanova, I. V. (2016) 'State Support of the Non-Profit Sector and Issue of Estimation of its Efficiency' [Gosudarstvennaya podderzhka NKO i problema ocenki ee effektivnosti], *Гражданское общество в России и за рубежом*, 1, сс. 39–44.].
- Мерсиянова, И. В. (2017) 'NPOS as social services providers: organizational weaknesses verification' [NKO kak postavshchiki sotsial'nykh uslug: verifikatsiya slabykh storon], *Public Administration Issues*, 2, pp. 83–102. (In Russ.).
- Форсайт гражданского общества (2017) О разви-

¹ Владимир Путин просил не «забюрокрачивать» волонтерское движение в России. Available at: URL: <https://www.newsru.com/russia/27dec2018/volunteer.html> (дата обращения: 15.12.2018).

lema otsenki ee effektivnosti], *Civil Society in Russia and Abroad*, 1, pp. 39–44. (In Russ.).

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 г. (2017) Москва: Общественная палата РФ, 100 с. [Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2017 [Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2017 god] (2017). Moscow: Civic Chamber of the Russian Federation Publ., 100 p. (In Russ.).]

Мерсиянова, И. В., Беневоленский, В. Б. (2017) 'НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон', *Вопросы государственного и муниципального*

тии гражданского общества и некоммерческого сектора в России Информационно-аналитический бюллетень. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. № 2 (13). [Foresight of civil society. Information and analysis bulletin on the development of civil society and nonprofit sector in Russia [Forsait grazhdanskogo obshchestva. Informatsionno-analiticheskii byulleten' o razvitii grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora v Rossii] (2017), 2(13). Center for Studies of Civil Society and the Non-profit Sector at the National Research University Higher School of Economics. (In Russ.).]

Информация об авторах

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Сургутского государственного университета. E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8245-7359. ResearcherID: F-8115-2019).

Ушакова Надежда Владимировна - кандидат исторических наук, БУ ВО «Сургутский государственный университет», доцент кафедры политико-правовых дисциплин. E-mail: ushakova_nv@rambler.run (ORSID: 0000-0003-4752-2175. ResearcherID: F-4358-2019).

Статья принята к печати: 30.04.2019

NONPROFIT ORGANIZATIONS IN THE SYSTEM OF SOCIAL SERVICES IN RUSSIA: TRENDS AND RISKS (A CASE STUDY OF THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG–YUGRA)

M. Yu. Martynov

Surgut State University

N. V. Ushakova

Surgut State University

Abstract

At the moment, there is a strong tendency for the active participation of the Russian Federation government in forming civil society organizations, such as non-profit organizations (NPOs) and volunteering institutes, 'from above'. The risks and perspectives of the 'third sector' development are analyzed based on the situation in the Khanty-Mansi Autonomous region taken as an example. The research methods used are analysis of the official statistics data, Gallup poll and focus group discussions.

Socially orientated nonprofit organizations did not succeed in providing a resource base for their activity and in gaining public backing, which can be regarded as signs of stagnation. Together with the need to diversify the channels of providing social services to the population, this forced the government to take measures to intensify the activity from above. However, along with the positive effects of increasing the scope of NPOs activities in the social sector, this process causes hidden risks for all its participants. Among them, there are increasing social expenditures, deterioration in the quality of social services, social exclusion of the civil society organizations which will stay beyond the sector of NPOs collaborating with the government.

The author concludes that the partial transfer of the functions related to social services to NPOs is not only due to the government's interest in developing the 'third sector' and improving the quality of social services but also because of the government's need to seek other channels to diversify the structure of social services.

Keywords: non-profit organizations; third sector; civil society; social services provider.

УДК-32.019.5(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-47-56

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕДИАПОВЕСТКИ ДНЯ
И ФРЕЙМИНГА В ИНТЕРНЕТ-СМИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ)**

Андрей Баранов

Кубанский государственный университет

Сергей Васюк

Кубанский государственный университет

Аннотация

В информационном обществе нарастает актуальность управления общественным мнением посредством интернет-СМИ. В статье определено применение политических технологий установления медиаповестки дня и фрейминга в российских интернет-СМИ в ходе воссоединения Крыма с Россией. С данной целью проанализированы материалы ведущих русскоязычных интернет-СМИ, опубликованные в 2017–начале 2019 гг. и посвященные воссоединению Крыма с Россией. На основе количественных показателей выявлены основные темы, которые доминируют в медиаповестке. Если интернет-издания оценивают воссоединение Крыма с РФ преимущественно положительно, то более подробно они освещают такие темы как поддержка внешнеполитической позиции страны зарубежными политиками, а также визиты иностранных делегаций в Крым; реакция России на вызовы международной политики, связанные с воссоединением; праздничные и культурные мероприятия; события февраля – марта 2014 г. Негативная же интерпретация интеграции Крыма вызывает доминирование в медиаповестке новостных материалов о санкциях и критике российской политики представителями зарубежных стран. Установлена фрагментированность политического сегмента аудитории онлайн-медиа. Российские онлайн-медиа используют различающиеся фреймы при освещении воссоединения Крыма с Россией. Эти различия обусловлены ориентацией интернет-СМИ на различные сегменты фрагментированной аудитории. Обосновано, что технологии установления медиаповестки дня и фрейминга применяются системно, что позволяет интернет-СМИ более эффективно воздействовать на формирование общественного мнения.

Ключевые слова: политические технологии; общественное мнение; интернет-СМИ; воссоединения Крыма с Россией; медиаповестка дня; фрейминг.

Современная политика, особенно на национальном и межгосударственном уровнях, далека от повседневной жизни граждан, поэтому им приходится полагаться на информацию, предоставляемую СМИ (Marquart et al., 2018: 2). Деятельность масс-медиа является одним из ключевых факторов формирования общественного мнения. Поэтому вопрос о том, каким образом они генерируют и распространяют политическую информацию, является актуальным (Taylor, 2017: 24).

Теоретически органы государственной власти и правящие элиты должны выстраивать политику в соответствии с предпочтениями общества по наиболее значимым и чувствительным вопросам, т.е. формальная власть политиков ограничена общественным мнением и деятельностью СМИ (Lees-Marshment, 2016: 25), которые критически освещают их деятельность. Но реальные политические процессы демонстрируют, что правящие элиты имеют тенденцию отдавать предпочтение решениям, соответствующим интересам лидеров и групп интересов, которые обладают наибольшими ресурсами влияния на политический процесс, а не массовой публике (Barabas, 2016: 438).

Важно оценить, какое влияние на сферу политических коммуникаций оказало развитие современных информационно-коммуникационных технологий. Оно характеризуется быстро меняющимся медиаландшафтом и усилением медиатизации политики (Schuk et al., 2016: 205). Восприятие гражданами политической реальности всё больше определяется взаимодействием представлений не только традиционных, но и новых интернет-СМИ (Smets & Bozdağ, 2018: 293). Меняется тип обмена информацией между правящей элитой и обществом.

Одним из наиболее значимых изменений стало существенное расширение субъектов политической коммуникации. Во многом, это обусловлено именно развитием интернет-СМИ, которые стали эффективным каналом политической коммуникации (Yetkinel & Colak, 2017: 5011) и воздействия на общественное мнение. В этих условиях лидеры мнений могут оказывать не меньшее влияние на распространение информации, чем органы государственной власти и масс-медиа (Golovchenko et al., 2018, 993).

Интернет-СМИ требуют сравнительно небольших ресурсов для создания информационных продуктов и донесения их до целевой аудитории. Другими их преимуществами является большая оперативность и разнообразие мультимедийного контента. Автор чувствует себя свободнее, чем журналист, пишущий для печатных СМИ, поскольку редакторская обработка текста минимизируется (Tomaskova, 2017: 247). В то время как издатели традиционных масс-медиа находятся под постоянным контролем регулирующих органов, Интернет остается в значительной степени свободным пространством, где механизмы контроля только начинают работать.

Критические оценки деятельности правящих политических элит в интернет-пространстве получают большее распространение по сравнению с положительными (Nulty et al., 2016: 443). Интернет даёт пользователям беспрецедентный контроль над выбором контента, а они демонстрируют большую склонность выбирать негативные новости. Сфера политики напрямую воздействует на широкий круг вопросов, имеющих критическое значение для больших социальных групп, поэтому среди аудитории политического сегмента сети сильнее выражена тенденция к выходу за рамки цивилизованного общения (цит. по: Davies & Hara, 2018: 565).

Важной особенностью интернет-СМИ является большой объем размещаемой информации. Сеть предоставляет качественно новые возможности в плане количественных характеристик и формата хранения и трансляции данных. Пользователь имеет возможность получить доступ к контенту, который освещает политические явления и события с разных точек зрения. Новостная повестка дня в сети Интернет может радикально отличаться от того, что можно прочесть в газете, услышать по радио или посмотреть по телевизору (Vaccini et al., 2016: 415).

Но большой объем информации в интернет-СМИ приводит к неожиданному эффекту – поляризации политической коммуникации. Пользователи, как правило, ищут ту информацию, которая соответствует их взглядам и оценкам событий (Salgado, 2018: 327-328). Селективность восприятия информации (Казун, 2018: 54) приводит к возникновению эхо-камер (Nagy, 2017: 114) – информационных пространств, где альтернативные точки зрения на политику игнорируются, а критический анализ затруднен. Большая аудитория, получающая информацию о политике из интернет-СМИ, фрагментируется на множество изолированных групп, которые не коммуницируют друг с другом.

Следствием такой политической коммуникации является то, что, хотя ни один из субъектов не доминирует в политическом сегменте интернет-пространства (Spaiser et al., 2017: 148), те из них, которые обладают значительными ресурсами, обладают обширным спектром возможностей оказывать влияние на политический дискурс. На рынке онлайн-информации доминирует ограниченное число информационных агентств, принадлежащих к тем же медийным корпорациям, которые управляют традиционными масс-медиа. Даже сравнительно независимые журналисты полагаются на информацию, отобранную из авторитетных источников (Ceron, 2015: 490).

Эмпирическая база. Проанализированы материалы ведущих русскоязычных интернет-СМИ, опубликованные с 13 по 19 марта в 2017–2019 гг. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что к очередным годовщинам вхождения полуострова в состав России в СМИ наблюдается значительное увеличение количества материалов, посвященных событиям февраля – марта 2014 г.¹, что повышает репрезентативность выборки. Контент, публикуемый 19 марта, позволяет анализировать оценки политических событий, прошедших в день подписания «Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов». Публикации СМИ по теме до 2018 г. исследованы в достаточной степени (Tomashkova, 2017; Возмитель, 2017; Малькова, 2017).

Эмпирическую базу исследования составили материалы 4 влиятельных интернет-СМИ, посвященные воссоединению Крыма с Россией: Lenta.ru, Life.ru, Meduza.io, Rbc.ru (всего 415 единиц). Согласно данным компании «Медиадиагностика»², в 2017–2018 гг. информационные продукты данных

¹ Корченкова, Н., Иванов, М. (2018) 'Прошла «весна», настало лето', *Коммерсантъ*, 25 июня.

² Федеральные СМИ: 2017. Available at: URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5766/>; Федеральные СМИ: 2018. Available at: URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/6454/>.

масс-медиа являлись наиболее востребованными в русскоязычном сегменте сети Интернет, стабильно занимая верхние строчки в рейтинге наиболее цитируемых СМИ.

Определение медиаповестки дня (Инъ Жуюй и Ху Цзян, 2018: 143) является одной из ключевых технологий, которые используют интернет-СМИ. Ее содержание: более широкое освещение в средствах массовой информации повышает общую значимость темы для аудитории (Johann et al., 2018: 263).

Распределение выявленных в Интернет-СМИ публикаций, в которых упоминается воссоединения Крыма с Россией (см. таблицу) позволило выявить, что наибольшее количество материалов размещено на ресурсе Life.ru (187 единиц), наименьшее – на сайте Meduza.io (35 единиц). Снижение количества публикаций, посвященных событиям февраля – марта 2014 г. и их последствиям, в 2018 г. объясняется проведением выборов Президента РФ. Значительная доля публикаций об интеграции полуострова в 2018 г. связана с проблематикой выборов (на сайте Lenta.ru – 6 (42,86%), опубликованных в 2018 г. статей, Life.ru – 18 (43,9%), Meduza.io – 6 (75,0%), Rbc.ru – 30 (43,68%).

Можно выявить тенденцию постепенного спада числа информационных материалов, посвященных воссоединению Крыма с Россией. Она коррелирует со снижением упоминаний о полуострове на федеральном телевидении¹. Исключением является ресурс Life.ru. Одной из причин, объясняющих резкий всплеск количества публикаций в 2019 г., является смена руководства СМИ.

Кроме технологии установления медиаповестки дня, при освещении воссоединения Крыма с Россией интернет-СМИ активно используют технологию фрейминга. Суть её – в отборе ряда аспектов политического явления или события и выделении их в медиатексте. Технология определяет центральную организационную идею для освещения события (Perez, 2017: 172) посредством символических маркеров (Калугина, 2017: 411). Первичный фрейм представляет собой интерпретационную схему, которая относит политическое явление или событие к классу явлений и придает им смысл (Гарбузняк, 2016: 38).

Количество публикаций ведущих интернет-СМИ, в которых освещается (упоминается) воссоединения Крыма с Россией

№ п/п	Интернет-СМИ	Количество публикаций			
		2017 г.	2018 г.	2019 г.	Итого
1.	Lenta.ru	43	14	39	96
2.	Life.ru	40	41	106	187
3.	Meduza.io	15	8	12	35
4.	Rbc.ru	42	23	32	97
	Итого	140	86	189	415

Мы исходим из подхода А.А. Казакова, по которому «разница между установлением повестки дня и фреймингом состоит в том, что в результате первого процесса человек начинает принимать в расчет те аспекты события (явления), о которых информируют его СМИ, а в результате второго у него складывается вполне определенное мнение об этом событии (явлении)» (Казаков, 2015: 110). Мы опираемся на типологию фреймов, которая включает в себя фрейм конфликта, фрейм экономических последствий, фрейм индивидуальных интересов, моральный фрейм и фрейм ответственности (Мавлетова и Лебедев, 2017: 83).

Рассмотрим репертуар тем, используемых интернет-СМИ по проблеме. Одной из тем, которая получила подробное отражение во всех исследуемых интернет-СМИ, стало введение санкций и негативная реакция ряда зарубежных стран на действия России. Сайт Lenta.ru посвятил теме 18 (18,75%) публикаций, Life.ru – 34 (18,18%), Meduza.io – 10 (28,6%), Rbc.ru – 22 (22,68%). Сравнительно высокая доля их публикаций трактует интеграцию полуострова как проблему для развития страны.

Помимо количественных показателей, интерес представляет разница в интерпретации событий. Так, в ряде интернет-СМИ используется фрейм конфликта (3 публикации на Lenta.ru, 2 – на

¹ Федеральные телеканалы стали реже упоминать Крым и Донбасс. Available at: URL: <https://obzor.press/russian/73174>.

Life.ru и 3 на Rbc.ru) в рамках информирования аудитории о негативной международной реакции, она трактуется как следствие внутривнутриполитических процессов на Украине¹.

Сайт Life.ru при описании международной реакции на инцидент в Керченском проливе 25 ноября 2018 г. использует фрейм ответственности. Материалы данного СМИ обосновывают, что украинские моряки целенаправленно нарушили границу России с целью провокации².

Фрейм ответственности используется и изданием Meduza.io. В заголовок новости о санкциях включены фамилии ряда российских государственных руководителей³, деятельность которых резко негативно оценивается на ресурсе. У целевой аудитории формируется представление о том, что санкции введены справедливо.

Большое количество публикаций отражает реакцию России на вызовы международной политики, связанные с воссоединением с полуостровом. Так, на сайте Lenta.ru по теме размещено 8 (8,33%) публикаций, на Life.ru – 38 (20,32%), на Meduza.io – 5 (14,29%), на Rbc.ru – 10 (10,3%). Информационные материалы в данном случае чаще направлены на критику внешнеполитического курса стран Запада (Life.ru: «политика Европы не продумана и не отвечает национальным интересам европейских стран»)⁴. Используется фрейм ответственности. Встречаются примеры и противоположной интерпретации (Meduza.io: «Россия объявила, что ... попросил ввести войска на Украину. Спустя три года Москва заявила, что такой просьбы ... не было»⁵). Кроме фрейма ответственности, в них применяется фрейм морали.

В контексте международной ситуации темой целого ряда информационных материалов является поддержка внешнеполитической позиции России со стороны зарубежных политиков, визиты иностранных делегаций в Крым. Количество такого контента существенно варьируется в зависимости от интернет-СМИ: на сайте Lenta.ru размещены 3 (3,13%) подобных публикаций, на Life.ru – 24 (12,83%), на Meduza.io – 1 (2,86%), на Rbc.ru – 1 (1,03%). Данные материалы позволяют формировать представление о поддержке внешнеполитического курса России со стороны зарубежных политиков: «Западные СМИ действительно искажают факты»⁶, но репрезентативность таких мнений не упомянута.

Иная интерпретация встречается в материале ресурса Meduza.io. В заголовок вынесена новость о том, что главы лишь трех авторитарных государств – КНР, Кубы и Белоруссии безоговорочно признали результаты президентских выборов в России, но в теле статьи список шире: Сербия, Венесуэла, Боливия, Молдавия, Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Абхазия, Республика Сербская. Также приводится цитата, по которой «мировые лидеры не готовы признать результаты выборов на полуострове»⁷, что в комплексе с заголовком формирует представление о внешнеполитической изоляции России.

Одной из распространённых тем интернет-СМИ является хронология событий февраля – марта 2014 г., роль в них отдельных участников, историческая принадлежность Крыма. Использование фрейма конфликта направлено на формирование ощущения угрозы, для устранения которой потребовалось воссоединение Крыма с Россией: «не допустить кровопролития»⁸ и т.д.

Распространённой темой новостных материалов являются статьи о праздниках: по ней на сайте Lenta.ru опубликованы 16 (16,67% общего числа) статей, на Life.ru – 14 (7,49%), на Meduza.io – 5 (14,29%), на Rbc.ru – 8 (8,25%). В тех интернет-СМИ, которые трактуют воссоединение Крыма с

¹ Порошенко пообещал после выборов вернуть Крым «без договоренностей». Available at: URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2019/5c8ee1eb9a7947977522d5>.

² Восемь россиян включили в список санкций ЕС из-за инцидента в Керченском проливе. Available at: URL: https://life.ru/t/sanktsii/1200769/vosiem_rossiiian_vkliuchili_v_spisok_sanktsii_ies_iz-za_intsidienta_v_kierchienskom_prolivie.

³ Канада вслед за США и ЕС расширила санкции против России. Available at: URL: <https://meduza.io/news/2019/03/15/kanada-vsled-za-ssha-i-es-rasshirila-sanktsii-protiv-rossii-pod-nih-popali-sechin-zolotov-i-zharov>.

⁴ В Совфеде заявили, что Евросоюз санкциями «расстреливает себе ноги». Available at: URL: https://life.ru/t/sanktsii/1200942/v_sovfiede_zaiavili_chno_ievrosoiuz_sanktsiiami_rasstrielivaiet_siebie_noghi.

⁵ Три года назад Россия объявила, что Янукович просил ввести войска на Украину. Теперь Кремль это отрицает. Что происходит? Available at: URL: <https://meduza.io/feature/2017/03/16/tri-goda-nazad-rossiya-ob-yavila-chno-yanukovich-prosil-vvesti-voyska-na-ukrainu-a-teper-otritsaet-eto-chno-proishodit>.

⁶ Британский политик в Крыму: Западные СМИ искажают факты. Available at: URL: https://life.ru/t/krym/987256/britanskii_politik_v_krymu_zapadnyie_smi_iskazhaiut_fakty.

⁷ Главы Китая, Кубы и Белоруссии поздравили Путина с победой на выборах. Available at: URL: <https://meduza.io/news/2018/03/19/glavy-kitaya-kuby-i-venesuely-pozdravili-putina-s-pobedoy-na-vyborah>.

⁸ «Без России кровавое месиво было бы похлеще Донбасса». Available at: URL: <https://lenta.ru/articles/2019/03/16/krimref/>.

Россией положительно, такие мероприятия описываются преимущественно посредством фрейма человеческого фактора: «для многих это будет приятным моментом»¹.

В случае, если цель публикации – дискредитировать события, используется экономический фрейм: «участники акции получают по 400 руб. “сразу на руки после мероприятия”»². На сайте Meduza.io используется ирония: «походил по сцене, не сильно стараясь попадать в свою же запись»³.

Ещё одна тема, к которой обращаются все исследуемые интернет-СМИ – изменения в Крыму после воссоединения полуострова. На сайте Lenta.ru этому посвящено 5 (5,2%) публикаций, на Life.ru – 7 (3,74%), на Meduza.io – 2 (5,71%), на Rbc.ru – 8 (8,25%). В рамках экономического фрейма информация о преобразованиях на полуострове интерпретируется на ресурсе Rbc.ru: «подушевой ВРП в 2016 г. вырос на 5,6%, а в 2017-м – на 3,8%, хотя темпы роста по-прежнему остаются выше среднероссийских»⁴, реже – на сайте Lenta.ru: «если в 2014 г. он был равен 11 094 рублям, то в 2016-м – 11 765 рублям»⁵. Интернет-СМИ Meduza.io использует фрейм человеческого фактора («Пестов с тоской смотрит на некоторых других новичков», «говорит Татко и грустно улыбается»⁶) и фрейм ответственности («провайдеры повышают цены как из-за новой ставки НДС, так и из-за требований “пакета Яровой”»⁷). Фрейм конфликта применяется Life.ru: «за пять лет в составе России Крым достиг большего, чем за 25 лет в составе Украины»⁸.

Анализ материалов ведущих интернет-СМИ позволяет сделать вывод о выраженной фрагментации их аудитории. В рамках интерпретации одних политических событий они апеллируют к целевым группам, в которых доминируют противоречащие ценности и оценки политических событий. Так, насыщенное моральными оценками выступление Н.В. Поклонской, посвященное воссоединению Крыма с Россией, получило безусловную поддержку на одном ресурсе («напомнив о религиозном аспекте судьбоносных событий, которые подчёркивал в 2014 г. и президент Владимир Путин»⁹) и дискредитируется посредством иронии на другом («сначала мы думали обойтись кратким пересказом, но нет – здесь ценно каждое слово»)¹⁰.

Итак, политическое значение воссоединения Крыма с Россией обуславливает внимание к нему интернет-СМИ. Если редакционная политика направлена на усиление поддержки и одобрения воссоединения, оно освещается более подробно, занимая приоритетные позиции в медиаповестке дня. Число публикаций, посвященных как воссоединению в целом, так и его отдельным аспектам варьируется в широком диапазоне в зависимости от редакционной политики.

В тех случаях, когда воссоединение в интернет-СМИ оценивается преимущественно положительно, более подробно освещаются темы: поддержка внешнеполитической позиции страны со стороны зарубежных политиков, визиты иностранных делегаций в Крым; реакция России на вызовы международной политики, связанные с воссоединением; праздничные мероприятия; события февраля – марта 2014 г. Негативная интерпретация интеграции Крыма обусловила доминирование в медиаповестке материалов о санкциях и критике российской политики представителями зарубежных стран.

¹ Во Владивостоке 17,5 тысячи человек пришли на посвященный Крыму митинг. Available at: URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/18/vladik/>.

² На фестивале к годовщине присоединения Крыма обнаружили платную массовку. Available at: URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2017/58cd73f89a79477e0a94fb34>.

³ Владимир Путин выиграл выборы и, как и в 2012 году, сразу пошел на Манежную площадь. Available at: URL: <https://meduza.io/feature/2018/03/19/vladimir-putin-vyigral-vybory-i-kak-i-v-2012-godu-srazu-poshel-na-manezhnuyu-ploschad-reportazh-meduzy>.

⁴ 9 вопросов про 5 лет: что Крым получил от присоединения к России. Available at: URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8a64619a79470b9dafbee0>.

⁵ Крым за три года стал в пять раз популярнее у российских туристов. Available at: URL: https://lenta.ru/news/2017/03/16/fly_to_crimea/.

⁶ Кто вам сказал, что здесь российские законы? Available at: URL: <https://meduza.io/feature/2019/03/18/kto-vam-skazal-cto-zdes-rossiyskie-zakony>.

⁷ ФАС проверит повышение тарифов на интернет в Крыму. Available at: URL: <https://meduza.io/news/2019/03/15/fas-proverit-povyshenie-tarifov-na-internet-v-krymu-provaydery-ob-ysnyayut-ego-povysheniem-nds-i-paketom-yarovoy>.

⁸ Крымский ренессанс. Available at: URL: https://life.ru/t/krym/1200601/krymskii-rieniessans_v_ghiermanii_otisienili_itoghi_vossoiedinieniia_poluostrova_s_rf.

⁹ Поклонская: Присоединение Крыма произошло благодаря нашей вере. Available at: URL: https://life.ru/t/krym/986795/poklonskaia_prisoiedinieniie_kryma_proizoshlo_blaghodaria_nashiei_vierie.

¹⁰ «Все мы чувствуем такую гордость за нашего президента, которой завидуют в других странах». Available at: URL: <https://meduza.io/feature/2017/03/17/vse-my-chuvstvuem-takuyu-gordost-za-nashego-prezidenta-kotoroy-zaviduyut-v-drugih-stranah>.

Российские онлайн медиа используют различающиеся фреймы при освещении одних и тех же тем воссоединения Крыма с Россией. Эти различия обусловлены ориентацией интернет-СМИ на различные сегменты фрагментированной аудитории.

Можно сделать вывод о комплексном подходе субъектов массовой коммуникации к использованию технологий установления медиаповестки дня и фрейминга в рамках освещения воссоединения Крыма с Россией. Сочетание таких технологий позволяет не только оказывать влияние на приоритетность тем политического дискурса, но и продвигать собственную трактовку политических событий.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов» № 17-03-00802.

Библиографический список

- ‘Без России кровавое месиво было бы похлеще Донбасса’. [‘Without Russia, the bloody mess would be worse than the Donbass’ [Bez Rossii krovavoe mesivo bylo by pokhleshche Donbassa]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2019/03/16/krimref/> (Accessed: 27 March 2019). (In Russ.).
- ‘Британский политик в Крыму: Западные СМИ искажают факты’. [‘The British politician in Crimea: Western mass media distort the facts’ [Britanskii politik v Krymu: Zapadnye SMI iskazhayut fakty]. Available at: https://life.ru/t/крым/987256/britanskii_politik_v_krymu_zapadnye_smi_iskazhaiut_fakty (Accessed: 29 March 2019). (In Russ.).
- ‘В Совфеде заявили, что Евросоюз санкциями “расстреливает себе ноги”’. [‘In the Federation Council they stated that the European Union “shoots down its own legs” by sanctions’ [V Sovfede zayavili, chto Evrosoyuz sanktsiyami “rasstrelivaet sebe nogi”]. Available at: https://life.ru/t/санкции/1200942/v_sovfede_zaiavili_chto_ievrosoiuz_sanktsiyami_rasstrelivaet_siebie_noghi (Accessed: 29 March 2019). (In Russ.).
- ‘Владимир Путин выиграл выборы и, как и в 2012 году, сразу пошел на Манежную площадь’. [‘Vladimir Putin won the election and, as in 2012, immediately went to Manezh Square’ [Vladimir Putin vyigral vybory i, kak i v 2012 godu, srazu poshel na Manezhnuyu ploschad’]. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/03/19/vladimir-putin-vyigral-vybory-i-kak-i-v-2012-godu-srazu-poshel-na-manezhnuyu-ploschad> (Accessed: 27 March 2019). (In Russ.).
- ‘Во Владивостоке 17,5 тысячи человек пришли на посвященный Крыму митинг’. [‘In Available at: https://life.ru/t/крым/1200601/krymskii_rieniies-sans_v_ghiermanii_otsienili_itoghi_vossoie dinieniiia_poluostrova_s_rf (Accessed: 26 March 2019). (In Russ.).
- ‘Кто вам сказал, что здесь российские законы?’. [‘Who told you there are Russian laws here?’ [Kto vam skazal, chto zdes' rossiiskie zakony?]. Available at: <https://meduza.io/feature/2019/03/18/kto-vam-skazal-chto-zdes-rossiiskie-zakony> (Accessed: 28 March 2019). (In Russ.).
- Мавлетова, А., Лебедев, Д. (2017). ‘Исследования медиа-фреймов: обзор основных методологических подходов,’ *Коммуникации. Медиа. Дизайн*, Том 2, 3, сс. 79–102. [Mavletova, A., Lebedev, D. (2017) ‘Studying the media frames: review of the main methodological approaches’ [Issledovaniya media-freimov: obzor osnovnykh metodologicheskikh podkhodov, Communications. Media. Design, vol. 2, 3, pp. 79–102]. (In Russ.).
- Малькова, В. К. (2017). ‘Крым в российских СМИ: три года спустя’, *Вестник Российской нации*. 4(56), сс. 50–65. [Mal’kova, V.K. (2017) ‘Crimea in the Russian media: three years after’ [Krym v rossiiskikh SMI: tri goda spustya, *Bulletin of Russian Nation*, 4(56), pp. 50–65]. (In Russ.).
- ‘На фестивале к годовщине присоединения Крыма обнаружили платную массовку’. [‘At the festival for the anniversary of the annexation of the Crimea a paid extras discovered’ [Na festivale k godovshchine prisoedineniya Kryma obnaruzhili platnuyu massovku]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2017/58cd73f89a79477e0a94fb34> (Accessed: 27

- Vladivostok, 17,500 people came to the rally dedicated to Crimea' [Vo Vladivostoke 17,5 tysyachi chelovek prishli na posvyashchennyi Krymu miting]. Available at: <https://lenta.ru/news/2017/03/18/vladik/> (Accessed: 27 March 2019). (In Russ.).
- Возмитель, Н. Ю. (2017) 'Особенности освещения событий в Крыму российскими и украинскими СМИ' в 'Причерноморье в истории и современном развитии российского государства: опыт интеграции'. Краснодар: Кубанский гос. университет, сс. 359–364. [Vozmitel', N.Yu. (2017) 'Features of the Russian and Ukrainian mass media coverage of events in Crimea' [Osobennosti osveshcheniya sobytii v Krymu rossiiskimi i ukrainskimi SMI] in: Black Sea coast in the history and modern development of the Russian state: integration experience [Prichernomor'e v istorii i sovremenном razvitii rossiiskogo gosudarstva: opyt integratsii]. Krasnodar: Kuban State University Publ., pp. 359–364. (In Russ.).
- 'Восемь россиян включили в список санкций ЕС из-за инцидента в Керченском проливе'. ['Eight Russians included in the EU sanctions list because of the incident in the Kerch Strait' [Vosem' rossiyan vklyuchili v spisok sanktsii ES iz-za intsidenta v Kerchenskom prolive]. Available at: https://life.ru/t/санкции/1200769/vosiem_rossiyan_vklyuchili_v_spisok_sanktsii_ies_iz-za_intsidenta_v_kierchienskom_prolive (Accessed: 27 March 2019). (In Russ.).
- 'Все мы чувствуем такую гордость за нашего президента, которой завидуют в других странах'. ['We all feel so proud of our president, what is envied in other countries' [Vse my chuvstvuem takuyu gordost' za nashego prezidenta, kotoroi zaviduyut v drugikh stranakh]. Available at: <https://meduza.io/feature/2017/03/17/vse-my-chuvstvuem-takuyu-gordost-za-nashego-prezidenta-kotoroy-zaviduyut-v-drugih-stranah> (Accessed: 29 March 2019). (In Russ.).
- Гарбузняк, А. Ю. (2016). Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты. Дисс. канд. филол. наук. Москва [Garbuznyak, A.Yu. (2016) 'Interpretation of the realities of the country's political life on the agenda of the all-Russian press: technological aspects' [Interpretatsiya March 2019). (In Russ.).
- Поклонская: Присоединение Крыма произошло благодаря нашей вере'. ['Poklonskaya: The annexation of the Crimea happened due to our faith' [Poklonskaya: Prisoedinenie Kryma proizoshlo blagodarya nashei vere]. Available at: https://life.ru/t/крым/986795/poklonskaia_p_risoiedinie-niie_kryma_proizoshlo_blaghodaria_nashiei_vierie (Accessed: 26 March 2019). (In Russ.).
- Порошенко пообещал после выборов вернуть Крым «без договоренностей». ['Poroshenko promised after the election to return the Crimea "without an agreement"' [Poroshenko poobeshchal posle vyborov vernut' Krym "bez dogovorennosti"]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2019/5c8ee1eb9a794797977522d5> (Accessed: 28 March 2019). (In Russ.).
- Три года назад Россия объявила, что Янукович просил ввести войска на Украину. Теперь Кремль это отрицает. ['Three years ago, Russia announced that Yanukovich had asked for troops to enter Ukraine. Now the Kremlin denies this' [Tri goda nazad Rossiya ob'yavila, chto Yanukovich prosil vvesti voiska na Ukrainu. Teper' Kreml' eto otrit-saet]. Available at: <https://meduza.io/feature/2017/03/16/tri-goda-nazad-rossiya-ob-yavila-cto-yanukovich-prosil-vvesti-voyska-na-ukrainu-a-teper-otritsaet-eto> (Accessed: 28 March 2019). (In Russ.).
- 'ФАС проверит повышение тарифов на интернет в Крыму'. ['FAS will check the increase in Internet tariffs in Crimea' [FAS proverit povyshenie tarifov na internet v Krymu]. Available at: <https://meduza.io/news/2019/03/15/fas-proverit-povyshenie-tarifov-na-internet-v-krymu> (Accessed: 27 March 2019). (In Russ.).
- 'Федеральные СМИ: 2017'. ['Federal mass media: 2017' [Federal'nye SMI: 2017]. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5766/> (Accessed: 29 March 2019). (In Russ.).
- 'Федеральные СМИ: 2018'. ['Federal mass media: 2018' [Federal'nye SMI: 2018]. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/64>

- realii politicheskoi zhizni strany v povestke dnya obshcherossiiskoi pressy: tekhnologicheskie aspekty. Cand. Diss. (Philol.). Moscow]. (In Russ.).
- ‘Главы Китая, Кубы и Белоруссии поздравили Путина с победой на выборах’ [‘The leaders of China, Cuba and Belarus congratulated Putin on his victory in the elections’. [Glavy Kitaya, Kuby i Belorussii pozdravili Putina s pobedoi na vyborah]. Available at: <https://meduza.io/news/2018/03/19/glavy-kitaya-kuby-i-venesuely-pozdravili-putina-s-pobedoy-na-vyborah> (Accessed: 29 March 2019). (In Russ.).
- ‘9 вопросов про 5 лет: что Крым получил от присоединения к России’ [‘9 questions about 5 years: what Crimea got from joining Russia’. [9 voprosov pro 5 let: chto Krym poluchil ot prisoedineniya k Rossii]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8a64619a79470b9dafbee0> (Accessed: 28 March 2019). (In Russ.).
- Инь Жуюй, Ху Цзянь (2018). ‘Установление повестки дня газетой «Moscow Times» в контексте внешней политики России (на примере освещения военной операции России в Сирии),’ *Власть*, 4, сс. 143–147. [Yin Ruyu, Hu Jiang (2018) ‘Establishment of the agenda of the Moscow Times newspaper in the context of Russia’s foreign policy (a case study of covering the Russia’s military operation in Syria)’ [Ustanovlenie povestki dnya gazetoi «Moscow Times» v kontekste vneshnei politiki Rossii (na primere osveshcheniya voennoi operatsii Rossii v Sirii)], *Vlast*, 4, pp.143–147]. (In Russ.).
- Казаков, А. А. (2015). ‘Теория установления повестки дня vs. фрейминг: к вопросу о соотношении подходов,’ *Полития*, 1(76), сс. 103–113. [Kazakov, A.A. (2015) ‘Theory of agenda setting vs. framing: how these approaches relate to each other’ [Teoriya ustanovleniya povestki dnya vs. freiming: k voprosu o sootnoshenii podkhodov], *Politeia*, 1(76), pp. 103–113]. (In Russ.).
- Казун, А. Д. (2018). ‘«Осветить нельзя игнорировать»: Алексей Навальный в российских СМИ,’ *Полития*, 1(88), сс. 47–64. [Kazun, A.D. (2018) “‘Cover or ignore?”: Alexei Navalny in Russian media’ [“Osvetit’ nel’zya ignorirovat”: Aleksei Naval’nyi v rossiiskikh SMI], *Politeia*, 1(88), pp. 47–64]. (In Russ.).
- Калугина, Е. Г. (2017). ‘Интернет-СМИ как 54/ (Accessed: 29 March 2019). (In Russ.).
- ‘Федеральные телеканалы стали реже упоминать Крым и Донбасс’. [‘Federal TV channels are less likely to mention the Crimea and the Donbass’ [Federal’nye telekanaly stali rezhe upominat’ Krym i Donbass]. Available at: <https://obzor.press/russian/73174> (Accessed: 28 March 2019). (In Russ.).]
- Baccini, L., Sudulich, L., Wall, M. (2016) ‘Internet Effects in Times of Political Crisis: Online News gathering and Attitudes toward the European Union’, *Public Opinion Quarterly*, 80(2), pp. 411–436.
- Barabas, J. (2016) ‘Democracy’s Denominator: Re-assessing Responsiveness with Public Opinion on the National Policy Agenda’, *Public Opinion Quarterly*, 80(2), pp. 437–459.
- Ceron, A. (2015) ‘Internet, News, and Political Trust: The Difference Between Social Media and Online Media Outlets’, *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 20, 5, pp.487–503.
- Davies, S.R., Hara, N. (2018) ‘Public Science in a Wired World: How Online Media Are Shaping Science Communication’, *Science Communication*, vol. 39, 5, pp. 563–568.
- Golovchenko, Y., Hartmann, M., Adler-Nissen, R. (2018) ‘State, Media and Civil Society in the Information Warfare over Ukraine: Citizen Curators of Digital Disinformation’, *International Affairs*, vol. 94, 5, pp. 975–994.
- Johann, D., Kleinen-von Königslöw, K., Kritzinger, S., Thomas, K. (2018) ‘Intra-Campaign Changes in Voting Preferences: The Impact of Media and Party Communication’, *Political Communication*, vol. 35, 2, pp. 261–286.
- Lees-Marshment, J. (2016) ‘Deliberative Political Leaders: The Role of Policy Input in Political Leadership’, *Politics and Governance*, vol. 4, 2, pp. 25–35.
- Marquart, F., Goldberg, A.C., van Elsas, E.J., Brosius, A., de Vreese, C.H. (2018) ‘Knowing is not Loving: Media Effects on Knowledge about and Attitudes toward the EU’, *Journal of European Integration*, 14 November, pp. 1–15.
- Nagy, Zs. (2017) ‘Repertoires of Contention and New Media: The case of a Hungarian Anti-Billboard Campaign’, *Intersections*, 2(4), pp. 109–133.
- Nulty, P., Theocharis, Y., Popa, S.A., Parnet, O., Benoit, K. (2016) ‘Social Media and Political Communication in the 2014 Elections to the European Parliament’, *Electoral Studies*, 44, pp. 429–444.
- Perez, C.R. (2017) ‘News Framing and Media Legit-

- субъект политической коммуникации: ключевые характеристики,' *Вопросы теории и практики журналистики*, Том 6, 3, сс. 406–417. [Kalugina, E.G. (2017) 'Online media as a subject of political communication: key characteristics' [Internet-SMI kak sub"ekt politicheskoi kommunikatsii: klyuchevye kharakteristiki], *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, vol. 6, 3, pp. 406–417]. (In Russ.).
- ‘Канада вслед за США и ЕС расширила санкции против России’. [‘Canada, following the US and the EU, has expanded sanctions against Russia’ [Kanada vsled za SShA i ES rasshirila sanktsii protiv Rossii]. Available at: <https://meduza.io/news/2019/03/15/kanada-vsled-za-ssha-i-es-rasshirila-sanktsii-protiv-rossii> (Accessed: 27 March 2019) (In Russ.).
- Корченкова, Н., Иванов, М. (2018). ‘Прошла «весна», настало лето,’ *Коммерсантъ*, 25 июня. [Korchenkova, N., Ivanov, M. (2018) “‘Spring” has passed, summer has arrived [Proshla “vesna”, nastalo leto], *Kommer-sant*, 25 June]. (In Russ.).
- ‘Крым за три года стал в пять раз популярнее у российских туристов’. [‘For three years, Crimea has become five times more popular with Russian tourists’ [Krym za tri goda stal v pyat’ raz populyarnee u rossiiskikh turistov]. Available at: https://lenta.ru/news/2017/03/16/fly_to_cri-mea/ (Accessed: 27 March 2019). (In Russ.).
- ‘Крымский ренессанс. В Германии оценили итоги воссоединения полуострова с РФ’. [‘Crimean renaissance. In Germany, the results of the reunification of the semi-island with the Russian Federation were evaluated’ [Krymskii renessans. V Germanii otsenili itogi vossoedineniya poluostrova s RF].
- imacy: An Exploratory Study of the Media Coverage of the Refugee Crisis in the European Union’, *Communication & Society*, vol. 30, 3, pp. 169–184.
- Salgado, S. (2018) ‘Online Media Impact on Politics. Views on Post-truth Politics and Post-postmodernism’, *International Journal of Media & Cultural Politics*, vol. 14, 3, pp. 317–331.
- Schuck, A.R.T., Vliegenthart, R., De Vreese, C.H. (2016) ‘Matching Theory and Data: Why Combining Media Content With Survey Data Matters’, *British Journal of Political Science*, vol. 46, 1, pp. 205–213.
- Smets, K. Bozdağ, Ç. (2018) ‘Editorial introduction. Representations of Immigrants and Refugees: News Coverage, Public Opinion and Media Literacy’, *Communications*, vol. 43, 3, pp. 293–299.
- Spaizer, V., Chadeaux, T., Donnay, K., Russmann, F., Helbing, D. (2017) ‘Communication power struggles on social media: A case study of the 2011–12 Russian protests’, *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 14, 2, pp. 132–153.
- Taylor, J.B. (2017) ‘The Educative Effects of Extreme Television Media’, *American Politics Research*, 45(1), pp. 3–32.
- Tomaskova, E. (2017) ‘Influence of Hashtag on Formation of New Phraseological Units in Political Journalism of Online Media’, *Caracteres. Estudios culturales y críticos de la esfera digital*, vol. 6, 2, pp. 245–258.
- Yetkinel, O., Colak, M. (2017) ‘The Effects of Transformation of Public Sphere with the New Media in Academy’, *Eurasia Journal of Mathematics Science and Technology Education*, 13(8), pp. 5009–5018.

Информация об авторах

Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар). E-mail: baranovandrew@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7109-3062. ResearcherID: 237696).

Васюк Сергей Владимирович – аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар). E-mail: nju-vasjuki@mail.ru (ResearcherID: 952307).

Статья принята к печати: 30.04.2019

**POLITICAL TECHNOLOGIES FOR SETTING THE MEDIA AGENDA AND FRAMING
IN THE INTERNET MEDIA (A CASE STUDY OF THE REUNION OF CRIMEA WITH RUSSIA)**

A. V. Baranov

Kuban State University

S. V. Vasyuk

Kuban State University

Abstract

In the information society, the relevance of managing public opinion through the Internet media is growing. The article deals with the use of political technologies for setting the agenda and framing in the Russian Internet media during the reunification of Crimea with Russia. For this purpose, we analyzed the materials of the leading Russian-language Internet media concerning the reunification and published in 2017 – early 2019. On the basis of quantitative indicators, the main topics that dominate the media agenda were identified. If online media assess the reunification of Crimea with the Russian Federation in a mainly positive way, then they cover in more detail such topics as the support for the country's foreign policy position by foreign politicians, as well as the visits of foreign delegations to Crimea; Russia's response to international policy challenges related to reunification; holiday and cultural events; events of February – March 2014. The negative interpretation of the integration of Crimea determines the dominance of news stories on sanctions and criticism of Russian policy by representatives of foreign countries. The research findings suggest that there takes place fragmentation in the political segment of the online media audience. Russian online media use differing frames when covering the reunification of Crimea with Russia. These differences are due to the orientation of online media to different segments of the fragmented audience. The paper substantiates that the technologies for setting the media agenda and framing are applied systematically, which allows online media to more effectively influence public opinion.

Keywords: political technologies; public opinion; Internet media; reunification of Crimea with Russia; media agenda; framing.

УДК-323:328(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-57-69

ЖЕНЩИНЫ-ДЕПУТАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ОПЫТ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ БИОГРАФИЙ

Наталья Козлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Юлия Монахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают представительство женщин в легислатурах субъектов федерации Приволжского федерального округа с позиций биографического подхода: анализируется ряд факторов, определяющих политическую карьеру женщин-депутатов, их возраст, образование, профессиональный и семейный статусы, источники и ресурсы политического опыта, партийная принадлежность, статус и соответственно функционал в структурных подразделениях представительных органов. Авторы выделяют степень влияния данных факторов на выстраивание траекторий политических биографий женщин-депутатов, выявляют модели включения их в политику. Авторы отмечают значительную роль партий в политическом росте женщин, что обеспечивает им продвижение в региональные парламенты преимущественно по пропорциональной избирательной системе. При этом связь женщин-депутатов с женскими организациями фиксируется незначительная. Проанализированы значение ресурсов общественных организаций и сделан вывод о слабой связи женщин-депутатов с женскими организациями. Определены источники политического опыта женщин-депутатов ПФО: работа на муниципальной и государственной службе, продвижение в политической партии, депутатство в представительных органах МСУ и региональных парламентах, активизм в рамках третьего сектора. Важным фактором политических биографий женщин является также их профессиональный опыт и образовательный статус, в то время как брачно-семейный статус не оказывает существенного влияния на политическую карьеру женщин-депутатов.

По мнению авторов, основными моделями включения женщин в политику являются «модель постепенного роста», а также «политика как профессия».

Ключевые слова: региональные парламенты субъектов федерации; женщины-депутаты; гендерный подход; биографический подход; избирательные системы; гражданское общество.

Постановка проблемы и степень ее изученности в политической науке

В политологии проблема участия женщин в публичной политике рассматривается в контексте становления институтов демократии и гражданского общества. На фоне второй волны феминизма на Западе появляются публикации, посвященные исследованию политического поведения женщин. Первым эмпирическим исследованием, объектом которого явились женщины-политики, стал проект Дж. Киркпатрик. Проведя интервью с 50 успешными политическими женщинами, представляющими 26 штатов, она пришла к выводу, что их успех обусловлен способностью совместить карьеру в политической сфере с традиционными семейными ролями, а также способностью противостоять гендерным стереотипам, демонстрируя «высокое чувство долга, самоотдачи, мастерства, баланса» (Kirkpatrick, 1974: 6). Ранние работы в области изучения женщин в политике также были направлены на исследование роли общественных организаций, в том числе женских/феминистских, партийных организаций в продвижении женщин на государственные посты (Diamond, 1977; Freeman, 1975). Изучая женщин-депутатов, исследователи 1970–1980-х гг. выявили взаимосвязь гендерной асимметрии и

особенностей социализации женщин. Исследователи отмечали в качестве сдерживающих политическую активность женщин факторов гендерные стереотипы самих женщин, которые считали политику неприемлемой для них сферой занятости (Lee, 1976). Они установили, что рост образованности, занятость на работе способствуют вовлеченности женщин в политическую жизнь (Sapiro, 1983), наличие детей отрицательно влияет на политическую активность (Jennings, Niemi, 1981). В середине 1980-х гг. вектор в исследовании женщин в политике сменился – акцент был сделан на анализ функционирования политической, преимущественно избирательной системы. Исследователи пришли к выводу, что успех женщин на выборах в легислатуры в большей мере обеспечивает мажоритарная многомандатная и пропорциональная системы (Carroll, 1985; Rule, 1990). В последнем случае квотирование в партийных списках значительно увеличивает количество женщин в органах законодательной власти (Kolinsky, 1991). С институционализацией гендерных исследований категория «гендер» стала активно применяться для анализа политического политических процессов и структур (Gordon, 1990; Carroll et al., 1991). В ряде работ исследователи уделяют внимание карьере женщин в рамках изучения соотношения публичной и приватной сфер (Carroll, 1989; Thomas, 2002). В настоящий момент на Западе накоплен значительный исследовательский материал и проработаны различные методологические подходы к анализу проблемы включения женщин в политику.

В общероссийских и региональных исследованиях представительство женщин в органах государственной власти анализируется через призму нескольких подходов: в рамках теорий политического лидерства (Константинова, 1992; Овчарова, 2012), политических элит (Гнедаш, 2006; Силласте, 1994), политического управления (Кашина, 2009; Кочкина, 1999; Швец, 2015), политической культуры (Рябова, 2008; Шведова, 2003), политических режимов (Козлова, 2018), политической модернизации (Айвазова, 2018), гендерной политики (Воронина, 2013; Успенская, 2012) и т. д. Исследования представленности женщин в органах государственной власти субъектов федерации, в том числе, в легислатурах Приволжского федерального округа (далее – ПФО), являются эпизодическими и несистемными. Отчасти, это связано с тем, что в политической науке высказывается артикулированное мнение о ключевой роли в политической системе страны политико-административных элит (Полякова, 2009; 5). С нашей точки зрения, анализ представительства женщин в органах законодательной власти, представляется важным, поскольку он связан с электоральными ожиданиями граждан, отражает глубинные пласты их политической психологии, восприятие женщин-региональных политиков локальным сообществом. Модели прихода женщин в политику, стили их политической деятельности и детерминанты социально-политических приоритетов исследуются в работах Н.Ю. Лапиной, А.Е. Чириковой, А.Ф. Татарченко, Н.Н. Козловой, О.Г. Овчаровой, С.В. Рассадина, объектом анализа которых явились органы государственной власти Пермского края, Саратовской и Нижегородской областей (Лапина, 1998; Чирикова, 2010; Татарченко, 2007; Козлова и др., 2018; Овчарова, 2010). В трудах А.Н. Ершова, О.С. Ивлевой, Л.Н. Попковой рассматриваются институциональные и неинституциональные барьеры, с которыми сталкиваются женщины-политики Самарской области и Республики Татарстан (Ершов и др. 2009; Попкова, 2003).

В данной статье авторы рассматривают представительство женщин в легислатурах субъектов федерации Приволжского федерального округа с позиций биографического подхода: анализируется ряд факторов, определяющих политическую карьеру женщин-депутатов, их возраст, образование, профессиональный и семейный статусы, источники и ресурсы политического опыта, партийная принадлежность, статус и соответственно функционал в структурных подразделениях представительных органов.

Источником информации выступили сайты законодательных органов субъектов федерации, а также специализированные сайты (Парламентский портал и др.) и материалов СМИ. Сбор материалов проводится по итогам выборов в региональные парламенты ПФО с 2012 по 2016 гг.

Представленность женщин-депутатов в парламентах субъектов федерации Приволжского федерального округа

В ПФО входят 14 субъектов федерации (6 областей, 5 республик, 1 край), парламенты которых насчитывают от 36 (Пензенская и Ульяновская области) до 110 депутатов (Республика Башкортостан). Парламенты всех входящих в состав ПФО субъектов федерации формируются по смешанной системе.

Из 822 депутатов региональных парламентов субъектов федерации ПФО, женщины составляют 119 человек, т. е. 14,5%. Процент женщин-депутатов легислатур субъектов федерации ПФО не-

значительно превышает аналогичный показатель на федеральном уровне: по результатам VII созыва в Государственной думе ФС РФ он составляет 13,7%¹.

В целом представительство женщин в парламентах регионов ПФО колеблется от 8 до 19%. Наиболее значительный процент избранных в законодательные органы субъектов федерации ПФО женщин (17–19%) фиксируется в Ульяновской, Самарской и Саратовской областях. Наименее представленным с точки зрения гендерного баланса (8%) является парламент Нижегородской области.

В приведенной ниже таблице отражены статистические данные представленности женщин-депутатов законодательных органов субъектов федерации ПФО.

Таблица 1

Количество и процент женщин-депутатов в региональных легислатурах ПФО

Субъект федерации	Количество депутатов	Количество женщин-депутатов	Процент женщин-депутатов
Республика Башкортостан	110	15	13,6%
Республика Татарстан	100	14	14%
Самарская область	50	9	18%
Нижегородская область	50	4	8%
Пермский край	60	7	11,6%
Оренбургская область	47	7	14,9%
Саратовская область	45	8	17,8%
Удмуртская Республика	90	14	15,6%
Пензенская область	36	5	13,9%
Ульяновская область	36	7	19,4%
Кировская область	54	9	16,6%
Чувашская Республика	44	5	11,4%
Республика Мордовия	48	7	14,6%
Республика Марий Эл	52	8	15,4%
	822	119	14,47%

Для сравнения приведем статистику из других регионов. Самый низкий показатель представленности женщин в парламентах субъектов федерации отмечается в Республиках Дагестан (2,2%), Чечня (2,4%), а также в Костромской области (2,7%). В двух последних регионах в депутатский корпус органа законодательной власти субъекта федерации было избрано по 1 женщине. Максимальный процент женщин-депутатов представительных органов регионов регистрируется в Чукотском автономном округе – 46,7%. Таким образом, показатели представленности женщин в региональных парламентах ПФО находятся в «золотой середине».

Роль партий в политических биографиях женщин-депутатов ПФО

Влияние партий на продвижение женщин в политику проявляется, прежде всего, в том, что как избирательные объединения партии включают женщин в предвыборные списки кандидатов в депутаты для участия в выборах. Поэтому проанализируем количество и процент женщин-депутатов, которые получили место в парламенте субъекта федерации ПФО благодаря региональной партийной машине.

В рамках дискуссии о гендерной чувствительности избирательных систем были артикулированы две противоположные точки зрения: представители первой позиции полагают, что больше шансов для избрания предоставляет женщинам мажоритарная система (Андреевская, 2000); представители второй позиции считают, что преимущества дает пропорциональная система (Овчарова, 2008). Наши исследования Законодательных собраний регионов Центрального, Северо-Западного, Северо-Кавказского, Южного, Дальневосточного федеральных округов, показали, что в большинстве случаев

¹ Состав Государственной думы седьмого созыва. [Sostav Gosudarstvennoy Dumy sed'mogo sozyva. [The composition of the State Duma of the seventh convocation]. Available at: URL: <http://www.duma.gov.ru/structure/deputies/> (accessed: 14.10.2016).

женщины обретают депутатский статус благодаря включению их общерегиональные партийные списки (Козлова, 2017). Аналогичную закономерность мы обнаруживаем, анализируя депутатский корпус регионов ПФО: по мажоритарной системе было избрано 33 (27,7%) женщин, по пропорциональной – 86 (72,3%) депутатов.

Ниже на рисунке приведены данные, отражающие количество женщин-депутатов, избранных в региональные парламенты ПФО по мажоритарной и пропорциональной системам.

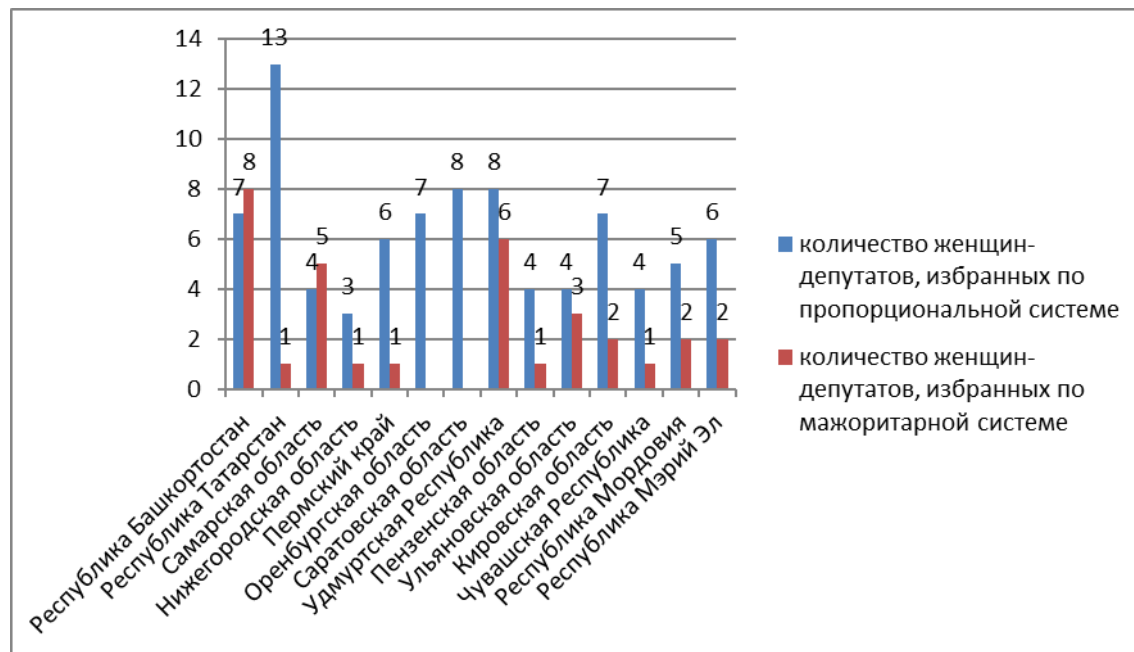

Рис. 1. Количество женщин-депутатов, избранных в органы законодательной власти субъектов федерации ПФО по мажоритарной и пропорциональной системам

Как видим из рисунка 1, в Оренбургской и Саратовской областях по мажоритарной системе не было избрано ни одной женщины в депутатский корпус региональных парламентов. В то же время в двух субъектах федерации ПФО фиксируется незначительный перевес женщин, избранных по мажоритарной системе: в Республике Башкортостан из 15 депутатов – 8 женщин, а в Самарской области из 9 депутатов – 5 женщин были избраны по мажоритарной системе. Таким образом, на материалах ПФО можно сделать вывод, что мажоритарная система не препятствует избранию женщин-депутатов в региональные парламенты, но она является менее эффективной по сравнению с пропорциональной в продвижении женщин в органы законодательной власти субъектов федерации. Дальнейший анализ показывает, что избранные по мажоритарной системе женщины-депутаты были выдвинуты региональными отделениями партий. В целом принадлежность женщин-депутатов законодательных органов субъектов федерации ПФО к различным политическим силам фиксируется следующая: от «Единой России» было избрано 102 женщины (85,7%), от ЛДПР – 10 женщин-депутатов (8,4%), от Справедливой России и КПРФ в состав региональных парламентов вошли по 3 женщины (0,25), от партии Зеленых – 1 женщина (0,08).

Таблица 2

Партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов ПФО

Субъект федерации	Единая Россия	КПРФ	Справедливая Россия	ЛДПР	Зеленые
Республика Башкортостан	14	–	–	–	1
Республика Татарстан	14	–	–	–	–
Самарская область	8	–	–	1	–
Нижегородская область	3	–	1	–	–
Пермский край	5	–	1	1	–
Оренбургская область	3	1	–	3	–
Саратовская область	7	–	1	–	–
Удмуртская Республика	14	–	–	–	–
Пензенская область	5	–	–	–	–
Ульяновская область	7	–	–	–	–
Кировская область	4	1	–	4	–
Чувашская Республика	4	–	–	1	–
Республика Мордовия	6	1	–	–	–
Республика Марий Эл	8	–	–	–	–
	102	3	3	10	1

Сравнивая вышеприведенные данные с аналогичными показателями других федеральных округов, важно отметить общую тенденцию – большое количество женщин-депутатов от партии власти, а также исключение – значительное количество женщин-депутатов от ЛДПР. На наш взгляд, первое обстоятельство отражает главенствующую роль Единой России в отечественной партийной системе, тогда как второе обстоятельство свидетельствует о политических предпочтениях электората ПФО, прежде всего, Кировской и Оренбургской областей, в которых депутаток от ЛДПР насчитывается почти половина от женской части депутатского корпуса.

Продвижение женщин политическими партиями в региональные парламенты во многом обусловлено их ролью в отделениях соответствующих политических объединений. Так, 25 (21%) женщин включены в состав региональных политсоветов и их президиумов, являются руководителями региональных/местных отделений партий, возглавляют региональные приемные руководителей партии. Высокий статус в региональной партийной машине обеспечивает женщинам-депутатам доступ к руководству подразделениями (фракциями и комитетами) парламента субъектов федерации. Численность женщин-руководителей фракций в легислатурах депутатского корпуса ПФО весьма незначительна: партийные фракции возглавляют 3 (2,5%) женщины, заместителями главы фракции являются 2 (1,6%) женщины. Причем, несмотря на значительное представительство женщин-депутатов от «Единой России», всего лишь 1 женщина возглавляет одноименную фракцию (в Законодательном собрании Нижегородской области); остальные являются соответственно лидерами однопартийцев ЛДПР (Законодательное собрание Оренбургской области) и «Справедливой России» (Саратовская областная дума).

Среди председателей региональных парламентов женщины отсутствуют, 10 (8,4%) женщин занимают пост заместителями председателя органа законодательной власти субъекта федерации, 28 (23,5%) женщин являются председателями профильных комитетов, 21 (17,6%) – заместителями председателей комитетов. Как правило, женщины-депутаты на ответственном посту в региональных парламентах получают свое место на постоянной основе. В законодательных органах субъектов федерации ПФО их насчитывается 36 человек, т. е. 30,6% от состава избранных женщин. Важно отметить, что количество женщин-депутатов, занимающих руководящие позиции в региональных парламентах, не коррелирует с общей численностью женщин-депутатов. В частности, в Законодательном собрании Нижегородской области из 4 избранных женщин трое депутатки имеют большой политический вес как руководители его структурных подразделений. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что свои политические карьеры женщины выстраивают вне поля женской солидарности, опираясь, в ос-

новном на другие ресурсы. О них речь пойдет ниже.

Карьерные траектории политических биографий женщин-депутатов органов законодательной власти ПФО

Выделение моделей вовлечения женщин в представительский корпус субъектов федерации требует анализа их политического опыта. Исследователи выявили несколько методов вхождения женщин в политическую жизнь: «политика как следствие женской биографии», «модель постепенного роста», «политика как продолжение профессиональной карьеры», «модель парашютирования», «политика как профессия», «модель наследования» и др. (Темкина, 1996; Чирикова, 2010).

Итак, 22 (18,5%) женщины продвигались в органы законодательной власти региона с «корней травы» – с уровня местного самоуправления (далее – МСУ). Школу государственной и муниципальной службы до избрания в парламенты субъектов федерации прошли 14 (11,8%) женщин. Причем женщины-депутаты работали на руководящих должностях, занимая посты министров, глав региональных департаментов и отделов. Две (1,6%) женщины-депутаты являлись накануне избрания членами парламента РФ – соответственно Совета Федерации ФС РФ и Государственной думы ФС РФ. В политической карьере пяти женщин-депутатов большое значение оказало их место помощника депутата парламента РФ.

Источником политического опыта 31 (26%) женщины-депутата выступают также общественные организации различного профиля деятельности. Анализ биографий женщин-депутатов дает возможность сделать вывод, что наиболее эффективным политическим ресурсом в продвижении женщин в законодательную власть регионы являются движение «Общенародный фронт», благотворительные фонды, волонтерские организации, Общественные палаты, экспертные и общественные советы при органах исполнительной и законодательной власти. Помимо этого женщины активно участвуют в работе крупных землячеств (например, региональное отделение национально-культурной автономии татар Республики Башкирия), молодежных организациях (например, Молодежная палата при Государственном собрании Республики Мордовия), в общественных организациях, связанных с местным самоуправлением (например, «Всероссийский совет местного самоуправления» Нижегородской области) и т. д. Фиксируются единичные случаи, когда женщины-депутаты являются руководителями и членами одновременно нескольких НКО. С сожалением следует отметить, что крайне слабо выражена связь народных избранниц с женскими организациями – всего лишь 10 (8,4%) являются их членами. В то же время анализ показывает активные контакты женщин-депутатов с Русской православной церковью¹.

Важным фактором политических карьер женщин-депутатов является также и сам факт их избрания в органы законодательной власти. Будучи единожды избранными, они стремятся проявить себя на депутатском поприще и вновь оказаться в кресле регионального парламента. Среди женщин-депутатов парламентов ПФО 2 раза были избраны 27 (22,7%), более двух раз – 17 (14,3%). Наибольшее количество старожилов от политики фиксируется в Государственном Совете Удмуртской Республики: из 14 женщин 7 были избраны более 2 раз. Некоторые женщины-депутаты избирались 4-5 раз: Е.И. Бадаева (Чувашская республика), Е.Н. Николаева (Чувашская Республика, С.Э. Широкобокова (Удмуртская Республика). Фактор многократного избрания, как мы далее увидим, оказывает существенное влияние на показатели среднего возраста женщин-депутатов, усиливая геронтократические тенденции в развитии регионального парламентаризма.

Для того чтобы понять, является ли для женщин политика призванием или профессией, проанализируем их профессиональный и образовательный статусы. На приведенном ниже рисунке показано, какие рабочие места занимали женщины-депутаты накануне избрания.

¹ Сидухина Марина Геннадьевна. Available at: URL: http://samgd.ru/deputies_list/x6865/about/ (accessed: 14.01.2019).

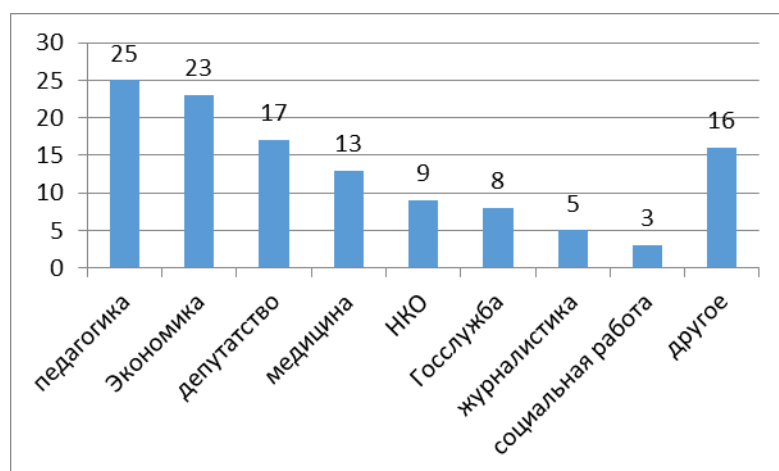

Рис. 2. Место работы женщин-депутатов региональных парламентов ПФО до избрания

Как видим, первое место занимают женщины-депутаты, связанные с педагогической деятельностью в сфере среднего и высшего образования – 25 (21%); немного меньше женщин были заняты работой в области экономики – 23 (19,3%). На третьем месте располагаются женщины-депутаты, которые до избрания уже работали в органах законодательной власти региона на постоянной основе – 17 человек (14,9%); 13 (10,9%) женщин занимали ответственные посты в системе медицинской службы, 9 (7,6%) и 8 (6,7%) соответственно работали в третьем секторе и на государственной/муниципальной службе. Незначительное число женщин-депутатов посвятили свою жизнь другому кругу интересов. Таким образом, для $\frac{1}{4}$ женского сегмента депутатского корпуса политика является исключительно профессиональным делом.

Профессиональная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов ПФО в целом соответствует их образовательному профилю. Абсолютное большинство народных избранниц (118 женщин или 99,1%) имеют высшее образование, причем в основном гуманитарной направленности. Ниже на рисунке отражены данные о профильности образования депутаток.

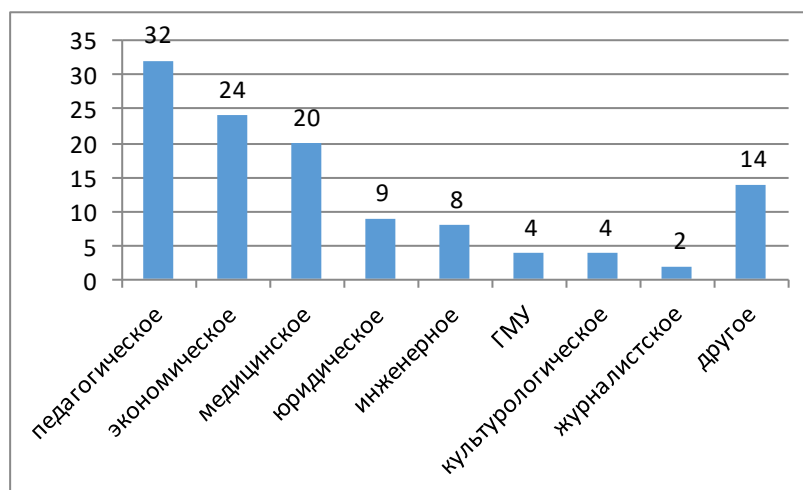

Рис. 3. Образование женщин-депутатов парламентов субъектов федерации ПФО

Из таблицы 2 следует, что на первом месте находятся женщины-депутаты с педагогическим образованием – 32 (26,9%); на втором – женщины, получившие экономическое образование – 24 (20,1%), на третьем – медицинское – 20 (16,8%). В сведениях о своей биографии женщины-депутаты также указывают, что получили второе и третье высшее образования, в основном по специальностям, связанных с экономикой, юриспруденцией, государственным и муниципальным управлением. Степени кандидатов и докторов наук добились соответственно 18 (15,1%) и 8 (6,7%) женщин.

Личное – это политическое

Согласно гендерным стереотипам патриархальной культуры женщин не принято спрашивать о возрасте. Тем не менее для изучения этапов карьерного роста в политической сфере необходимо выявить значение возрастного фактора. Исследователи отмечают, что в условиях отечественной гендерной системы с ее «двойной нагрузкой» для женщин (оплачиваемая трудовая деятельность и неоплачиваемая домашняя работа) женщины начинают заниматься политикой позже, чем мужчины (Константинова, 1992). Средний возраст женщин-депутатов органов законодательной власти субъектов федерации ПФО на момент избрания составил 50,2 года. Минимальные и максимальные значения данного показателя по конкретным регионам ПФО разнятся от 43,4 года (Саратовская область) до 55,5 года.

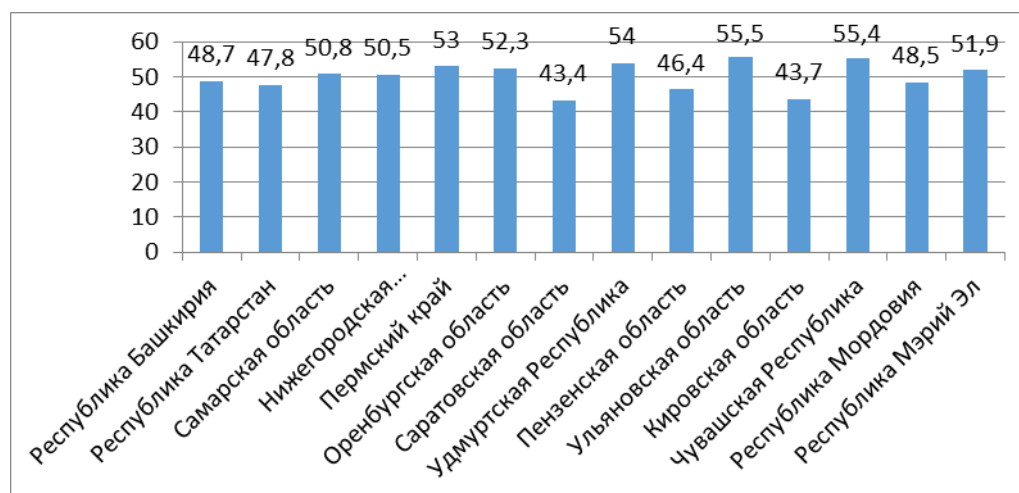

Рис. 4. Возраст женщин-депутатов региональных legislatures ПФО

При этом в состав депутатского корпуса региональных legislatures ПФО входят как женщины в возрасте до 30 лет, так и женщины пенсионного возраста. Распределение женщин-депутатов органов законодательной власти субъектов федерации ПФО по возрастным группам дает следующую картину: в возрасте от 20 до 29 лет – 4 (3%); от 30 до 39 – 17 (14,3%); от 40 до 49 – 28 (23,5%); от 50 до 59 – 52 (43,7%), от 60 до 69 – 15 (12,6%), от 70 до 79 – 3 (2,5%). Таким образом, очевидно, что самая значительная часть женского сегмента депутатского корпуса находится в возрастной категории от 50 до 59 лет. К данному этапу жизненного пути женщины, как правило, уже в меньшей степени заняты выполнением материнских обязанностей; в интервью журналистам они с удовольствием рассказывают об успешной судьбе своих детей и внуков¹.

О своем семейном статусе информацию предоставили 76 (63,9%) женщин, из которых 68 (57,1%) состояли в браке, 4 (33,6%) являлись вдовами, 3 (2,5%) были не замужем (все женщины-депутаты в возрасте до 30 лет), а 1 (0,8%) женщина указала, что находится в разводе. При этом 72 (60,5%) воспитывают детей: 28 (23,5%) женщин – 1 ребенка, 35 (29,4%) и 5 (4,2%) женщин – соответственно двух и трех детей. Таким образом, на стандартный вопрос журналистов женщинам-депутатам о том, как им удастся совмещать политику и семью, отвечали, что успешно. Важно еще отметить связь женщин-депутатов с родным краем: большинство (83 или 69,7% женщин) родилось в том субъекте федерации, в законодательный орган которого они были избраны. Вне региона родились 23 (19,3%) женщин, а о месте рождения 10 (8,4%) избранниц нет информации в открытом доступе.

¹ Римма Утяшева: Служить людям, а не лицам [Rimma Utyasheva: Sluzhit' lyudyam, a ne litsam [Rimma Utyasheva: To serve people, not people]. Available at: URL: <http://ufa.bezformata.ru/listnews/rimma-utyasheva-sluzhit-lyudyam/421540/> (accessed: 24.01.2019).

Выводы

Женский сегмент депутатского корпуса региональных парламентов ПФО составил 14,5%: 119 смогли выстроить свою политическую карьеру таким образом, что оказались народными избранниками. Среди факторов, определяющих их политические биографии, мы отметим значительную роль партий. Занятие лидирующих позиций в региональных отделениях партий обеспечило женщинам продвижение по пропорциональной избирательной системе – 86 (72,3%). В целом, в ПФО наблюдается два варианта избрания женщин в региональные легислатуры: в большинстве регионов женщины-депутаты избираются по пропорциональной системе; в незначительном числе регионов фиксируется относительное равновесие в распределении мандатов между женщинами, избранными по пропорциональной и мажоритарной системам. Как показал анализ материалов ПФО, преимуществ для женщин мажоритарная система не создает. Однако преференции возникают у женщин, активно участвующих в деятельности «Единой России», от которой в региональные парламенты ПФО было избрано 102 женщины (85,7%).

По результатам исследования, было выявлено, что важным фактором в конструировании политических биографий женщин-депутатов явились и непартийные общественные организации – различного рода некоммерческие структуры, выражающие интересы гражданского общества. При этом связь с женскими организациями фиксируется незначительная. Таким образом, свои политические биографии женщины конструируют, практически не опираясь на ресурсы женских НКО, не артикулируя «женский вопрос», предпочитая задействовать альтернативные ресурсы. Вывод о том, что женщины не помогают женщинам избираться, подтверждается и тем, что численность женщин, занимающих руководящие посты в региональной легислатуре, не зависит от общего количества женщин в парламенте. Ни на одном этапе своей политической карьеры (ни до избрания в органы законодательной власти субъекта федерации, ни после) женщины-депутаты не проявляют женской солидарности.

В целом политический «багаж» женщин-депутатов формируется из следующих источников: работа на муниципальной и государственной службе, продвижение в политической партии, депутатство в представительных органах МСУ и региональных парламентах, активизм в рамках третьего сектора.

Важным фактором политических биографий женщин является также их профессиональный опыт и образовательный статус: большинство женщин трудится на педагогическом, экономическом, медицинском поприщах, имеют соответствующее профессии высшее образование. Брачно-семейный статус не оказывает существенного влияния на политическую карьеру: наличие семьи и детей не способствует и не препятствует продвижению на политический олимп. В то же время замужество и материнство во многом определяют возраст женщин-депутатов: большинство женщин в депутатском корпусе ПФО на момент избрания находились в возрастной категории от 40 до 49 и 50 до 59 лет.

Основными выявленными нами моделями включения женщин в политику являются «модель постепенного роста», при которой женщины проходят ступени политической иерархии с «корней травы», а также «политика как профессия», при которой женщины-депутаты стремятся избираться многократно в законодательные органы государственной власти субъекта федерации и далее работать на постоянной основе.

Библиографический список

- Айвазова, С. Г. (2018) 'Гендер: Граница и / или измерение политического поля. Перечитывая классиков', *Политическая наука*, 2, сс. 34–52. [Aivazova, S. G. (2018) 'Gender: the border and / or dimension of the political field. Rereading the classics' [Gender: Granitsa i / ili izmerenie politicheskogo polya. Perechityvaya klassikov], *Political Science (RU)*, 2, pp. 34–52. (In Russ.)].
- Андреевская, А. В. (2000) 'Представительство женщин в парламентах России и Украины the regional dimension' [Zhenshchiny v rossiiskikh organakh vlasti: regional'noe izmerenie] in: *Problems of modernization of the Russian statehood: strategies, institutions, actors: collection of scientific papers* [Problemy modernizatsii rossiiskoi gosudarstvennosti: strategii, instituty, aktory: sb. nauch. tr.]. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ., pp. 253–255. (In Russ.)].
- Овчарова, О. Г. (2012) 'Характеристики российского политического лидерства: гендер-

- ны: опыт социологического анализа', *Социс*, 2000, 11, сс. 117–128. [Andreenkova, A. V. (2000) 'Representation of women in the parliaments of Russia and Ukraine: the experience of sociological analysis' [Predstavitel'stvo zhenshchin v parlamentakh Rossii i Ukrainy: opyt sotsiologicheskogo analiza], *Sociological Studies*, 11, pp. 117–128. (In Russ.)].
- Воронина, О. А. (2013) 'Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия', *Женщина в российском обществе*, 3 (68), сс. 12–20. [Voronina, O. A. (2013) 'Gender politics in modern Russia: issues and contradictions' [Politika gendernogo ravenstva v sovremennoi Rossii: problemy i protivorechiya], *Woman in Russian Society*, 3 (68), pp. 12–20. (In Russ.)].
- Гнедаш, А. А. (2006) 'Барьеры рекрутирования женщин в политико-административные элиты', *Южно-российский журнал социальных наук*, 1, сс. 76–84. [Gnedash, A. A. (2006) 'Barriers to recruiting women to political and administrative elites' [Bar'ery rekrutirovaniya zhenshchin v politiko-administrativnye elity], *South-Russian Journal of Social Sciences*, 1, pp. 76–84. (In Russ.)].
- Ершов, А. Н., Ивлева, О. С. (2009) 'Проблема гендерного равенства в социальном управлении: региональный аспект', *Регионология*, 4, сс. 148–157. [Ershov, A. N., Ivleva, O. S. (2009) 'Problem of gender equality in social management: regional aspect' [Problema gendernogo ravenstva v sotsial'nom upravlenii: regional'nyi aspekt], *Regionology*, 4, pp. 148–157. (In Russ.)].
- Кашина, М. А. (2009) 'Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды', *Женщина в российском обществе*, 2, сс. 13–31. [Kashina, M. A. (2009) 'Women in the Russian civil service: feminization and reproduction of gender pyramid' [Zhenshchiny na rossiiskoi gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe: feminizatsiya i vosproizvodstvo gendernoi piramidy], *Woman in Russian Society*, 2, pp. 13–31. (In Russ.)].
- Козлова, Н. Н. (2017) 'Представительство женщин в региональных легислатурах РФ: опыт статистического анализа' в: *Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Российский универси-*
- ное измерение' в: *Перспективы развития политической психологии: новые направления* / под ред. Е.Б. Шестопал. Москва: Изд-во МГУ им. Ломоносова, сс. 69–81. [Ovcharova, O. G. (2012) 'Characteristics of Russian political leadership: a gender dimension' [Kharakteristiki rossiiskogo politicheskogo liderstva: gendernoe izmerenie] in: Shestopal, E.B. (ed.) *Prospects for the development of political psychology: new directions* [Perspektivy razvitiya politicheskoi psikhologii: novye napravleniya]. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ., pp. 69–81. (In Russ.)].
- Полякова, Ю. С. (2009) Политические элиты Приволжского федерального округа: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 27 с. [Polyakova, Yu. S. (2009) Political elites of the Volga Federal District [Politicheskie elity Privolzhskogo federal'nogo okruga]. Cand. Diss. (Polit.). Nizhny Novgorod, 27 p. (In Russ.)].
- Попкова, Л. Н. (2003) «Миссия невыполнима»: женские стратегии политического участия' в: *Гендерные отношения в современной России: исследования 1990–х гг.*: сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара: Самарский университет, сс. 202–221. [Popkova, L. N. (2003) "Mission impossible": women's strategies for political participation' ["Missiya nevyopolnima": zhenskie strategii politicheskogo uchastiya] in: Popkova, L. N., Tartakovskaya, I.N. (eds.) *Gender relations in modern Russia: studies of the 1990s: collection of scientific papers* [Gendernye otnosheniya v sovremennoi Rossii: issledovaniya 1990-kh gg.: sb. nauch. st.]. Samara: Samara University Publ., pp. 202–221. (In Russ.)].
- Рябова, Т. Б. (2008) *Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике*. Иваново: ИвГУ, 246 с. [Ryabova, T. B. (2008) Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics [Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike]. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 246 p. (In Russ.)].
- Силласте, Г. Г. (1994) 'Женские элиты в России и их особенности', *Общественные науки и современность*, 1, сс. 112–121. [Sillaste, G. G. (1994) 'Female elites in Russia and their features' [Zhenskie elity v Rossii i ikh osobennosti], *Social sciences and Contemporary World*, 1, pp. 112–121. (In Russ.)].
- Татарченко, А. Ф. (2007) 'Ступени карьеры в гос-

- тет дружбы народов; под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: РУДН, сс. 183–184. [Kozlova, N. N. (2017) 'Women's representation in regional legislatures of the Russian Federation: the experience of statistical analysis' [Predstavitel'stvo zhenshchin v regional'nykh legislaturakh RF: opyt statisticheskogo analiza] in: Gaman-Golutvina, O. V., Smorgunov, L. V., Timofeeva, L. N. (eds.) *Time of great changes: politics and politicians*: Proceedings of the All-Russian scientific conference of the RPSA. The Peoples' Friendship University of Russia [Vremya bol'shikh peremen: politika i politiki: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN. Rossiiskii universitet druzhby narodov]. Moscow: RUDN University Publ., pp. 183–184. (In Russ.)].
- Козлова, Н. Н., Овчарова, О. Г., Рассадина, С. В. (2018) 'Женщины во власти: региональная специфика' в: *Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах* / Отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. М.: ИЭА РАН, Т. 1, сс. 86–88. [Kozlova, N. N., Ovcharova, O. G., Rassadin, S. V. (2018) 'Women in power: regional specifics' [Zhenshchiny vo vlasti: regional'naya spetsifika] in: *Townswomen and townsmen in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the 14th–21st centuries*: Proceedings of the Eleventh international scientific conference of the RARWH and IEA RAS, October 4–7, 2018, Nizhny Novgorod. In 2 vols. [Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiiskoi urbanizatsii XIV–XXI vekov: materialy Odnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnii Novgorod. V 2kh tomakh], vol. 1. Moscow: IEA RAS Publ., pp. 86–88. (In Russ.)].
- Константинова, В. Н. (1992) 'Женщины и проблемы политического лидерства' в: *Женщины и социальная политика (гендерный аспект)*. Отв. ред. З.А.Хоткина. Москва: ИСЭПН РАН, сс. 107–117. [Konstantinova, V. N. (1992) 'Women and the problems of ударственной службе: гендерный аспект', *Женщина в российском обществе*, 3, сс. 46–52. [Tatarchenko, A. F. (2007) 'Career steps in the public service: gender aspect' [Stupeni kar'ery v gosudarstvennoi sluzhbe: gendernyi aspekt], *Woman in Russian Society*, 3, pp. 46–52. (In Russ.)].
- Темкина, А. А. (1996) 'Женский путь в политику: гендерная перспектива' в: *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. Санкт-Петербург: ЦНСИ, сс. 22–26. [Temkina, A. A. (1996) 'Women's way into politics: a gender perspective' [Zhenskii put' v politiku: gendernaya perspektiva] in: *Gender dimension of social and political activity in the transition period* [Gendernoe izmerenie sotsial'noi i politicheskoi aktivnosti v perekhodnyi period]. St. Petersburg: CISR Publ., pp. 22–26. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е. (2010) *Региональные элиты России*. Москва: Аспект-Пресс. 271 с. [Chirikova, A. E. (2010) *Regional elites of Russia [Regional'nye elity Rossii]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 271 p. (In Russ.)].
- Успенская, В. И. (2012) 'Политические партии как ключевой фактор повышения роли женщин в политике', *Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Экономика и управление»*, 16, сс. 15–24. [Uspenskaya, V. I. (2012) 'Political parties as key factor in promoting women's leadership' [Politicheskie partii kak klyuchevoi faktor povysheniya roli zhenshchin v politike], *Herald of Tver State University. Series Ekonomika i Upravlenie*, 16, pp. 15–24. (In Russ.)].
- Шведова, Н. А. (2003) 'Гендерная стратегия как фактор устойчивого развития (образование и просвещение)', *Женщина в российском обществе*, 1–2, сс. 8–14. [Shvedova, N. A. (2003) 'Gender strategy as a factor of sustainable development (education and enlightenment)' [Gendernaya strategiya kak faktor ustoichivogo razvitiya (obrazovanie i prosveshchenie)], *Woman in Russian Society*, 1–2, pp. 8–14. (In Russ.)].
- Швец, Л. Г., Шепелева, Ю. Л. (2015) *Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития*. Москва: КРЕДО. 148 с. [Shvets, L. G., Shepeleva, Yu. L. (2015) *Gender aspect of power relations: problems and directions of development* [Gendernyi aspekt vlastnykh otnoshenii:

- political leadership' [Zhenshchiny i problemu politicheskogo liderstva] in: Khotkina, Z.A. (ed.) *Women and social policy (gender aspect)* [Zhenshchiny i sotsial'naya politika (gendernyi aspekt)]. Moscow: ISESP RAS Publ., pp. 107–117. (In Russ.).
- Кочкина, Е. В. (1999) 'Женщины в российских органах власти', *Общественные науки и современность*, 1, сс. 173–183. [Kochkina, E. V. (1999) 'Women in the Russian authorities' [Zhenshchiny v rossiiskikh organakh vlasti], *Social Sciences and Contemporary World*, 1, pp. 173–183. (In Russ.).]
- Лапина, Н. Ю. (1998) 'Региональные элиты России: кто правит на местах', *Россия и современный мир*, 1, сс. 98–120. [Lapina, N. Yu. (1998) 'Regional elites of Russia: who rules at the local level' [Regional'nye elity Rossii: kto pravit na mestakh], *Russia and the Contemporary World*, 1, pp. 98–120. (In Russ.).]
- Овчарова, О. Г. (2008) 'Влияние пропорциональной избирательной системы на представительство женщин в России', в: *Избирательные процессы в современной России: теория и практика*: сб. науч. тр. Саратов: СГАП, сс. 128–133. [Ovcharova, O. G. (2008) 'The impact of the proportional election system on the women's representation in Russia' [Vliyanie proporsional'noi izbiratel'noi sistemy na predstavitel'stvo zhenshchin v Rossii] in: *Electoral processes in modern Russia: theory and practice: collection of scientific papers*. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ., pp. 128–133. (In Russ.).]
- Овчарова, О. Г. (2010) 'Женщины в российских органах власти: региональное измерение', в: *Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы*: сб. науч. тр. Саратов: СГАП, сс. 253–255. [Ovcharova, O. G. (2010) 'Women in the Russian authorities: problemy i napravleniya razvitiya]. Moscow: KREDO Publ., 148 p. (In Russ.).]
- Carroll, S. J. (1985) *Women as Candidates in American Politics*. Bloomington (Ind.), 236 p.
- Carroll, S. J. (1989) 'The Personal Is Political: The Intersection of Private Lives and Public Roles Among Women and Men in Elective and Appointive Office', *Women and Politics*, 9, pp. 51–67.
- Carroll, S. J., Dodson, D. L., Mandel, R. B. (1991) *The Impact of Women in Public Office: An Overview*. New Brunswick (N.J.), 288 p.
- Diamond, I. (1977) *Sex Roles in the State House*. New Haven, 214 p.
- Freeman, J. (1975) *The Politics of Women's Liberation*. New York, 268 p.
- Gordon, L. (ed.). (1990) *Women, the State, and Welfare*. Madison (Wisc.), 311 p.
- Jennings, M. K., Niemi, R. G. (1981). *Generations and Politics: A Panel Study of Young Adults and Their Parents*. Princeton, 427 p.
- Kirkpatrick, J. (1974) *Political woman*. New York: Basic Books, 274 p.
- Kolinsky, E. (1991) 'Women's Quotas in West Germany', *Western European Politics*, 14, pp. 56–72.
- Lee, M. M. (1976) 'Why Few Women Hold Public Office: Democracy and Sex Roles', *Political Science Quarterly*, 91, pp. 296–314.
- Rule, W. (1990) 'Why More Women Are State Legislators', *Western Political Quarterly*, 43, pp. 437–448.
- Sapiro, V. (1983) *The Political Integration of Women: Roles, Socialization, and Politics*. Urbana (Ill.), 205 p.
- Thomas, S. (2002) 'The Personal Is the Political: Antecedents of Gendered Choices of Elected Representatives', *Sex Roles*, Vol. 47, 7–8, pp. 343–353.
- Welch, S. (1977) 'Women as Political Animals: A Test of Some Explanations for Male-Female Political Participation Differences', *American Journal of Political Science*, 21, pp. 711–730.

Информация об авторах

Козлова Наталья Николаевна – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: tver-gar-n@mail.ru (ORCID: 0000-0003-1212-6412. ResearcherID: D-5405-2019).

Монахова Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: julya_monah@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5746-248X. ResearcherID: D-5171-2019).

Статья принята к печати: 30.04.2019

**WOMEN DEPUTIES OF REPRESENTATIVE BODIES OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT:
THE EXPERIENCE OF ANALYZING POLITICAL BIOGRAPHS**

N. N. Kozlova

Tver State University

Yu. A. Monakhova

Tver State University

Abstract

The authors consider the representation of women in the legislatures of the Volga Federal District regions from the standpoint of the biographical approach. They analyze a number of factors that determine the political career of women deputies, their age, education, professional and family status, sources and resources of political experience, party affiliation, status, and, accordingly, functions in the structural units of representative bodies. The authors analyze the degree to which these factors influence the trajectories of women deputies' political biographies and identify patterns of their inclusion in politics. They note the significant role of parties in the political growth of women, which ensures their advancement to regional parliaments primarily through the proportional electoral system. The significance of the resources of public organizations is analyzed and a conclusion is made about a weak connection of women deputies with women's organizations. The sources of political experience of the Volga Federal District deputies are identified as follows: work in the municipal and state service, promotion in a political party, the deputy position in the representative bodies of local government and regional parliaments, and activism in the third sector. Professional experience and educational status are also among the factors important in women's political biographies, while the marital and family status does not significantly influence the political careers of deputies. According to the authors, the main models for the inclusion of women in politics are the 'model of gradual growth' and 'politics as a profession'.

Keywords: regional parliaments; women deputies; gender approach; biographical approach; electoral systems; civil society.

УДК-327.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-70-77

НОРМАТИВНАЯ КОМПОНЕНТА В КОНЦЕПЦИИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Глеб Коцур

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

Экологическое понятие "стрессоустойчивости", означающее свойство системы к адаптации после шоков, в последнее десятилетие стало активно использоваться в политических науках. Более того, внутри дискурса документов международных организаций и наднациональных объединений этот термин приобрел существенную автономность от изначальной концепции и самостоятельный смысл. Так, Европейский союз в его основополагающих текстах сформулировал свое видение стрессоустойчивости, в рамках которого данный феномен напрямую увязан с условными "западными нормами" – либеральной демократией и правами человека. Автор сопоставляет рейтинг недееспособности государств, индекс демократии, рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод с нормативной позицией Брюсселя. Сравнительный анализ (9 из 16 возможных пунктов) свидетельствует о наличии не прямой, а обратной корреляции между стрессоустойчивостью и нормативной компонентой, демонстрируя их разрыв. Таким образом, автор выявляет глубокую проблематичность и парадоксальность неолиберального дискурса ЕС в вопросе трактовки стрессоустойчивости. Противоречивый характер связки между стрессоустойчивостью и нормативностью даже внутри неолиберального дискурса заставляет еще раз подвергнуть критической рефлексии их соотношение с реальным свойством системы адаптироваться после шоков.

Ключевые слова: стрессоустойчивость; дискурс; неолиберализм; Европейский союз; рейтинг недееспособности государств; индекс демократии; рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод.

Стрессоустойчивость и дискурс Европейского союза

В 1973 г. эколог из Канады К. Холлинг ввел в научный оборот понятие "стрессоустойчивости". Автор определил ее как "...меру стойкости систем и их способность поглощать изменения и нарушения, поддерживая те же соотношения между популяциями или переменными состояниями..." (Holling, 1973: 14). Иными словами, стрессоустойчивость представляет собой способность системы к адаптации после шоков. Постепенно концепция Холлинга перестала быть исключительно экологическим понятием и оказалась связана с общественным измерением, означая адаптивность социо-экологических систем. Природа и различные сферы общества развиваются, по Холлингу, в рамках общих синхронных циклов, стрессоустойчивость же является характеристикой всего этого комплекса, а не отдельных его частей (Holling & Gunderson, 2002: 25-63.). Категория быстро обрела популярность в широком спектре академических областей от городского планирования и экономики до политических наук и теории международных отношений (Bourbeau, 2015). Так Дж. Рейд и Д. Чендлер называют главной характеристикой субъекта современного неолиберального общества именно стрессоустойчивость (Chandler & Reid, 2016). В исследованиях по городскому планированию (Coaffee, 2013) и борьбе с терроризмом (Coaffee & Fussey, 2015) данное понятие становится ключевым для переосмысления публичной безопасности. Дж. Брассетт и Н. Воган-Уильямс показали, что ресурсом стрессоустойчивости может выступать критическая инфраструктура от дорожных сетей до интернет-коммуникаций (Brassett & Vaughan-Williams, 2015). Наконец, в исследованиях реагирования на стихийные бедствия С. Милиано и Дж. Хурриенс описали действия низовых групп гражданского общества в качестве свидетельства социума принимать изменения среды и адаптироваться к ним (Milliano & Jurriens, 2016).

Примечательно, что исследования стрессоустойчивости как неотъемлемого свойства любой системы заметно разнятся с ее рецепцией международными организациями и такими наднациональными объединениями, как Европейский союз. Став элементом дискурса ЕС, этот термин приобрел существенную автономность от концепции Холлинга и самостоятельный смысл. Примерно с начала 2010-х гг. Брюссель активно использует категорию стрессоустойчивости в целом ряде своих системообразующих документов (Романова, 2017), включая "Глобальную стратегию ЕС по внешней политике и политике безопасности"¹. Главной чертой трактовки этого понятия Евросоюзом становится прямая связка между либерально-демократическими нормами и стрессоустойчивостью, где второе вытекает из первого. Отметим, что и в теоретической традиции исследований стрессоустойчивости не утихают дебаты (Olsson et al., 2016: 49-50) относительно того, целесообразно ли трактовать это понятие в ценностном ключе (Perrings, 1998) или в относительно нейтральном (Walker et al., 2006). И хотя не все международные организации рассматривают стрессоустойчивость через призму нормативного измерения², в дискурсе ЕС подобный подход становится абсолютно преобладающим. Например, совместное коммюнике Европейского парламента и Совета Европейского союза от 2017 г. гласит: "...существует связь между инклюзивными обществами с транспарентными и демократическими институтами и устойчивым развитием с предотвращением конфликтов и насилия...недостатки в обеспечении демократичности, прав человека и верховенства права, гендерного равенства...содержат существенное препятствие для эффективного развития общества...это понимание составляет сердцевину подхода ЕС к обеспечению государственной и социетальной стрессоустойчивости..."³. При этом в документах Брюсселя стрессоустойчивость и нормативность часто оказываются взаимосвязаны посредством категории "безопасность": "Стрессоустойчивое государство – это безопасное государство, а безопасность – это ключевой фактор для обеспечения процветания и демократии..."⁴. В подобной трактовке стрессоустойчивость является характеристикой только либерально-демократических обществ западного образца.

Во многом, данная связка вытекает из самой интерпретации Евросоюзом понятия демократии. Как ни парадоксально, найти ее четкое определение в документах ЕС оказывается непросто. Будучи нормативным базисом всей организации, она или выступает в текстах Брюсселя в качестве самоочевидного термина, или описывается через длинный перечень ее свойств. Например, в "Заключении совета по поддержке демократии во внешней политике ЕС" от 2009 г. она практически отождествляется с правами человека: "...только в демократиях индивиды могут реализовать свои права..."⁵. Далее следует внушительный ряд ее признаков: принцип недискриминации, обеспечение прав меньшинств, способность мужчин и женщин на равных основаниях участвовать в политической жизни, социальная справедливость, роль выборных представителей, политических партий, независимых медиа, гражданского общества и тд...⁶. Однако важнейший момент указан уже во втором пункте в списке атрибутов демократии, где "...прогресс в обеспечении прав человека, качественное управление и демократизация – это основание для сокращения бедности и устойчивого развития..."⁷. Таким образом, материальное развитие в документах Евросоюза вытекает из ценностной ориентации политического режима. В том же документе подчеркивается, что "...демократия и управление на основе

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 8 May 2018).

² Strategy Outline for the 2010-2011 ISDR World Disaster Reduction Campaign on Building Resilient Cities, Addressing Urban Risk. United Strategy for Disaster Reduction (2010) *Official Site of the United Nations Office for Disaster Risk Reduction* [Online]. Available at: URL: http://www.eird.org/wiki/images/DRAFT_Campaign_Strategy_Outline.pdf (Accessed: 8 May 2018).

³ A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action. Joint Communication to the European Parliament and the Council (2017) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁵ Council Conclusions on Democracy Support in the EU's External Relations (2009) *Official Site of the Council of the European Union* [Online]. Available at: URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/gena/111250.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

широкого участия и свободная воля людей может наилучшим способом обеспечить право мужчин и женщин жить и растить своих детей в достоинстве, свободе от голода, без страха насилия, подавления и несправедливости..."¹. Тем самым, будущая связка между стрессоустойчивостью и нормами содержится уже в самих понятиях, из которых исходит ЕС. Согласно точке зрения Брюсселя, только либеральные демократии способны обеспечить должный уровень материального благополучия. Оно, в свою очередь, описывалось в более ранних текстах ЕС через язык "устойчивого развития", а в последнее десятилетие – и с помощью концепции стрессоустойчивости. Политические режимы иного рода, например, авторитарные, не соответствуют либерально-демократическим стандартам, следовательно, в долгосрочной перспективе по умолчанию не могут предоставить высокий уровень материального развития и быть стрессоустойчивыми. Итак, в дискурсе Евросоюза связь между западными нормами и стрессоустойчивостью прямая и каузальная: первое неизменно ведет ко второму.

Аргументация такого рода кажется, как минимум, идеологически обусловленной. В то время как академические исследователи стрессоустойчивости описывают ее как неотъемлемое свойство абсолютно любой системы, в неолиберальном по своей ценностной ориентации дискурсе ЕС оно напрямую выводится исключительно из неолиберальных норм. Таким образом, очевидно наличие как минимум двух принципиально различных трактовок одного и того же феномена. Проблема множественности прочтений данного понятия требует детального осмысления этой проблемы. Мы сейчас оставим в стороне многочисленные эмпирические примеры стабильных, однако недемократических в западном понимании обществ, сосредоточившись исключительно на дискурсивном измерении. Более того, мы не будем здесь подробно сопоставлять и академические прочтения стрессоустойчивости с ее вариантом в документах ЕС. В центре данного исследования следующий вопрос: насколько именно нормативная интерпретация рассматриваемого термина Брюсселем оказывается последовательной и непроблематичной? Цель этой статьи – показать, что даже внутри неолиберального лагеря нормативные трактовки стрессоустойчивости отличаются крайней парадоксальностью. Поэтому мы продемонстрируем внутреннюю противоречивость связки между либерально-демократическими нормами и стрессоустойчивостью при помощи неолиберального же инструментария – западных рейтингов государств.

Рейтинги и стрессоустойчивость: сравнительный анализ

Для фиксации нормативной компоненты обратимся к двум западным рейтингам государств, а именно, к индексу демократии ("Democracy Index") и рейтингу стран мира по уровню политических и гражданских свобод ("Freedom House ranking"). Их будет показательно сопоставить с рейтингом недееспособности государств ("Fragile states index", ранее "Failed state index"), который наилучшим образом подходит для идентификации признаков стрессоустойчивости обществ². Очевидно, что дееспособность и стрессоустойчивость как категории не совпадают полностью, но подавляющее большинство индикаторов первой входят в атрибуты последней. Важно и внимание рейтинга к социальному измерению, что снимает дихотомию "государство-общество" при измерении и дееспособности, и стрессоустойчивости. Под полной "недееспособностью" составители рейтинга подразумевают "потерю физического контроля над территорией государства, монополию на легитимное применение силы, эрозию легитимности власти в плане принятия коллективных решений, неспособность обеспечить функционирование важных общественных служб, взаимодействовать с другими государствами как полноценный член международного сообщества"³. Для нашего исследования особо примечательно, что все три индекса являют собой относительно консолидированное мнение неолиберально настроенной элиты Запада по поводу реализации прав человека, демократичности или стрессоустойчивости. Рейтинги составляются, преимущественно, путем экспертных оценок и могут быть расценены как индикатор представлений западных интеллектуалов относительно данных категорий. Так, при составлении рейтинга стран мира по уровню политических и гражданских свобод было задействовано в 2017 г. более 100 экспертов и 30 технических советников. Данный экспертный состав сформирован из представителей академического мира, исследовательских центров, медиа и международных правозащитных организаций таким образом, чтобы каждый аналитик предоставлял отчет в рамках своей

¹ Ibid.

² Fragile States Index and Cast Framework Methodology (2017) *Official Site of the Fund for Peace* [Online]. Available at: URL: <http://fundforpeace.org/fsi/2017/05/13/fragile-states-index-and-cast-framework-methodology/> (Accessed: 8 May 2018).

³ What Does State Fragility Mean? (no date) *Official Site of the Fund for Peace* [Online]. Available at: URL: <http://fundforpeace.org/fsi/frequently-asked-questions/what-does-state-fragility-mean/> (Accessed: 8 May 2018).

специализации¹. Оценка политических прав осуществлялась на основании присуждения каждому государству баллов от 1 до 7 в трех областях: электоральный процесс, политический плюрализм и участие, функционирование правительства (всего 10 вопросов). Уровень гражданских прав устанавливался по идентичной процедуре, но вопросы были сгруппированы уже по 4 сферам: свобода самовыражения и вероисповедания, свобода ассоциаций и организаций, верховенство права, право на персональную автономию и индивидуальные права (15 вопросов). В результате страны ранжируются от "несвободных" (от 1.0 до 2.5 баллов) к "частично свободным" (3-5) к "свободным" (5.5-7)². В свою очередь, индекс демократии также формируется, прежде всего, за счет экспертного опроса, который дополняется опросом общественного мнения. Применительно к каждой из стран задаются 60 одинаковых вопросов, сгруппированных по 5 категориям: электоральный процесс и плюрализм, функционирование правительства, политическое участие, демократическая политическая культура и гражданские свободы³. Несложно заметить, что подавляющее большинство категорий сформулировано в неолиберальном ключе, равно как и задаваемые экспертам вопросы. Наконец, рейтинг недееспособности государств составлен несколько сложнее. Задействована комплексная методология из контент-анализа, количественного анализа баз данных Организации Объединенных Наций, Всемирного банка и Всемирной организации здравоохранения, а также качественного экспертного анализа. Ранжирование осуществляется по 6 группам критериев: аппарат безопасности, групповое насилие, экономические (уровень бедности, равенства и тд.), политические (легитимность, верховенство права, права человека), социальные (демография, ситуация с беженцами) и сквозные (внешнее влияние) индикаторы. Всеохватность оцениваемых практик и институтов обладает очевидными параллелями с содержанием понятия стрессоустойчивости (Brassett et al., 2013: 223). Показательно и наличие в перечне политических критериев условно "западных" норм, что лишний раз напоминает об их взаимосвязи с категорией стрессоустойчивости в неолиберальном дискурсе.

В качестве объектов были выбраны 8 стран, не входящих в состав ЕС. Их пример будет особенно показателен для нашего исследования, так как, начиная с 2013 г., Брюссель запустил ряд программ по помощи развивающимся государствам в деле построения стрессоустойчивости их обществ⁴. Соответственно, двумя временными порогами выступили 2012 г. и 2017 г.: промежуток в 5 лет вполне достаточен для выявления некоторых эмпирических трендов. В целях достижения наибольшей репрезентативности мы задействовали максимально широкую географию стран. Континентальная Африка была представлена Нигерией, которую сам Брюссель выделил в качестве удачного примера построения стрессоустойчивости⁵. Другие исследуемые государства являются частью Европейской политики соседства, которая парадигмально также напрямую увязана с категорией стрессоустойчивости⁶. В Восточной Европе мы выделили Беларусь и Молдову, в регионе Южного Кавказа – Армению, Грузию и Азербайджан, на Ближнем Востоке – Израиль и Иорданию. Оставшиеся страны "соседства" не могут быть репрезентативны по методологическим соображениям. В рассматриваемый период государства Магриба оказались во власти крайней политической турбулентности – последствий Арабской весны. Как следствие, многие режимы или оказались свергнуты, или находились под значительным давлением (Heydemann & Leenders, 2011). В подобных обстоятельствах лишь Иордания на Ближнем Востоке сумела сохранить относительную стабильность. Также из исследования бы-

¹ Freedom in the World 2017. Methodology (2017) *Official Site of the Freedom House* [Online]. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/report/methodology-freedom-world-2017> (Accessed: 8 May 2018).

² Ibid.

³ Democracy Index 2012. Democracy at a standstill. A report from The Economist Intelligence Unit (2012) *Official Site of the Economist Intelligence Unit* [Online]. Available at: URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex12 (Accessed: 8 May 2018).

⁴ Action Plan for Resilience in Crisis Prone Countries 2013-2020 (2013) *Official site of the European Commission* [Online]. Available at: URL: http://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/com_2013_227_ap_crisis_prone_countries_en.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁵ A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action. Joint Communication to the European Parliament and the Council (2017) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁶ Review of the European Neighborhood Policy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions (2015) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (Accessed: 8 May 2018).

ла исключена Украина в связи со схожими событиями, развернувшимися в стране с 2014 г. Турбулентность такого порядка делает принципиально невозможным учет эффекта действий ЕС по построению стрессоустойчивости.

Совокупные данные трех рейтингов для удобства приведены в сводной таблице. Числа, расположенные напротив названия страны в рейтинге недееспособности государств и индексе демократии, обозначают ее место в ранжированном перечне. В первом из них близость к нулю подразумевает максимальную хрупкость государственных и общественных институтов, а по мере возрастания – напротив, стабильность. В свою очередь, индекс демократии составлен в соответствии с обратным принципом: чем более место государства в рейтинге приближено к нулю и единице, тем более она соответствует, по мнению экспертов, эталону демократичности. Рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод содержит уже упомянутые выше три обобщенные характеристики развития прав человека в стране: "свободная", "частично свободная" или "несвободная". В скобках указаны сначала гражданские, затем политические права (см. таблицу).

Сводный перечень рейтинга недееспособности государств, индекса демократии и рейтинга стран мира по уровню политических и гражданских свобод от 2012 и 2017 гг. для восьми стран¹

Рейтинг недееспособности государств		
	2012 г.	2017 г.
Нигерия	14	13
Беларусь	85	95
Молдова	73	98
Армения	102	102
Грузия	51	79
Азербайджан	68	81
Израиль	61	69
Иордания	90	71
Индекс демократии		
	2012 г.	2017 г.
Нигерия	120	109
Беларусь	141	138
Молдова	67	78
Армения	114	111
Грузия	93	79
Азербайджан	139	148
Израиль	37	30
Иордания	121	117
Рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод		
	2012 г.	2017 г.
Нигерия	Частично свободная (4;4)	Частично свободная (5;3)
Беларусь	Несвободная (6;7)	Несвободная (6;7)

¹ Таблица сост. по: The Failed States Index 2012 (2012) *Official Site of the Fund for Peace* [Online]. Available at: URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/cfsir1210-failedstatesindex2012-06p.pdf> (Accessed: 8 May 2018); Fragile states index: state fragility in 2017 (2017) *Official Site of the Fund for Peace* [Online]. Available at: URL: <http://fundforpeace.org/fsi/2017/05/14/fragile-states-index-2017-annual-report/951171705-fragile-states-index-annual-report-2017/> (Accessed: 8 May 2018); Democracy Index 2012. Democracy at a standstill. A report from The Economist Intelligence Unit (2012) *Official Site of the Economist Intelligence Unit* [Online]. Available at: URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex12 (Accessed: 8 May 2018); Democracy Index 2017: Free speech under attack (2017) *Official Site of the Economist Intelligence Unit* [Online]. Available at: URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2017 (Accessed: 8 May 2018); Freedom in the World 2012. The Arab uprisings and their global repercussions (2012) *Official Site of the Freedom House* [Online]. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2012> (Accessed: 8 May 2018); Freedom in the World 2017. Populists and Autocrats: The Dual Threat to Global Democracy (2017) *Official Site of the Freedom House* [Online]. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2017> (Accessed: 8 May 2018).

Окончание таблицы

Рейтинг недееспособности государств		
	2012 г.	2017 г.
Молдова	Частично свободная (3;3)	Частично свободная (3;3)
Армения	Частично свободная (4;6)	Частично свободная (4;5)
Грузия	Частично свободная (3;4)	Частично свободная (3;3)
Азербайджан	Несвободная (5;6)	Несвободная (6;7)
Израиль	Свободная (2;1)	Свободная (2;1)
Иордания	Несвободная (5;6)	Несвободная (5;5)

Результаты исследования и выводы

Сопоставив первый рейтинг с двумя остальными, мы оказываемся в состоянии оценить воззрения неоллиберальных экспертов на связь стрессоустойчивости с западными нормами. Заметим, что результаты подобной операции можно назвать весьма неожиданными. Увеличение или уменьшение позиции страны в рейтинге недееспособности государств совпало с синхронным движением в индексе демократии – лишь в 3 из 8 раз, а в рейтинге стран мира по уровню политических и гражданских свобод – и того меньше, в 1 из 8. В первом случае это оказалось одновременное улучшение показателей демократичности и стрессоустойчивости для Беларуси, Грузии и Израиля от 2012 к 2017 г. Во втором подобное движение сопровождалось еще и повышением для Грузии показателя развития прав человека, пусть и незначительным (в пределах единицы). Остальные страны, однако, в своем подавляющем количестве продемонстрировали обратную динамику, показав разрыв изменения стрессоустойчивости с ценностными характеристиками западных обществ – представительной демократией и правами человека. К примеру, за 5 рассмотренных лет Иордания значительно ухудшила свое положение по шкале стабильности, что сопровождалось повышением демократических показателей и индекса прав человека. Также здесь будет плодотворным ввести термин "ограниченная корреляция", под которой мы подразумеваем следующую ситуацию: неизменность показателей или незначительные перемены в пределах погрешности (1-3 пункта) по одному рейтингу могут совпадать с аналогичной ситуацией по другому. Так, государство Нигерия в индексе недееспособности потеряло 1 позицию, а в рейтинге свобод одновременно уменьшило и увеличило показатели на единицу по двум шкалам. Всего мы становимся свидетелями трех таких ограниченных корреляций из 16 возможных вариантов. Представляется, что эти случаи невозможно причислить ни к сценарию прямой, ни обратной корреляции. По большому счету, в количественном отношении данный показатель в нашем исследовании отходит на второй план. Более половины (9 из 16) позиций свидетельствуют именно об обратной корреляции между стрессоустойчивостью и нормативной компонентой, демонстрируя их разрыв (см. таблицу). Приняв точку зрения Брюсселя на стрессоустойчивость, объяснить подобное обстоятельство чрезвычайно затруднительно. Интерпретация Евросоюзом понятия стрессоустойчивости существенно противоречит другим трактовкам этой категории в неоллиберальном дискурсе, частью которых являются три рассмотренных рейтинга. Несомненно, идеологический по своему происхождению тезис ЕС о стрессоустойчивости как нормативной категории отражает глубокую парадоксальность концептуальной позиции Брюсселя в этом вопросе. Противоречивый характер связки между стрессоустойчивостью и нормативностью даже внутри неоллиберального дискурса заставляет еще раз подвергнуть критической рефлексии их соотношение со стрессоустойчивостью как реальным свойством системы.

Итак, дискурс ЕС, построенный на увязывании нормативной компоненты и стрессоустойчивости, продемонстрировал свою проблематичность. Брюссель подчеркивает наличие прямой связи между условными нормами Запада и стрессоустойчивостью, где первое неизменно ведет ко второму. Однако даже неоллиберальные эксперты, ученые и журналисты той же ценностной ориентации выражают сомнение по поводу обоснованности подобного тезиса¹. Это становится очевидно после сопоставления трех рейтингов государств (рейтинга недееспособности государств, индекса демократии, рейтинга стран мира по уровню политических и гражданских свобод), где главным трендом является

¹ Freedom in the World 2017. Methodology (2017) *Official Site of the Freedom House* [Online]. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/report/methodology-freedom-world-2017> (Accessed: 8 May 2018).

не прямая, а обратная корреляция между либерально-демократическими стандартами и стрессоустойчивостью общества. Множественность и трудность интерпретаций данного понятия внутри неолиберального дискурса вызывает вопрос следующего содержания: насколько версия ЕС концепции стрессоустойчивости вообще соотносится с реальным свойством системы к адаптации и восстановлению после шоков? Представляется, что дальнейшие исследования должны сосредоточиться на взаимосвязи инварианта стрессоустойчивости в документах ЕС и ее конкретных воплощений в разных частях Земного шара. В обеих ипостасях стрессоустойчивость является важным элементом неолиберальной системы. Следовательно, изучение этого понятия и феномена способно значительно улучшить наше понимание мирового порядка и международного общества государств.

Финансовая поддержка

Исследование является частью проекта "Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России" Российского научного фонда (№ 17-18-01110).

Библиографический список

- Романова, Т. А. (2017) 'Категория "Стрессоустойчивость" в Европейском Союзе', *Современная Европа*, 4(76), сс. 7–29. [Romanova, T. A. (2017) 'Resilience category in the European Union' [Kategoriya "Stressoustoichivost'" v Evropeiskom Soyuze], *Contemporary Europe*, 4(76), pp. 17–29. (In Russ.)].
- Bourbeau, P. (2015) 'Resilience and international politics: premises, debates, agenda', *International Studies Review*, 17(3), pp. 374–395.
- Brassett, J., Croft, S., and Vaughan-Williams, N. (2013) 'Introduction: an agenda for resilience research in politics and international relations', *Politics*, 33(4), pp. 221–228.
- Brassett, J., Vaughan-Williams, N. (2015) 'Security and the performative politics of resilience: Critical infrastructure protection and humanitarian emergency preparedness', *Security Dialogue*, 46(1), pp. 32–50.
- Chandler, D. and Reid, J. (2016) *The neoliberal subject: resilience, adaptation and vulnerability*. London: Rowman & Littlefield International.
- Coaffee, J., Fussey, P. (2015) 'Constructing resilience through security and surveillance: the politics, practices and tensions of security-driven resilience', *Security Dialogue*, 46(1), pp. 86–105.
- Coaffee, J. (2013) 'Rescaling and responsibilising the politics of urban resilience: From national security to local place-making', *Politics*, 33(4), pp. 240–252.
- Heydemann, S. and Leenders, R. (2011) 'Authoritarian learning and authoritarian resilience: regime responses to the "Arab awakening"', *Globalizations*, 8(5), pp. 647–653.
- Holling, C. S. and Gunderson, L. H. (2002) 'Resilience and adaptive cycles' in: Holling, C. S. and Gunderson, L. H. (eds.) *Panarchy: understanding transformations in human and natural systems*. Washington: Island Press, pp. 25–63.
- Holling, C. S. (1973) 'Resilience and stability of ecological systems', *Annual Review of Ecology and Systematics*, 4(1), pp. 1–23.
- De Milliano, C., Jurriens, J. (2016) 'A different cup of tea: learning from enhancing resilience in risk prone communities' in: Chandler, D., Coaffee, J. (eds.) *Routledge handbook of international resilience: policies, theories and practices*. Abingdon: Routledge, pp. 253–267.
- Olsson, L., Jerneck, A., Thoren, H., Persson, J., and O'Byrne, D. (2016) 'A social science perspective on resilience' in: Chandler, D., Coaffee, J. (eds.) *Routledge handbook of international resilience: policies, theories and practices*. Abingdon: Routledge, pp. 49–63.
- Perrings, C. (1998) 'Introduction: resilience and sustainability', *Environment and Development Economics*, 3(2), pp. 221–262.
- Walker, B. H., Gunderson, L. H., Kinzig, A. P., Folke, C., Carpenter, S. R., and Schultz, L. (2006) 'A handful of heuristics and some propositions for understanding resilience in social-ecological systems', *Ecology and Society*, 11(1) [online]. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art13/> (Accessed: 8 May 2018).

Информация об авторе

Коцур Глеб Владиславович – аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, исполнитель по проекту "Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России", E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID: U-6214-2017).

Статья принята к печати: 30.04.2019

NORMATIVE DIMENSION IN THE 'RESILIENCE' CONCEPT OF THE EUROPEAN UNION: INTERNAL CONTRADICTIONS OF NEOLIBERALISM

G. V. Kotsur

Saint Petersburg State University

Abstract

The ecological concept of resilience was defined by its author C.S. Holling as 'a measure of the persistence of systems and of their ability to absorb change and disturbance and still maintain the same relationships between populations or state variable'. In other words, it means the ability of a system to adapt after shocks and turbulence. In recent decades, the 'resilience' notion has been transferred to a wide range of social disciplines, including political science and theory of international relations. Moreover, the European Union has articulated its own interpretation of this concept, where resilience is closely connected with the so-called Western political norms – liberal democracy and human rights. Comparing Fragile States Index, Democracy Index, Freedom House report, on the one hand, and normative position of Brussels – on the other, the author describes such an odd interpretation of resilience as a deeply controversial one. Comparative analysis reveals the presence of an inverse correlation between resilience and the normative component, rather than a direct one. The contradictory nature of the link between resilience and normativity (even within the neoliberal discourse) makes us critically reflect on the relationship between 'resilience' as a discursive concept of the European Union and resilience as a real ability of the system to adapt after shocks.

Keywords: resilience; discourse; neoliberalism; European Union; Fragile States Index; Democracy Index; Freedom House report.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-78-86

РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОГО ВЕКТОРА ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТА ШОС

Денис Борисов

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Евгений Савкович

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Аннотация

Анализируется гуманитарный вектор деятельности Шанхайской организации сотрудничества в контексте реализации проекта Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС). Авторы на основе ситуационного подхода оценивают развитие нормативно-правовой базы и степень практического воплощения проекта УШОС. Раскрываются потенциальные возможности, ключевые проблемы и противоречия, а также предлагаются некоторые решения, которые позволят повысить эффективность образовательного проекта в формате ШОС. Особое внимание в исследовании уделяется сдерживающим факторам развития сетевых образовательных программ Университета ШОС. Предложены краткосрочные и среднесрочные решения для повышения эффективности сотрудничества в области высшего образования стран-членов ШОС.

Полученные результаты свидетельствуют о высоком стратегическом потенциале сетевого проекта УШОС как для интеграции евразийского образовательного пространства, так и для интенсификации межгосударственного сотрудничества в фарватере ШОС. Сетевой Университет ШОС сформировал нормативно-правовую основу гармонизации образовательных систем, достигнуты первые практические результаты по подготовке магистрантов. Однако авторы исследования отмечают, что проблемы резкой масштабизации проекта, атмосфера постоянных образовательных реформ, а также недостаток администрирования проекта и сложные схемы финансирования формируют негативные тенденции в реализации образовательных программ УШОС и существенно тормозят развитие пятистороннего сетевого проекта.

Ключевые слова: Университет ШОС; УШОС; Шанхайская организация сотрудничества; Центральная Азия; высшее образование; международные образовательные проекты; межвузовское сотрудничество.

Начало XXI в. ознаменовалось важными качественными изменениями в мировых политических и экономических процессах: с одной стороны, повышение роли Азии в целом и КНР, в частности, а с другой – распространение различных региональных интеграционных проектов и инициатив межгосударственного сотрудничества. В этом контексте, одним из важных направлений внешней политики РФ является развитие межгосударственной кооперации в рамках Шанхайской организации сотрудничества. ШОС, стартовав в 2001 г. со сферы безопасности, ведёт активный поиск новых точек взаимного приложения усилий по развитию межгосударственной кооперации на пространстве Центральной Азии (Yun, Park, 2012). На сегодняшний день одним из перспективных направлений деятельности ШОС является сфера высшего образования. Страны-члены Организации выступили с инициативой сформировать общее образовательное пространство между Казахстаном, Китаем, Киргизией, Таджикистаном и Россией через сетевую кооперацию между ведущими ВУЗами¹.

¹ Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС от 02.11.07 // Официальный сайт ШОС. Available at: URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 01.11.2018).

Кооперация в сфере образования для стран-членов ШОС была продиктована целым комплексом позитивных и негативных национальных, региональных и международных процессов. *Во-первых*, распад некогда единой образовательной и культурно-коммуникативной среды в странах ЦАР приводит к разрушению механизмов межкультурного взаимодействия, что становится вызовом для дальнейшей интенсификации кооперативных инициатив в Центральной Азии. В частности, инерция в образовательных системах стран постсоветского пространства оказывает влияние на образовательные ориентиры – крайне мало образовательных программ, которые на практике были бы сфокусированы на изучении стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В результате постепенно формируется дефицит кадров с необходимыми языковыми, историко-культурными, академическими компетенциями – специалистов, которые смогли бы успешно налаживать государственные, деловые и гуманитарные контакты на пространстве ШОС. В свою очередь, проблема кадрового обеспечения становится сдерживающим фактором развития сотрудничества, в том числе, под эгидой ШОС. При попытке замены языка межнационального общения с русского на английский/китайский возможности межкультурной коммуникации в регионе также будут снижаться.

Во-вторых, демографический взрыв в странах региона на фоне негативной социально-экономической динамики закономерно приводит к падению качества и сокращению доступа населения к образованию, в том числе высшему, что способствует распространению правовой и религиозной непросвещенности, политической незрелости обществ стран региона, особенно это проявляется в молодежной среде. Под влиянием этих процессов общественное сознание становится более восприимчиво к радикальным и экстремистским идеологиям. Следствием этих процессов становится формирование социальной базы экстремизма в странах Центральной Азии, которая легко подпадает под влияние неконвенциональных исламских организаций, а насильственные методы политической борьбы, обретенные в радикальные религиозные лозунги, становятся частью политической жизни региона (Lain, 2016). В данном контексте региональные проблемы образования напрямую связаны с политикой безопасности.

В 2006 г. в повестке Шанхайской организации сотрудничества начинает оформляться образовательный вектор. Правительства государств-членов ШОС подписали соглашение о сотрудничестве в области образования¹. Это соглашение стало первым шагом по пути развития интеграционных процессов в области образования и создания в этих целях информационной и нормативной правовой базы по вопросам политики государств в области образования. В 2007 г. Президент РФ В.В. Путин на Бишкекском саммите глав государств стран-членов ШОС поддержал инициативу создания в рамках Организации образовательного проекта (Филиппов и Сунь, 2015). На следующий год в Астане на совещании министров образования государств-членов ШОС подписываются «Декларация министров образования» от 24 октября 2008 г. и «Концепция Университета ШОС»². Главной целью проекта стало укрепление добрососедских отношений через развитие интеграционных процессов в науке и расширение сотрудничества в образовательной сфере, предоставляя новые образовательные возможности для молодежи по политическому, торгово-экономическому, научно-техническому и культурному направлениям на основе реализации совместных образовательных программ и расширения студенческой и научно-педагогической мобильности.

В Концепции Университета ШОС предусматривалось три этапа реализации проекта. Первый – краткосрочный этап предварительного анализа и проектирования проекта УШОС на 2008–2010 гг. полностью выполнен. Второй – среднесрочный этап на 2010–2012 гг. был выполнен частично. Подписаны решения об учреждении Университета ШОС лидерами стран ШОС и Хартия Университета ШОС; согласованы нормативные базы выдачи документов об образовании университета ШОС и их

¹ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования от 15 июня 2006 года // Официальный сайт ШОС. Available at: URL: <http://rus.sectsc.org/documents/> (дата обращения: 01.11.2018).

² Концепция УШОС (2010) Концепция Университета ШОС (новая редакция от 23 сентября 2010 г.) // Сайт НИУ МЭИ. Available at: URL: <http://studyabroad.mpei.ru/rus/USHOS/uscoConcept/Pages/default.aspx> (дата обращения: 01.09.18).

форм, полученных по согласованным программам обучения и курсам; введены в действие учебные, управляющие и административные структуры Университета ШОС. Однако среди всех направлений на практике удалось реализовать только магистерский уровень подготовки. Третий – долгосрочный план на 2012–2015 гг. практически не был реализован: не удалось организовать ни подготовку по системе «бакалавр плюс магистр», ни создание сетей информационного обеспечения и дистанционного образования Университета, ни издание собственных научных вестников. Соответственно не дошло дело и до проведения мероприятий, направленных на широкое международное признание Университета ШОС и выдаваемых им дипломов, не говоря уже о международной аккредитации образовательных программ бакалавриата и магистратуры для повышения конкурентоспособности Университета. Единственное, что было сделано из долгосрочного планирования – это добавление новых направлений подготовки (экономики и педагогики).

Анализ реализации проекта Университета ШОС показывает неоднозначную динамику. С одной стороны, можно констатировать, что сформирован нормативно-правовой и организационный фундамент проекта. С другой – обращает на себя внимание затянувшаяся проволочка в реализации третьего этапа создания УШОС. Также очевидным минусом является падение количества студентов, участвующих в проекте УШОС: если до 2012 г. фиксируется увеличение контингента, то с 2013 г. явно прослеживается нисходящая динамика студенческих наборов. В отчете Карагандинского экономического университета указывается на снижение контингента магистрантов в связи с малым количеством образовательных грантов от государства. Набор 2015–2016 гг. в Московский государственный университет составляет 17 магистрантов, а в планах на 2016–2017 гг. – уже всего 5. По направлению «энергетика» также заметно сокращение контингента, особенно в региональных ВУЗах. Например, НГТУ в 2011 г. принял 9 студентов, в 2012 – 2, в 2013 г. набор не состоялся, в 2014 – 8, в 2015 и 2016 гг. набора не было (Ширинский, 2016).

Тем не менее, на сегодняшний день можно констатировать, что проект УШОС, преодолев концептуальный этап, со сложностями, но переходит в практическую плоскость. Накопленный опыт функционирования УШОС выявил ряд проблемных моментов и «тонких мест», которые снижают скорость и эффективность реализации проекта. Очевидно, что для достижения нового качественного уровня в проекте УШОС назрела необходимость корректировок. Можно выделить следующие проблемные зоны и варианты их решения.

Сокращение масштабов. Необходимо пересмотреть масштабы реализации проекта, расставив приоритеты интенсивного развития. Переформировать УШОС с упором на действительно ведущие вузы стран ШОС. Сократить количество вузов с 75 до 10–12 из числа ведущих университетов каждой страны — члена ШОС. Для пилотного проекта образовательная сеть из 75 вузов является сложно управляемой системой, так как охватывает большое географическое пространство, представляет разнообразие по уровню развития и возможностям учебные заведения с разными исполнителями. Например, большинство российских вузов имеют весьма ограниченные возможности в своей финансовой и нормативно-правовой деятельности и вынуждены строго следовать предписаниям Министерства образования и науки и контролирующих органов, что ограничивает возможности вуза для реализации образовательных экспериментов, к которым относится и УШОС. Существующие в РФ Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) являются серьёзным барьером для согласования образовательных программ в рамках УШОС. Более того, в РФ практически каждый год вносятся изменения во ФГОС: 2; 3; 3+; 3++; 4 – это также выступает дополнительным ступором для вузов в согласовании совместных образовательных программ (Кузнецова, 2016). Оптимальное решение этой проблемы – это участие в УШОС только тех вузов, которые имеют право на использование в образовательной деятельности собственных образовательных стандартов.

Помимо этого, целесообразно сократить количество уровней подготовки в рамках УШОС. Различия азиатского и европейского пространства высшего образования, даже несмотря на приверженность Болонской системе, серьезно осложняют гармонизацию совместных образовательных программ, поэтому включение в проект бакалавриата, магистратуры, аспирантуры и докторантуры выглядит очень поспешным. Бакалавриат с его 4 годами подготовки является крайне сложным для синхронизации учебных планов вузов из разных стран. Однако проблема бакалавриата тесно связана с языковой проблемой: без языковой подготовки крайне сложно найти студентов, которые смогут

учиться в магистратуре на иностранном языке. Языковая проблема особенно остро стоит для китайских студентов, которые планируют учиться в русскоязычном образовательном пространстве и для русскоязычных студентов, планирующих обучение в китайских вузах (Гребенникова, 2015). В этом контексте важно внедрять на уровне бакалавриата языковую подготовку для студентов, которые планируют продолжать обучение в УШОС. Возможно подключение Институтов Конфуция и Пушкина для языковой подготовки студентов. В среднесрочной перспективе представляется актуальным расширение сотрудничества в области образования на пространстве ШОС на уровень среднего образования. В качестве основы можно использовать опыт ЮНЕСКО по созданию и развитию сети ассоциированных школ во многих странах мира. С помощью ассоциированных школ УШОС на уровне среднего образования может задавать необходимый языковой уровень и использовать такие школы в качестве механизма отбора наиболее успешных учеников для продолжения обучения в рамках Университета ШОС.

Согласование программ на уровнях аспирантуры и докторантуры сталкивается примерно с теми же проблемами. Во-первых, в РФ аспирантура стала третьей ступенью высшего образования, а соответственно на неё распространяется жесткое федеральное регулирование (ФГОС). Во-вторых, сохраняется неопределенность в связи с попытками перейти на западную систему бакалавр-магистрант-докторант (PhD) при сохранении системы аспирантуры (кандидат наук) — докторантуры (доктор наук). В-третьих, российская процедура присуждения научных степеней находится в процессе реформирования: предполагается передать полномочия присуждения научных степеней от Всероссийской аттестационной комиссии к отдельным образовательным учреждениям.

Если говорить о перспективах электронно-дистанционных форм обучения в рамках университета ШОС, то можно отметить, что существует определенный запрос со стороны русскоязычного пространства высшего образования на реализацию такой формы обучения студентов. В частности, МГИМО активно разрабатывал концепт «виртуального университета ШОС» и информационно-коммуникационную платформу Университета ШОС¹. Казахские эксперты отмечают, что использование e-learning технологий обучения на базе сетевой инфраструктуры Университета ШОС позволит максимально удовлетворить образовательные потребности студентов и увеличить доступность обучения в головных (базовых) вузах Университета ШОС (Тен и Когай, 2016). Однако дистанционная форма обучения невозможна в китайских вузах по причине особого режима работы китайского сегмента сети Интернет, поэтому дистанционная форма обучения не подходит для «шанхайского» сетевого образовательного проекта. В данной связи стоит отметить, что дистанционную форму обучения на постсоветском пространстве уместнее внедрять в рамках сетевого Университета СНГ, где все страны действуют в едином электронно-информационном пространстве.

Подводя итог, в краткосрочной перспективе целесообразно сосредоточиться на двухлетнем магистерском уровне образовательной подготовки в формате УШОС с обеспечением языковой подготовки на бакалаврском уровне (1+1). Более того, это подтверждается на опыте реализации совместных образовательных программ УШОС, где подавляющие наборы представлены студентами-магистрантами. В среднесрочной перспективе важно сосредоточиться на гармонизации правовых основ образования стран-членов ШОС и основных компонентов высшего образования, а именно, в части свободно выбираемых дисциплин, которые должны составлять 20–30% всей учебной нагрузки, что даст необходимые люфты для организации студенческой мобильности.

Содержание образовательных программ. Образование – это прежде всего персональный выбор, поэтому проект УШОС должен серьезно повысить свою рыночную привлекательность на рынке образовательных услуг стран ШОС, стать привлекательным, престижным для молодых людей. Качество образования – главное требование, исходящее от стран-членов ШОС, особенно КНР (Ли, 2015). В этом контексте важно сосредоточиться на трех аспектах: а) качество б) востребованность в) престижность.

¹ Виперсон (2009) – Интервью начальника отдела перспективных научно-образовательных разработок Управления инновационного развития МГИМО В. Каберника от 05.10.09 // Официальный сайт Электронной библиотеки биографических данных Viperson.ru. Available at: URL: <http://viperson.ru/articles/vitaliy-kabernik-universitet-shos-budet-virtualnym> (дата обращения: 01.10.18).

По первым аспектам важно привлечь к реализации образовательных программ ведущих национальных специалистов из академической и деловой среды, обеспечить современную материально-техническую базу образовательного процесса, а также организовать кураторство со стороны ведущих компаний и государственных учреждений. По второму аспекту необходимо переоценить потенциал действующих профилей подготовки: «Регионоведение», «Экология», «Энергетика», «ИТ-технологии», «Нанотехнологии» и добавившиеся не так давно «Экономика» и «Педагогика». В частности, насколько эти направления соответствуют экономическому характеру взаимодействия стран ШОС, насколько они востребованы на рынке труда в конкретных странах ШОС.

На наш взгляд, профили подготовки УШОС нужно привести в соответствии с реальной хозяйственно-экономической ситуацией в самих странах ШОС, а также исходя из их реальных потребностей. Так, профили должны достаточно точно отражать ситуацию на рынке труда стран ШОС. Это является важным условием для привлечения студентов. Следует точно определить, какие специалисты нужны для экономик стран ШОС в ближайшей перспективе. В целом, УШОС должен стать активным субъектом очень конкурентного образовательного рынка евразийского пространства. УШОС в перспективе – синоним престижа и карьерного роста – только так можно надеяться на привлечение способных молодых людей, которые в будущем составят профессиональную основу многопрофильного сотрудничества между странами ШОС. При успешном решении этих задач высока вероятность привлечения студентов на коммерческой основе, что значительно снизит зависимость проекта УШОС от государственных бюджетов стран – членов ШОС.

Администрирование проекта. Как показывает опыт реализации международных образовательных программ в сфере высшего образования в Европе – важным критерием является качество управления: необходимость нормативно-правовой гармонизации национальных образовательных систем и финансового обеспечения студенческой мобильности требуют компетентной команды профессионалов, которая будет наделена необходимыми полномочиями и работать на регулярной основе. На сегодняшний день административная компонента УШОС практически отсутствует. Созданы органы, принимающие решения (Ректорат УШОС), но нет исполнительного звена, что прямо сказывается на эффективности и скорости реализации проекта. К тому же, управленческая структура УШОС выведена за пределы Секретариата ШОС, что существенно сказывается на эффективности управления, статусе менеджмента проекта и главное – на финансовой составляющей. Вся административно-организационная работа с 2013 г. ведется силами РУДН во главе с ректором Владимиром Филипповым на общественных началах¹.

Наглядно недостаток управленческого ресурса можно оценить, если обратиться к официальному сайту УШОС. Официальный сайт УШОС (www.unp-sco.ru) по-прежнему находится на начальной стадии функционирования: добавлена общая информация, но большинство разделов не заполнено. Приходится прикладывать большие усилия, чтобы найти информацию о деятельности университета и мероприятиях, полностью отсутствует статистика по реализации совместных программ УШОС, нет нормативно-правовой базы и т. д. Современное сетевое образование без должного информационного сопровождения качественно снижает эффективность проекта в целом. По этому поводу можно отметить, что альтернативный сайт Университета ШОС (www.usco.edu.cn), созданный Научно-исследовательским центром УШОС при китайском ректорате УШОС, даже на русском языке является более информативным. В этом контексте очень актуально звучат предложения китайской стороны по активизации структурного оформления ректората УШОС: включение его в структуру секретариата и размещение на постоянной основе в недавно открывшейся штаб-квартире ШОС в Пекине².

Финансирование. Большой блок проблем связан с финансовыми аспектами. На сегодняшний день схемы финансирования привязаны к образовательным бюджетам стран-членов ШОС, что резко повышает бюрократизацию и сроки согласования. Более того, учитывая сложную социально-экономическую обстановку в странах-членах ШОС, везде (кроме КНР) снижается государственная

¹ Известия (2013) Интервью ректора РУДН В. Филиппова от 15.01.13 // Официальный сайт «МИЦ «Известия». Available at: URL: <http://iz.ru/news/543004?page=1> (дата обращения: 01.10.18).

² Доклад УШОС (2013) Аналитический доклад «Перспективы и стратегии развития УШОС» // Официальный сайт Информационного портала Университета ШОС (КНР). Available at: URL: <http://www.usco.edu.cn/RUS/ywzx/2013-05-29/184.htm> (дата обращения: 01.06.18).

поддержка. Эту тенденцию отмечают представители казахских и российских вузов, а также китайская сторона указывает на слабую материальную поддержку со стороны остальных правительств стран-членов ШОС (Цой, 2015).

ВУЗы – это прежде всего хозяйствующие субъекты, которые должны строго вести бухгалтерский учет. Поэтому необходимо пересмотреть в сторону упрощения схемы финансирования сетевого образования на «шанхайском пространстве». Как вариант, можно рассмотреть возможность подписания межправительственного соглашения о создании Фонда УШОС, который возьмет на себя администрирование образовательных грантов для обучения в Университете ШОС. Дополнительно Фонд сможет подключиться к решению сопутствующих финансовых проблем: оплата транспортных расходов студентов, связанных с передвижениями в рамках освоения образовательной программы; выделение персональных стипендий за отличную учебу или поддержка малообеспеченных студентов; трэвел — гранты для профессорско-преподавательского состава в рамках продвижения кадровой мобильности; финансирование совместных научно-исследовательских проектов и мероприятий.

В качестве краткосрочного решения можно вывести вопрос финансирования из повестки реализации сетевого Университета ШОС и перевести его с уровня «Университет – Университет» на уровень «Университет – Студент». В этом случае студенты, обучающиеся на коммерческой основе, лично оплачивают обучение в иностранном ВУЗе-партнере, а студентам-бюджетникам можно рассмотреть возможность предоставления целевых грантов на обучение от местного ВУЗа.

Подводя итог, важно отметить мощный мультипликативный эффект процесса гармонизации национальных образовательных систем Казахстана, Китая, Кыргызстана, России и Таджикистана в рамках Университета Шанхайской организации сотрудничества. В области экономического развития проект должен подготовить кадровое обеспечение для наиболее востребованных направлений экономического сотрудничества. В социальной сфере УШОС может сыграть важную стабилизирующую роль, обеспечив новые социальные “лифты” и возможности для молодого поколения и предоставив созидательные варианты реализации во всех сферах жизнедеятельности. В области межгосударственного сотрудничества образовательный проект ШОС должен выступить в качестве проводника для мотивированной региональной кооперации на общественном и личностном уровнях, формируя целеполагание на развитие евразийских связей.

Исследование фиксирует завершение нормативно-правового и пилотного этапов реализации УШОС. Оформлена институциональная структура проекта. Имеются положительные практические результаты в подготовке студентов по магистерским программам. Тем не менее, выявлены негативные тенденции: сокращение студенческих наборов; развитие асимметрии в составе иностранных студентов в сторону Китая; общий низкий уровень языковой подготовки. Также авторы отмечают ряд критически важных вызовов для реализации проекта: постоянные флуктуации в образовательных системах постсоветских стран, вызванные продолжающимися поисками экономической модели развития, чрезмерная масштабизация, недостаток администрирования УШОС и сложные схемы финансирования.

Предлагается ряд кратко- и среднесрочных решений для более эффективной гармонизации образовательных систем стран-членов ШОС. Среди краткосрочной группы предложений важно сузить направления образовательной подготовки до языковых курсов и магистерского уровня; сконцентрироваться на ведущих ВУЗах шанхайского пространства, которые наделены правом создания собственных образовательных стандартов; предусмотреть актуальные направления подготовки, исходя из специфики экономического сотрудничества стран-членов ШОС; привлечь ведущие компании; перевести финансирование студенческой мобильности на персональные гранты и компенсации на уровне «Студент – Университет». Среди группы среднесрочных предложений необходимо предусмотреть унификацию образовательных стандартов по бакалаврам в части свободно выбираемых дисциплин; открыть специализированные средние общеобразовательные школы с изучением русского и китайского языков; перевести менеджеров проекта в штат секретариата ШОС; учредить Фонд УШОС для финансирования студенческой мобильности.

Наконец, проект Университета ШОС может наполнить новым содержанием деятельность самой организации, которая, несмотря на декларируемый универсальный характер, не выходит за пре-

делу повестки безопасности. Включение вопросов образования в повестку «шанхайского сотрудничества» расширит реноме ШОС с позиции «human security» как института межгосударственного сотрудничества, нацеленного на развитие человеческого потенциала. Более того, работа по развитию образования на пространстве ЦАР комплементарна политике безопасности Шанхайской организации сотрудничества как стратегический элемент политики противодействия экстремизму.

Библиографический список

- Филиппов, В., Сунь, Ю. (2015) 'Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии', *Государственная служба*, 6 (98). URL: <http://pa-journal.ranepa.ru/articles/r102/3560/> (дата обращения: 01.11.2018) [Filippov, V., Sun, Y. (2015) 'The role of the Shanghai Cooperation Organization University in the mate educational spaces of Eurasia' [Rol' Universiteta Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva v sopryazhenii obrazovatel'nykh prostanstv Evrazii], *Public Administration*, 6 (98). Available at: <http://pa-journal.ranepa.ru/articles/r102/3560/> (Accessed: 10 November 2018)]. (In Russ.).
- Федин, С. К. (2012) 'Создание университета Шанхайской организации сотрудничества – важный этап процессов интернационализации образования', *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 11 (644), сс. 81–92. [Fedin, S. K. (2012) 'The development of the Shanghai Cooperation Organization University – major part of the education internationalization processes' [Sozdanie universiteta Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva – vazhnyi etap protsessov internatsionalizatsii obrazovaniya], *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 11 (644), pp. 81–92]. (In Russ.).
- Ширинский, С. В. (2016) 'Университет ШОС, направление «Энергетика», Повышение конкурентоспособности молодежи стран-участниц ШОС в мире: материалы международной конференции. URL: <http://conf.rudn.ru/conf/mief-unisco/file/SCO.pdf> (дата обращения: 10.11.18) [Shirinskii, S.V. (2016) 'University of SCO, "Energy" direction' [Universitet ShOS, napravlenie "Energetika"] in: *Increasing competitiveness of youth in the SCO countries in the world: Proceedings of the international conference* [Povyshenie konkurentosposobnosti molodezhi stran-uchastnits
- the field of regional studies within the framework of the University SCO' [Problemy podgotovki spetsialistov v oblasti regional'nykh issledovaniy v ramkakh universiteta ShOS], *Oriental Studies in Altai*, 8, pp. 37–39]. (In Russ.).
- Тен, Т. Л., Когай, Г. Д. (2016) 'Проект УШОС – подготовка специалистов нового формата в Карагандинском экономическом университете', БРИКС: Сотрудничество в целях развития. Сетевые университеты и международный рынок труда: материалы Международной конференции. Москва. Доступно: <http://conf.rudn.ru/netuni/tezis> (дата обращения: 10.11.18) [Ten, T. L., Kogai, G. D. (2016) 'The University SCO project: training of the new format specialists at the Karaganda Economic University' [Proekt UShOS – podgotovka spetsialistov novogo formata v Karagandinskom ekonomicheskome universitete] in: *BRICS: Cooperation for Development. Network Universities and the International Labor Market: Proceedings of the international conference* [BRIKS: Sotrudnichestvo v tselyakh razvitiya. Setevye universitety i mezhduнародnyi rynek truda: materialy mezhduнародnoi konferentsii] [online]. Available at: <http://conf.rudn.ru/netuni/tezis> (Accessed: 10 November 2018)]. (In Russ.).
- Ли, Я. (2015) 'Новая динамика высшего образования в Китае', *Вестник НГПУ*, 6 (28), сс. 151–160, doi: 10.15293/2226-3365.1506.16 [Li, Y. (2015) 'The new dynamics of higher education in China' [Novaya dinamika vysshego obrazovaniya v Kitae], *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 6 (28), pp. 151–160, DOI: 10.15293/2226-3365.1506.16]. (In Russ.).
- Цой, Е. Б. (2015) 'Образовательные и культурные проекты ШОС в новосибирском государственном техническом университете: опыт и перспективы', *Международная аналитика*, 2 (12), сс. 84–86 [Tsoi, E.B. (2015) 'Educational and

- ShOS v mire: materialy mezhdunarodnoi konferentsii] [online]. Available at: <http://conf.rudn.ru/conf/mief-unisco/file/SCO.pdf> (Accessed: 10 November 2018)]. (In Russ.).
- Кузнецова, Е. М. (2016) 'Компетентностно-ориентированные образовательные стандарты: проблемы реализации', *Высшее образование в России*, 5, сс. 150–155 [Kuznetsova, E.M. (2016) 'Competency-based standards of education: problems of implementation' [Kompetentnostno-orientirovannye obrazovatel'nye standarty: problemy realizatsii], *Higher Education in Russia*, 5, pp. 150–155]. (In Russ.).
- Гребенникова, Т. Г. (2014) 'Проблемы подготовки специалистов в области региональных исследований в рамках университета ШОС', *Востоковедные исследования на Алтае*, 8, сс. 37–39. [Grebennikova, T.G. (2015) 'Problems of training specialists in cultural projects of SCO in Novosibirsk State Technical University: results and perspectives' [Obrazovatel'nye i kul'turnye proekty ShOS v novosibirskom gosudarstvennom tekhnicheskom universitete: opyt i perspektivy], *International Analytics*, 2 (12), pp. 84–86]. (In Russ.).
- Lain, S. (2015) 'Strategies for countering terrorism and extremism in Central Asia', *The Central Asian Survey*, vol. 47, 3, pp. 386–405, DOI: 10.1080/03068374.2016.1225899.
- Yun, Y., Park, K. (2012) 'An Analysis of the Multilateral Cooperation and Competition between Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization: Issues and Prospects', *The Pacific Focus*, vol. 27, 1, pp. 62–85, DOI: 10.1111/j.1976-5118.2012.01076.x.

Информация об авторах

Борисов Денис Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: Denisborisov69@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1321-2956).

Савкович Евгений Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры Востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: savkovic@sibmail.ru (ORCID: 0000-0002-7064-3090).

Статья принята к печати: 30.04.2019

DEVELOPMENT OF THE HUMANITARIAN VECTOR IN SECURITY OF THE SHANHAI COOPERATION ORGANIZATION: ROLE OF THE UNIVERSITY OF SCO

D. A. Borisov

Novosibirsk State University of Economics and Management

E. V. Savkovich

National Research Tomsk State University

Abstract

The article analyzes the humanitarian vector of the Shanghai Cooperation Organization activities in the context of the University of Shanghai Cooperation Organization project (USCO). The authors, based on the case approach, assess the progress of the regulatory framework and the pace of practical implementation of the project. Potential opportunities, key problems and contradictions are revealed, and some solutions are proposed for increasing the effectiveness of the educational project in the SCO format. Special attention is paid to the deterrents in the development of the University network educational programs. The paper proposes short-term and medium-term solutions to improve the efficiency of cooperation in the field of higher education between the SCO member countries.

The obtained results reveal a high strategic potential of the SCO network project both for the integration of the Eurasian educational space and for the intensification of interstate cooperation within the SCO. The SCO Network University has formed the legal basis for harmonizing the educational systems of the participating states; the first practical results in the preparation of undergraduates have been achieved. However, the authors note that the problems of drastic scaling of the project, the atmosphere of ongoing educational reforms, as well as the lack of project administration and intricate financing schemes generate negative trends in implementing educational programs of the SCO and significantly obstruct the development of the five-sided educational network project.

Keywords: SCO University; Shanghai Cooperation Organization; Central Asia; higher education; international educational projects; inter-university cooperation.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-87-92

ВЫХОД ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕС: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Татьяна Гимбицкая

Российский университет дружбы народов

Аннотация

В отношениях Великобритании и Ирландии насчитывается множество непростых периодов, от войны за независимость, религиозных разногласий до деятельности военизированной группировки ИРА. Тем не менее, после продолжительных конфликтов странам все же удалось прийти к консенсусу. Соглашение Страстной пятницы и вступление в Евросоюз урегулировали политические и экономические британско-ирландские отношения. Однако принятое Соединенным Королевством решение покинуть Европейский союз может поставить под угрозу установившиеся отношения между двумя государствами. Ирландия считается страной с экспортоориентированной экономикой. Около 15% ирландских экспортных товаров и услуг приходится на Великобританию, а в некоторых отраслях Соединенное Королевство является особо значимым рынком сбыта, например, туда отправляется почти 40% всех агропродовольственных товаров (Ireland & the Impacts of Brexit, 2018, p. 5). В связи с тем, что Республика Ирландия имеет высокоинтенсивные торговые отношения, экономические и политические связи с Великобританией, она особенно подвержена влиянию Брексита. В данной статье рассматривается история приграничных отношений между государствами в течение последнего столетия, исследуются текущие британско-ирландские торгово-экономические связи и анализируются возможные последствия Брексита для Ирландской Республики.

Ключевые слова: Республика Ирландия; Соединенное Королевство; Северная Ирландия; Брексит; Брексит без сделки; Соглашение Страстной пятницы; ирландский “бэкстоп”.

Изучению потенциальных последствий Брексита в последнее время уделяется много внимания, данная тема затрагивается как в средствах массовой информации, так и в аналитических работах. Также актуальной темой является влияние Брексита на Республику Ирландию; исследование данного вопроса проводилось Институтом экономических и социальных исследований Ирландии (The Economic and Social Research Institute, no date), компанией Copenhagen Economics (Copenhagen Economics, no date), также тема освещалась в таких СМИ, как BBC (The British Broadcasting Company, no date), The Irish Times (The Irish Times, no date), The Telegraph (The Daily Telegraph, no date), Independent.ie (The Irish Independent, no date), Vox (News and opinion website “Vox”, no date), POLITICO Europe (POLITICO Europe News Media, no date), RT (Российский международный многоязычный информационный телеканал “RT”, б.д.), Коммерсантъ (Российская ежедневная газета “Коммерсантъ”, б.д.), РИА Новости (Российское агентство международной информации “РИА Новости”, б.д.) и в других.

Для того чтобы лучше понять политические разногласия, возникающие в связи с Брекситом, следует обратиться к истории. В 1920 г. британцами был принят акт, согласно которому остров был разделен на две части: Северную Ирландию и Южную Ирландию; им была предоставлена некоторая степень контроля над своими территориями, однако формально они являлись частями Соединенного Королевства. Начатая южными ирландцами война за независимость закончилась перемирием в 1921 г. В результате принятого в 1922 г. мирного договора было учреждено де-факто независимое Ирландское Свободное государство (на территории бывшей Южной Ирландии). Северная Ирландия осталась в составе Соединенного Королевства.

Ирландское Свободное Государство стало просто Ирландией в 1937 г., а после формально покинуло Британское Содружество и стало Ирландской Республикой в 1949 г. (Kirby, 2019). Таким образом, граница между Ирландией и Северной Ирландией стала международной. С течением времени

граница все больше укреплялась в связи с политическими разногласиями между Великобританией и Ирландией. Например, в результате торговой войны в 1920-х и 30-х гг. были введены таможенные проверки и ограничения на перемещение между странами.

Разделив остров на Северную Ирландию и будущую Республику Ирландия, Британия хотела отделить тех, кто был предан Великобритании от тех, кто твердо считал себя ирландцами. Но данное разделение не было совершенным и не соответствовало интересам тех, кто хотел видеть Ирландию полностью объединенной.

Общество Северной Ирландии по-прежнему не было единым, что стало особенно заметно в 1950-60-х гг., в частности, между католическим и протестантским населением. Эти две группы были часто обособлены друг от друга, они проживали в разных районах и учились в разных школах. Протестанты, по большей части являвшиеся юнионистскими активистами, преданными Соединенному Королевству, занимали господствующее положение в правительстве и управляли полицейскими силами Северной Ирландии.

Католическое меньшинство чувствовало себя изолированным и подвергалось дискриминации, в 1960-х гг. оно начало мирно добиваться расширения своих гражданских прав (Kirby, 2019). Однако к концу 1960-х гг. эти конфликты стали откровенно жестокими. В августе 1969 г. после столкновений между полицейскими силами Северной Ирландии, сторонниками Соединенного Королевства и католиками в нескольких городах возникли беспорядки. Британия направила туда своих военных для урегулирования конфликтов. Поначалу население Северной Ирландии приветствовало британскую армию, но чем дольше войска находились на ирландской территории, тем больше жители, особенно в католических общинах, возмущались их присутствием и действиями. На фоне созданного хаоса появилась Временная Ирландская республиканская армия (ИРА), целью которой было объединение Ирландии всеми способами. В ответ на это были сформированы военизированные ополчения (ополченцы-лоялисты), верные британскому правительству, в том числе Ольстерские добровольческие силы.

Это стало причиной так называемой Смуты (“the Troubles” (Cambridge Dictionary, no date)) – политического насилия, длившегося десятилетиями, отмеченного бомбежками, снайперским огнем, разрозненным и терроризируемым гражданским обществом. Ирландская граница стала фактическим и символическим полем боя во время Смуты. Британские власти упразднили гражданские переходы, чтобы усложнить процесс перемещения населения, опасаясь, что ИРА нашла убежище в Ирландской Республике. Граница была укреплена с помощью сторожевых вышек и контрольно-пропускных пунктов, – которые в итоге стали целью ИРА. Граница стала постоянным напоминанием о конфликте.

В 1990-х гг. проводились мирные переговоры, тем не менее, вспышки насилия продолжались. В середине 1990-х гг. активизировались многосторонние переговоры. Главным событием стало подписание Соглашения Страстной Пятницы (The Belfast Agreement, 1998) 10 апреля 1998 г., которое привело к политическому урегулированию конфликта, жертвами которого на тот момент стали уже более 3 600 чел. Благодаря данному Соглашению в Северной Ирландии был установлен механизм разделения власти, при котором и националисты, и юнионисты получили места в правительстве. Военизированные группировки согласились на разоружение в обмен на участие в демократическом процессе. Северная Ирландия была признана частью Соединенного Королевства, но в соглашении была прописана возможность голосования по пограничному вопросу в будущем. Открытая граница между Северной Ирландией и Ирландской Республикой стала неотъемлемой частью мирных переговоров.

Этого могло не произойти, но так как и Великобритания, и Республика Ирландия были членами Европейского союза, то на них распространялось действие Единого рынка ЕС (Single Market Factsheet, 2018), вступившего в силу в 1993 г., который установил свободное перемещение товаров, услуг, людей и капитала для всех стран-членов ЕС. Это означало, что хотя Северная Ирландия (являющаяся частью Соединенного Королевства) и Ирландская Республика – это два отдельных государства, в пограничных и таможенных проверках между ними нет необходимости. ЕС сделал открытую границу реальной, а также предложил готовый план действий по установлению мира.

В 2013 г. профессор DCU Business School Эдгар Моргенрот выступил с речью, в которой предвидел направления ирландской дискуссии по Брекситу: влияние на агропродовольственную деятельность и рыболовство; удар по малым и средним предприятиям, работающим на экспорт в Вели-

кобританию; уязвимость цепочек поставок в обоих направлениях; рост издержек и цен из-за таможенных проверок. Кроме того, он утверждал, что граница с Северной Ирландией снова станет “реальной”, а это может серьезно сказаться на мирном процессе и укрепить позиции диссидентов-республиканцев (Morgenroth, 2015). Летом 2014 г. команда ученых под руководством второго Генерального секретаря департамента Премьер-министра Ирландии Джералдин Бирн Нейсон представили свод проблем, с которыми может столкнуться Республика, если Великобритания выйдет из ЕС (Connelly, 2018).

В последние недели кампании по проведению референдума в Дублине велась интенсивная подготовка, чтобы в случае, если Британия решит покинуть ЕС, Ирландская Республика смогла показать своим гражданам и всему миру, что она может противостоять последствиям Брексита и, ни при каких условиях, сама не покинет ЕС (Connelly, 2018).

Немногие знают, что на референдуме по Брекситу в Северной Ирландии 56% (The British Broadcasting Company, 2016) голосовавших хотели остаться в составе ЕС. Большая часть националистов и треть юнионистов не поддерживали идею выхода из ЕС. Явка на выборах в Северной Ирландии была самой низкой в сравнении с остальной территорией Великобритании – всего 62.7% (The British Broadcasting Company, 2016). Так как доля Северной Ирландии в населении Соединенного Королевства крайне небольшая, то их голосование не оказало существенного влияния на итоговый результат референдума, который оказался противоположным интересам большей части ирландского населения. Кампания за выход из ЕС была сосредоточена в основном на иммиграционной проблеме и потенциальных экономических выгодах, а вопрос об ирландской границе упоминался мало.

Одной из проблем, с которой может столкнуться Северная Ирландия из-за Брексита, является то, что выход Великобритании из ЕС может подорвать Соглашение Страстной пятницы, которое положило конец многолетнему насилию. Брексит может привести к введению контрольно-пропускных пунктов на границе, что вызовет недовольство со стороны ирландских националистов. Ирландская националистическая партия Шинн Фейн вынесла предупреждение о будущем “гражданском неповиновении” в случае введения жесткой границы в связи с Брекситом (Dallison, 2017).

На ранних этапах переговоров по Брекситу британское правительство опубликовало ряд так называемых “позиционных документов” по ирландской границе, где утверждалось, что Великобритания не станет располагать никакую “физическую инфраструктуру” на границе, в том числе контрольно-пропускные пункты. Предполагалось, что новые технологии позволят регулировать торговые операции – товары будут просто просвечиваться перед отправкой, а проверки соответствия товаров стандартам качества удастся избежать. В течение переговоров ирландское правительство ясно дало понять, что им этого недостаточно, и пригрозило наложить вето на дальнейшие переговоры, если Великобритания не пообещает сохранить идентичные торговые стандарты между Северной Ирландией и Ирландской Республикой, которые сделают таможенные проверки ненужными.

Многие согласны, что необходим так называемый план бэкстоп до тех пор, пока не будет заключено более широкое торговое соглашение во избежание жесткой границы на ирландском острове. Демократическая юнионистская партия и некоторые члены Консервативной партии выступают решительно против “бэкстоп”, утверждая, что он может подорвать союз между Северной Ирландией и остальной территорией Великобритании. Они также полагают, что этот план может заставить Соединенное Королевство заключить таможенное соглашение с ЕС, которое не позволит ему вести собственную торговлю со странами, не являющимися членами ЕС.

Ирландия хочет сохранить тесные отношения с Великобританией после ее выхода из ЕС ввиду экономических причин: ради сохранения рабочих мест и взаимного процветания. Однако несмотря на существующий консенсус по данному вопросу, оппозиционные партии в Дойл (парламенте), Фианна Файл (Fianna Fáil) и Шинн Фейн (Sinn Féin) критикуют правительство Фине Гэл (Fine Gael) ирландского Премьер-министра Лео Варадкара за то, что они не прилагают достаточных усилий для подготовки к Брекситу без сделки (Harrison, 2019).

Хоть Брексит без сделки рассматривается многими как угроза, он все же открывает некоторые возможности. Так, например, по данным Управления по промышленному развитию, которое отвечает за привлечение прямых иностранных инвестиций в страну, в связи с Брекситом уже более 55 компаний перенесли часть своих операций из Лондона в Дублин (IDA Ireland, no date). Среди этих компаний были Bank of America, Barclays, Citigroup и Morgan Stanley. Тем не менее, есть опасения, что местные компании, которые, как правило, имеют более тесные экономические связи с Великобрита-

нией, чем транснациональные корпорации, могут серьезно пострадать (в особенности, если упадет курс фунта), что приведет к сокращению рабочих мест. Таким образом, ирландские экспортные товары станут менее конкурентоспособными, а британская импортная продукция – более дешевой, в результате чего у компаний возрастет потребность в государственной поддержке.

Ирландия особенно подвержена влиянию Брексита ввиду глубокой длительной интеграции ирландской и британской экономики. Помимо того, что оба государства являются членами ЕС, существует еще ряд причин, объясняющих уникальное воздействие Брексита на Ирландию:

- Общая граница и язык. Во-первых, Соединенное Королевство является ближайшим соседом Ирландии и единственной страной, с которой у нее общая сухопутная граница. Во-вторых, в обоих государствах говорят на английском языке.
- Общая экономика на всем острове. Эффективно функционирующая экономика острова с налаженной схемой маятниковой миграции и общими покупательскими предпочтениями, а также цепочкой создания стоимости, задействующей весь остров.
- Общая зона передвижений, которая существует между двумя государствами с 1920 г.
- Схожий потребительский спрос. С точки зрения потребления Ирландия и Соединенное Королевство рассматриваются как единый рынок со схожими предпочтениями и идентичной предлагаемой продукцией.
- Одинаковая правовая система. Действующая в Ирландии и Великобритании система общего права уделяет больше внимания уже принятым судебным решениям, чем система гражданского права, существующая в других европейских странах.
- Совместные торговые договоры. Предпринимательская деятельность на британо-ирландском рынке тесно интегрирована, что отражается на структуре многих компаний и прописано в основных торговых контрактах.
- Компании, работающие только на британский рынок. Как и во многих других странах, ирландские малые и средние предприятия (МСП) мало ориентированы на международную торговлю в сравнении с крупными компаниями. Для многих МСП Соединенное Королевство является главным и единственным рынком сбыта, поэтому они особенно подвержены воздействию Брексита.
- Так называемая британская связь с материком – торговый и пассажирский путь, соединяющий Великобританию и Европу (Францию). Две трети ирландских экспортных товаров поступают на европейские региональные рынки через этот торговый путь.

Следует рассмотреть отдельно сектора экономики, которые наиболее подвержены влиянию Брексита (Barrett et al, 2015):

- Агропромышленный комплекс, среди подсекторов которого производство полуфабрикатов, мясное и молочное производство находятся под наибольшим воздействием Брексита, чьи показатели к 2030 г. станут значительно ниже “добрекситного” уровня (Ireland & the Impacts of Brexit, 2018). На производстве зерновых, фруктов и овощей, лесном хозяйстве и рыболовстве Брексит тоже скажется негативно, но в меньшей степени. Влияние Брексита в агропродовольственном секторе обусловлено изменениями в тарифах, таможенных сборах и риске появления разногласий в нормативно-правовом регулировании.
- Химическое производство и фармакология являются крупнейшей статьей ирландского экспорта. К 2030 г. показатели этой сферы могут упасть на 1-5% ниже базового уровня “добрекситного” производства (Ireland & the Impacts of Brexit, 2018). В данном секторе влияние Брексита обусловлено ростом трансграничных издержек и вероятными расхождениями в нормативно-правовом регулировании.
- Электромашиностроение, где производится такое электронное оборудование, как компьютеры, телевизоры и средства связи, также является крупной статьей экспорта Ирландии. По прогнозам к 2030 г. производство в данном секторе упадет на 5-10% ниже “добрекситного” уровня (Ireland & the Impacts of Brexit, 2018). Главными факторами влияния Брексита в данной сфере являются таможенные издержки и риск несоответствия нормативно-правовой базы.
- Оптово-розничная торговля – важная сфера ирландской экономики. В результате изменений нормативных требований данный сектор может столкнуться с новыми производственно-сбытовыми издержками. Из-за Брексита может снизиться потребительский спрос, что нега-

тивно скажется на данной сфере (Schoof et al, 2015).

- В воздушно-транспортном сообщении с Соединенным Королевством тоже могут возникнуть существенные проблемы.

В данный момент сложно сказать наверняка, когда произойдет Брексит и как он повлияет на Ирландию и всю Европу. Брексит переносится на все более поздние даты, жители Великобритании желают провести новый референдум, мнения о политике Терезы Мэй расходятся, а последствия Брексита кажутся все страшнее. Поэтому можно предполагать, что Брексит может вообще не произойти. Ирландия же должна быть готова ко всем вариантам исхода событий, чтобы Брексит (или его отсутствие) прошел с минимальными негативными последствиями для Республики.

Библиографический список

- Российская ежедневная газета “Коммерсантъ”. URL: <https://www.kommersant.ru/> (Дата обращения: 13.03.2019) [Russian daily newspaper “Kommersant” [Rossiiskaya ezhednevnyaya gazeta “Kommersant”]. Available at: <https://www.kommersant.ru/> (Accessed: 13 March 2019)]. (In Russ.).
- Российский международный многоязычный информационный телеканал “RT”. URL: <https://russian.rt.com/> (Дата обращения: 12.03.2019). [Russian international television network “RT” [Rossiiskii mezhdunarodnyi mnogoyazychnyi informatsionnyi telekanal “RT”]. Available at: <https://russian.rt.com/> (Accessed: 12 March 2019)]. (In Russ.).
- Российское агентство международной информации “РИА Новости”. URL: <https://ria.ru/> (Дата обращения: 12.03.2019). [Russia's international news agency “RIA Novosti” [Rossiiskoe agentstvo mezhdunarodnoi informatsii “RIA Novosti”]. Available at: <https://ria.ru/> (Accessed: 12 March 2019)]. (In Russ.).
- Barrett, A., Bergin, A., FitzGerald, J., Lambert, D., McCoy, D., Morgenroth, E., Siedschlag, J., and Studnicka, Z. (2015) Scoping the Possible Economic Implications of Brexit on Ireland. Dublin: The Economic and Social Research Institute, Research Series No. 48.
- Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 16 March 2019).
- Connelly, T. (2018) Brexit and Ireland: The Dangers, the Opportunities, and the Inside Story of the Irish Response. London: Penguin Books.
- Copenhagen Economics. Available at: <https://www.copenhageneconomics.com/> (Accessed: 13 March 2019).
- Dallison, P. Sinn Féin Warns of ‘Civil Disobedience’ if Brexit Leads to Hard Irish Border. Available at: <https://www.politico.eu/article/sinn-f>
- Ireland & the Impacts of Brexit. Strategic Implications for Ireland Arising from Changing EU-UK Trading Relations. Available at: <https://dbei.gov.ie/en/Publications/Publication-files/Ireland-and-the-Impacts-of-Brexit.pdf/> (Accessed: 18 March 2019).
- Kirby, J. Brexit’s Irish Border Problem, Explained. Available at: <https://www.vox.com/world/2019/2/18/18204269/brexit-irish-border-backstop-explained/> (Accessed: 18 March 2019).
- Morgenroth, E. (2015) Economic Consequences for Ireland. Dublin: Institute for International and European Affairs.
- News and opinion website “Vox”. Available at: <https://www.vox.com/> (Accessed: 15 March 2019).
- POLITICO Europe News Media. Available at: <https://www.politico.eu/> (Accessed: 15 March 2019).
- Schoof, U., Petersen, T., Aichle, R., and Felbermayr, G. (2015) Brexit – Potential Economic Consequences if the UK Exits the EU. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
- Single Market Factsheet (2018). Available at: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/6ee5fa6b-95fd-11e8-8bc1-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-78276340/> (Accessed: 17 March 2019).
- The Belfast Agreement (the Good Friday Agreement). Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/136652/agreement.pdf/ (Accessed: 17 March 2019).
- The British Broadcasting Company (BBC). Available at: <https://www.bbc.com/> (Accessed: 14 March 2019).
- The Daily Telegraph. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/> (Accessed: 14 March 2019).

- fein-warns-of-civil-disobedience-if-brexit-leads-to-hard-irish-border/ (Accessed: 17 March 2019).
- Harrison, S. How is Dublin Preparing for a Possible No-deal Brexit? Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-46798191/> (Accessed: 16 March 2019).
- IDA Ireland. Available at: <https://www.idaireland.com/> (Accessed: 16 March 2019).
- The Economic and Social Research Institute (ESRI). Available at: <https://www.esri.ie/> (Accessed: 13 March 2019).
- The Irish Times. Available at: <https://www.irishtimes.com/> (Accessed: 14 March 2019).
- The Irish Independent. Available at: <https://www.independent.ie/> (Accessed: 14 March 2019).

Информация об авторе

Гимбицкая Татьяна Дмитриевна – магистрант II-го курса обучения по направлению «Зарубежное регионоведение» Института иностранных языков Российского университета дружбы народов. E-mail: 11saluttanya@gmail.com (ORCID: 0000-0002-3272-6848. ResearcherID: G-4871-2019).

Статья принята к печати: 30.04.2019

BREXIT: IMPACT ON THE REPUBLIC OF IRELAND

T. D. Gimbitckaia

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Abstract

There are numerous complicated periods in the history of Ireland-UK relations, from the war of independence and religious issues to the actions of paramilitary organization of IRA and border issues. Despite all the protracted conflicts, the two states managed to come to a consensus. The Good Friday Agreement and accession to the European Union settled Anglo-Irish political and economic relations. However, the decision of the United Kingdom to leave the European Union could jeopardize the established relations between the two states. The Republic of Ireland is considered a country with an export-oriented economy. Around 15 per cent of its exported goods and services are destined to the United Kingdom, and in certain spheres the UK is a major market for Ireland (for instance, approximately 40 per cent of all products of the agri-food industry is exported there). Due to the fact that Ireland has a high trade intensity with the United Kingdom, it is particularly susceptible to the impact of Brexit. The author starts with studying the historical and political background and the evolution of Anglo-Irish relations over the past century with the aim to reveal the impact Brexit might bring to the Republic of Ireland. Further on, the paper continues with research into the deep economic integration between Ireland and the UK, which explains the principal reasons for Ireland's high exposure to Brexit. Finally, the author indicates the key sectors of the Irish economy where the impact of Brexit would be especially large and explains what particular factors cause that vulnerability.

Keywords: Republic of Ireland; United Kingdom; Northern Ireland; Brexit; no-deal Brexit; Good Friday Agreement; Irish 'backstop'.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-93-98

СТРУКТУРЫ ПЛЕМЕННОГО СОЮЗА В АФГАНИСТАНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГОСУДАРСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Амини Абдул Рахман

Российский университет дружбы народов

Аннотация

Востребованность темы исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития Афганистана, когда формируется политический консенсус между противоборствующими силами в стране посредством международных участников, формируется новая государственность и рассматриваются аспекты внедрения института светскости в Афганистане, остро встают вопросы, которые могут оказать влияние на становление новой политической системы государства. Среди прочего, на политическую систему Афганистана ощутимо влияет сохранение племенных союзов, поэтому важное значение имеет изучение роли племен и племенных институтов в политической системе Афганистана и влияния этих структур на государство и образование политической системы.

Государство Афганистан и племенные союзы, которых в стране около 400 – взаимопроникающие социально-политические явления.

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время политическая система Афганистана требует кардинальных изменений: политическая обстановка в стране продолжает оставаться сложной и напряженной, а тенденция к обострению ситуации носит устойчивый характер. Поэтому поиск актуального ракурса развития политической системы Афганистана, в том числе за счет эффективного взаимодействия государства с племенными союзами, является одним из факторов урегулирования сложившейся ситуации.

Цель исследования – изучение роли племен и племенных союзов в политической системе Афганистана и степени их влияния на современную политическую систему страны.

Статья посвящена рассмотрению развития племенных союзов в Афганистане, племенных противоречий и поиску путей их взаимодействия с государством.

Ключевые слова: Афганистан; политическая система; государство; племенные союзы; племена; каум; хан.

Актуальность темы обусловлена тем, что сохранение в Афганистане племенных союзов, возникающие племенные разногласия и становление племенных союзов как одной из форм организации политической системы привело к тому, что племенная структура наложила отпечаток на современное государство и становление современной политической системы Афганистана. Племенные союзы в том числе определяют черты и свойства политической системы Афганистана и формируют ее особенности, которые могут выступать преградами для развития современного государства (Лалетин, 2008).

Степень изученности проблемы недостаточна, поскольку ей посвящено небольшое количество научных трудов. Межэтнические отношения в Афганистане затрагивает монография Босина Ю.В. "Афганистан: полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте" (Босин, 2002). Лалетин Ю.П. рассматривает племена и государство в Афганистане как идеальную модель политических систем некоторых стран Западной Азии (Лалетин, 2008). Мирзоев С.Т. считает, что этническая неоднородность в Афганистане, возникающие межэтнические, межплеменные и межконфессиональные противоречия являются важным дестабилизирующим фактором (Мирзоев, 2017). Политическую роль племен в период державы Дуррани описал Ганковский Ю.В., который отмечал,

что они являлись способом организации политического пространства (Ганковский, 1958). Воскресенский А.Д. в своей книге анализировал политические системы и политические культуры Афганистана (Воскресенский, 2007).

Методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, моделирование, классификация, сочетание исторического и логического анализов, мысленный эксперимент. В исследовании применены следующие подходы: антропологический, психологический, социально-психологический, критико-диалектический, сравнительная методология.

Основные черты и универсальный характер племени

Племена представляют собой социальные группы со своим уникальным происхождением, культурой, языком и обычаями. Основаны на родственных связях, особенностях ведения хозяйства и клановости. Универсальный характер племен проявляется в том, что они очень жизнеспособны: легко адаптируются к новым условиям и находят свое место при слабом государстве и классовом обществе (Воскресенский, 2007).

Племя регулирует все стороны общественной жизни, по сути являясь универсальной социально-политической организацией. Наиболее эффективны племена при небольшой численности населения (например, у горных поселений).

Племенное деление свойственно всем этносам Афганистана: в стране существуют около 400 племен. Наиболее значительным племенем в Афганистане являются пуштуны, которые составляют более 40% населения страны (Лалетин, 2008). У пуштунов племенная идентичность всегда доминировала над этнической. Поэтому талибы в Афганистане зывали больше к некоторым пуштунским племенам, особенно к гильзаям (Воскресенский, 2007).

В 1747 г. был создан прообраз государства Афганистана главами пуштунских племен, что наложило отпечаток на особенности государственности Афганистана во все периоды его деятельности. Неэффективность правительства, свобода пуштунских племен, приверженность к особым группам – все эти особенности характеризовали Афганистан в течение всего периода его существования. Эти черты и сегодня придают уникальный характер политической системе Афганистана (Воскресенский, 2007).

Власть внутри племенных союзов не носит институционального характера. Наследование и родство по отцу для каждого афганца играет первостепенную роль. Афганец, связанный с предшественниками по отцовской линии, принадлежит к особому сообществу, клану, этнической группе – кауму. Каумы представляют собой центры власти, которые существуют независимо от любой государственной власти. Они возникают на основе территориальной общины (клана). Кровнородственные связи продолжают играть в Афганистане значительную роль из-за задержки политического развития общества. Кроме генеалогии, отношения власти в кауме основаны также на патронаже (покровительстве). Данные характеристики каума определяют все стороны жизни племени (Воскресенский, 2007).

Главой племени является хан, его власть зависит от консенсуса в кауме. Задача хана в племени – объединить несколько семей племенного союза в единое социально-политическое пространство. В качестве хана каум воспринимает только того, чьи предшественники были ханами. Институт хана также, как и сам каум, основан на генеалогии и патронаже (Воскресенский, 2007). В XIX в. ханов стали избирать из старшего или ханского рода. В результате к XIX в. в Афганистане термин "хан" приобрел два значения: глава племени и влиятельный в племени человек (Ганковский, 1958).

В начале XX в. в Афганистане появляется новый политический институт – малик. Он олицетворяет собой хана, которого признает государство как главу племени. Он же входит в состав государственной власти. Задача малика – представлять племя в отношениях с государством и другими племенами (Воскресенский, 2007).

Особенности организации всех сторон общественной жизни в кауме способствуют безопасности, спокойствию и устойчивости внутри него. В результате каумы стали неформальными центрами организации социально-политического пространства, внутри которых развиваются отношения патронажа лидеров племени. Такие отношения создают группу поддержки вокруг лидера и определяют общественно-политический климат в Афганистане: следование не идеям, политическим программам и политическим институтам, а лидерам племени. Поэтому позиции местных лидеров влияют на политическую ситуацию в Афганистане. Для успешной реализации любых реформ правительству Афга-

нистана необходима, в первую очередь, поддержка со стороны лидеров племен (Воскресенский, 2007).

Таким образом, исторический ракурс темы исследования показывает, что в Афганистане государство было создано ханами племен, поэтому и само государство сохранило черты племенного союза (где у племен сохраняется особое положение), заимствовало племенные институты, а общество оказалось пронизано клановыми отношениями и отношениями патронажа, носящими племенной характер (Лалетин, 2008).

Анализ текущей ситуации в стране показывает, что в настоящее время племена уже играют роль не столько племен, сколько племен-наций, т.е. национальное самосознание активно начинает набирать обороты. Сейчас значимую роль играют 4 крупных племени-нации: пуштуны, таджики, турки (узбеки, туркмены и т.д.) и хазарейцы.

Влияние племен на общество и государство в Афганистане

Все попытки образования государства в Афганистане свидетельствуют о необыкновенной жизнеспособности структур племенных союзов, они отлично приспосабливаются к меняющейся ситуации. Так, в период конституционного становления Афганистана в (1963–1973 гг.) лидеры каумов становились депутатами парламента и создавали политические партии, что обеспечивало племенным союзам новые политические ресурсы и новые возможности получения средств для политической деятельности (Воскресенский, 2007).

В Афганистане до 1978 г. глава государства использовал исторический опыт и функции ханского руководства: был властителем, которому общество делегировало власть над группами и одновременно выполнял функции посредника между ними. И в настоящее время правительство, этнорегиональные элиты и полевые командиры получают ресурсы и распределяют их между различными политическими силами, племенами, кланами и т.д. (Воскресенский, 2007).

Своя независимая от государства система регулирования в племени, которая основана на традициях, с элементами ислама, лишь подчеркивает то, что племя выполняет функции, которые альтернативны функциям государства. Основные задачи государства (установление порядка, защита территории, организация хозяйственной жизни, разрешение спорных вопросов и др.) племя выполняет более эффективно, поэтому государство для племенного союза не играет никакого значения. Таким образом, в сознании племени государственная власть выступает как чуждая и враждебная (Воскресенский, 2007).

У племен Афганистана всегда существовала военная организация, причем каждое племя противостояло остальным. Благодаря этой военной организации племенные союзы сохранили собственные формы организации и даже в настоящее время остаются достаточно независимыми. Это нашло свое отражение в пуштунвале – своде законов, философии, кодексе чести пуштунских племен, который не зависит от государства и сохраняет большую значимость для племен Афганистана.

Сегодня Каумы распространились и на общенациональном уровне. Они оказались встроены и в современные государственные институты, не собираются уступать свои позиции и на современном этапе развития Афганистана. Каумы со своими независимыми и специфическими правилами представляют собой помеху для эффективных государственных реформ в Афганистане, поскольку в стране доминируют не политические факторы, а кровно-родственные связи и отношения патронажа (Мирзоев, 2017).

Современная стратегия каума состоит в установлении выгодных для себя отношений с государством. Такие отношения являются основой социальной организации современного Афганистана: большая часть населения связана между собой племенными связями, оставшаяся часть – семейными. Так, депутатами в Нижней палате Парламента Афганистана в 2005 г. стали лидеры многих кланов, групп, партий и фракций, которые представляют интересы своих племен. Около половины мест в Нижней палате получили полевые командиры – лидеры традиционного племенного типа (Лалетин, 2008).

Рассмотрим взаимоотношения племенных союзов с государством и их влияние на политическую систему Афганистана.

Сохранение Афганистаном черт племенного союза стало важной предпосылкой влияния племенной структуры на государство. Создание Афганистана ханами племен обусловило могущество

ханов и особое положение племен. Образовался уникальный союз государства и племенных союзов, который в то же время характеризуется противоборством правительства и племенных ханов (Лалетин, 2008).

Племенные союзы одновременно находятся и во взаимосвязи и в противодействии с государством.

Государственная власть так и не добилаь ощутимого воздействия на племенные союзы. Государство и племенные союзы не смогли подавить друг друга, и в результате оказались связаны друг с другом и стали поддерживать друг друга. Однако данное взаимодействие противоречиво, так как государство и племена по своей сути разнородны.

У племен всегда были особые отношения с правительством, они охраняли свой жизненный уклад, быстро мобилизовались для его защиты. Пуштунские племена составляли политический противовес правительству. Попытки правительства захватить независимость племен приводили к социальным потрясениям, что отразилось на слабости правительства и неудачах проводимых реформ. Сохранение племенной структуры в государстве тормозит любые правительственные реформы (Лалетин, 2008).

В настоящее время племена афганцев постепенно теряют кровно-родственные черты, национальное самосознание активно начинает набирать обороты.

В настоящий момент Афганистан проходит период становления президентской республики, основанной на принципах демократии, рассматриваются вопросы внедрения института светскости государства (Barry et al., 2007). Однако в этом вопросе не удастся обойтись без влияния племенных союзов. Слабость сегодняшнего правительства в том числе вызвана тем, что большинство членов правительства не имеют поддержки в обществе Афганистана, так как долгое время находились за границей (Лалетин, 2008). Для реализации любых реформ правительству Афганистана нужна, в первую очередь, поддержка со стороны племенных лидеров.

Рассмотрим взаимосвязь межплеменных структур и государственных институтов на современном этапе: как происходит кооптация племенных вождей в государственные структуры.

Так, экс-президент Афганистана Хамид Карзай (годы президентства 2004–2014) до сих пор остается одним из самых влиятельных политиков Афганистана. Он возглавил Афганистан во многом потому, что был вождем одного из самых мощных кланов в главном племенном союзе у пуштунов, основного народа Афганистана (клан карзай племени попользай дурранийского племенного союза). В середине осени 2001 г., когда начался процесс формирования новой власти, Хамид Карзай оказался в центре внимания и как политик-пуштун, и как видный представитель племенной знати. Американцы сделали на него ставку и привели его к власти. Потом с этим "выбором" смирились и другие племена и народы Афганистана.

Однако у данного президентства были и свои противоречия: США и их союзники надеялись, что Хамид Карзай установит порядок в стране, однако этого не произошло, вскоре произошел резкий взлет наркоторговли, в т.ч. из-за родственных связей президента. Еще одним провалом бывшего президента стала неспособность сломить вооруженное сопротивление бойцов движения "Талибан" и отсутствие экономического роста в стране.

Действующий с 2014 г. президент Афганистана Ашраф Гани родом из этнического племени пуштун из клана Джебархель, крупнейшего из кланов Ахмадзаев. Большая часть его сознательной политической жизни прошла в США, но несмотря на это, в его сознании до сих пор преобладает племенное мировоззрение и свойственная ему тенденциозность.

Во время его президентства многие отмечают неэффективность правления: чрезмерная опора на Запад, незнание реалий жизни афганского общества, племенное соперничество, эфемерные и неэффективные программы, тенденциозность и узость кругозора.

У Ашрафа Гани возникают разногласия с бывшим президентом Хамидом Карзаем, причина которых кроется в давней вражде между племенными союзами гильзай и дуррани.

Также А.Гани считает Х.Карзая слабой фигурой не только с точки зрения профессионализма. По его мнению, бывший президент не оправдал ожиданий в плане управления соперничеством между племенами. А.Гани убежден, что талибы никогда не договорятся о мире с Х.Карзаем, потому что большая часть их представлена выходцами из гильзай.

Таким образом, напрашивается вывод, что власть и авторитет в племенных союзах Афганистана дает автоматический выход на высокие государственные должности, однако не обеспечивает эффективного руководства страной.

Данные противоречия предлагается решить следующим образом. В новой политической системе Афганистана должны быть представлены все 4 племена-нации: пуштуны, таджики, тюркоязычное население (узбеки, туркмены и т.д.) и хазарейцы. Если интересы всех основных племен Афганистана будут учтены на уровне власти, это может значительно увеличить эффективность взаимодействия племенных союзов и правительства и снизить приток данного населения в террористические организации.

Библиографический список

- Андреев, С. (2004) 'Афганистан: страна без государства', *Политический журнал*, 31 (34), с. 59. [Andreev, S. (2004) 'Afghanistan: a country without a state' [Afganistan: strana bez gosudarstva], *Politicheskii zhurnal*, 31 (34), p. 59. (In Russ.)].
- Бисмиллах, М. (2013) 'Конфликт в Афганистане: международно-правовая модель урегулирования', *Право и управление. XXI век*, 4, сс.145–149. [Bismillah, M. (2013) 'The Afghanistan conflict: an international legal settlement model' [Konflikt v Afganistane: mezhdunarodno-pravovaya model' uregulirovaniya], *Journal of Law and Administration*, 4, pp. 145–149. (In Russ.)].
- Босин, Ю. В. (2002) Афганистан: полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. Москва: Гуманитарий. [Bosin, Yu.V. (2002) *Afghanistan: a multi-ethnic society and state power in a historical context* [Afganistan: polietnicheskoe obshchestvo i gosudarstvennaya vlast' v istoricheskom kontekste]. Moscow: Gumanitarii Publ. (In Russ.)].
- Воскресенский, А. Д. (ред.) (2007) Политические системы и политические культуры Востока. Москва: АСТ: Восток-Запад. [Voskresensky, A.D. (ed.) (2007) *Political systems and political cultures of the East* [Politicheskije sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka]. Moscow: AST: Vostok-Zapad Publ., 829 p. (In Russ.)].
- Воскресенский, А. Д. (ред.) (2008) Конфликты на Востоке этнические и конфессиональные. Москва: Аспект Пресс. [Voskresenskii, A.D. (ed.) (2008) *Conflicts in the East: ethnic and religious* [Konflikty na Vostoke etnicheskie i konfessional'nye]. Moscow: Aspekt Press Publ. 289 p. (In Russ.)].
- Ганковский, Ю. В. (1958) Империя Дуррани. Москва: Издательство Восточной Литературы. [Gankovskii, Yu. V. (1958) *Durrani Empire* [Imperiya Durrani]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury Publ. (In Russ.)].
- Катков, И. Е. (1987) Центральная власть и пуштунские племена (значимость и актуальность историко-политического анализа). Москва: Наука. [Katkov, I. E. (1987) *Central government and Pashtun tribes (significance and relevance of historical and political analysis)* [Tsentral'naya vlast' i pushtunskie plemena (znachimost' i aktual'nost' istoriko-politicheskogo analiza)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)].
- Лалетин, Ю. П. (2008) Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии. Москва: МГИМО (У) МИД России. [Lalotin, Yu. P. (2008) *Tribe and state in Afghanistan: an ideal type (model) of the political system in a number of Western Asian countries* [Plemya i gosudarstvo v Afganistane: ideal'nyi tip (model') politsistemy ryada stran Zapadnoi Azii]. Moscow: MGIMO University Publ. (In Russ.)].
- Мирзоев, С. Т. (2017) Афганистан: вызовы и угрозы. Душанбе: Ирфон. [Mirzoev, S. T. (2017) *Afghanistan: challenges and threats* [Afganistan: vyzovy i ugrozy], Dushanbe: Irfon Publ. (In Russ.)].
- Dani, A. H., Litvinsky, B. A. (1996) 'The Kushano-Sasanian Kingdom' in: Litvinsky, B. A. (ed.) *History of civilizations of Central Asia. Volume III. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750*. Paris: UNESCO Publishing, pp. 103–118.
- The Asia Foundation. *Afghanistan in 2012. A Survey of the Afghan People* (2012), p. 182.
- Zeimal, E. V. (1996) 'The Kidarite Kingdom in Central Asia' in: Litvinsky, B. A. (ed.) *History of civilizations of Central Asia. Volume III. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750*. Paris: UNESCO Publishing, pp. 119–133.

Информация об авторе

Амини Абдул Рахман – аспирант, Российский университет дружбы народов. E-mail: amini.ab@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-9180-7384. ResearcherID: C-6376-2019).

Статья принята к печати: 30.04.2019

**TRIBAL UNION STRUCTURES IN AFGHANISTAN AND THEIR INFLUENCE
ON THE STATE AND FORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM**

Abdul Rahman Amini

RUDN University

Abstract

At present, Afghanistan is going through a rather special period of its development: through the efforts of international participants, there is being formed a political consensus between the opposing forces, a new state is being build, the aspects of introducing the institution of secularism in the country are being considered. Within this context, there are some thorny issues that can have an impact on the formation of a new political system of the state. All this, taken together, makes the topic under study relevant today.

Among other things, the political system of Afghanistan is significantly affected by the preservation of tribal alliances. Therefore, it is important to study the role of tribes and tribal institutions in the political system of the country and the influence of these structures on the state and the formation of the political system.

The state of Afghanistan and tribal unions (with about 400 of those existing in the country) are interpenetrating socio-political phenomena.

At the moment, the political system of Afghanistan requires fundamental changes: the political situation in the country continues to be complex and tense, and the tendency to aggravate the situation in the country is strong. The search for a proper perspective in the development of the political system in Afghanistan, including through an effective interaction with tribal unions, is one of the factors in the settlement of the current situation.

The research aims to study the role of tribes and tribal institutions in the political system of Afghanistan, the degree of their influence on the modern political system of the country.

The article deals with the development of tribal unions in Afghanistan and the search for ways of their interaction with the state.

Keywords: Afghanistan; political system; state; tribal unions; tribes; kayum; khan.

УДК-32(470.53)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-99-114

'BILBAO ON THE KAMA'? THE PERM CULTURAL PROJECT AND ITS CRITICS (PART 2)

Douglas Rogers
Yale University

Abstract

The following text is the second part of the Chapter 8 of Douglas Rogers's book *The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism* (Cornell University Press, 2015). The first part was published in the previous issue of the journal. The review of the book was published in the journal in 2017, No. 2. It is a prominent study of the 'Perm cultural project', one of the most important events in regional politics over the 2000s. We publish this text with the kind permission of the author and the publisher.

Keywords: cultural policy; art; oil; business and politics.

Miracles and Heroes of Culture

For Chirkunov's team, Cultural Revolution was less a domain of conceptions and plans than a domain of resolute action: any attempt to work through the existing, outmoded state cultural and bureaucratic channels was, they believed, doomed to fail. The Perm Cultural Project would thus need to rely in significant part on outside, contracted cultural managers and on seizing opportunities as they arose, without waiting for broad public consultation or the buy-in of the regional cultural intelligentsia. "Now is the time," Marat Gel'man was fond of saying, "for miracles and heroes" in the cultural sphere. Training a new generation of Perm-based cultural managers and producers was, to be sure, part of the plan, but that task would have to wait for later stages.

Indeed, the Perm Cultural Project team was acutely aware how rare and unusual was the vein of regional state funding that they had tapped. As Boris Mil'gram put it in one of his first major speeches on the issue, "I said earlier that we don't have any specific competitive advantage with other regions. That was a mistake! We do! We have a liberal-thinking governor, and that is already a resource." One of the lower-level members of his team voiced agreement in one of my conversations with her: "In addition to the stable financial situation [provided by regional budget allocations], we had a terrific administrative resource—the governor himself, who opened up an umbrella over all our cultural projects." But Oleg Chirkunov served at the pleasure of the president of the Russian Federation, and it was unlikely that the Perm Cultural Project would extend past his governorship; in fact, because the project was so closely identified with Chirkunov's office, his successor was likely to pursue a very different agenda for the region, just as Chirkunov had quickly distanced himself from Governor Trutnev's signature Capital of Civil Society campaign.

One primary hallmark of the Perm Cultural Project was thus the breakneck speed at which it unfolded. Public art installations sprang up overnight in central city spaces, sometimes entirely without warning—such as the *Power* installation outside the Legislative Assembly building discussed in the introduction.¹ One of the project managers brought in from outside of Perm recalled to me her shock at the pace:

Marat [Gel'man] said that we had very little time and would not work according to the schedules to which we were accustomed. I said that in the beginning we need to do research, plans, presentations, and so on. He said, "No, no, no, we are doing things differently: break ground first, then carry out the project, then dream."

It was, she reported, exhilarating to be freed of the normally sluggish bureaucracy. Although she and

¹ On the reception of some of the Perm Cultural Project's initiatives in the city, see especially Kruglova, 2013.

nearly everyone I spoke with agreed with Gel'man that this kind of pace was necessary in order to get anything accomplished at all, they also agreed that, in retrospect, this speed was an important reason that the Perm Cultural Project became so controversial.

Culture Everywhere

After its start at PERMM, the Perm Cultural Project played out across a great many cultural domains simultaneously. Among the most visible of its dimensions was a large, state-funded public art campaign, run out of the Perm Museum of Contemporary Art, with the explicit goal of moving contemporary art outside of the walls of the museum and directly into the squares and streets of Perm. In the introduction to the definitive catalog of the dozens of public art projects realized in Perm, Gel'man wrote of this effort in the context of Governor Chirkunov's long-term plans to develop the city of Perm into a modern, European city. Those urban redesign plans would take a long time to realize, "but people needed to see something concrete right now, an improvement in the present, not in some distant future. Real visible changes needed to start right away" (PERMM, 2011: 6–7). Through high profile installations such as *Power*, *Red People*, and *Apple*, as well as dozens of other smaller projects ranging from commissioned graffiti on crumbling Soviet-era facades to a series of painted angels that began to appear on balconies scattered throughout the city center, residents of Perm would immediately feel themselves connected to the transformation of urban culture and space in a new way. At the very least, they would be drawn into debates and discussions about what constituted art, the appropriate use of government funds and city spaces, or the meaning of the headless wooden red figure with a raised arm—was it voting?—that appeared perched atop the regional administration building. On this enthusiasm (or at least engagement) a new era of economic development could ride.

Projects like PERMM, the new Hammer Stage experimental theater, and public art installations were often cast in a language of urban rather than regional development, and so one of the questions that followed the Perm Cultural Project throughout its life was whether it was focused exclusively on the city of Perm or on the Perm region as a whole. The primary way in which the Perm Cultural Project did extend throughout the region was through increased regional funding for and coordination among festivals. According to Russia's official region numbering system—most commonly encountered on license plates—the Perm region was Russia's fifty-ninth. This number provided Mil'gram's Ministry of Culture with the inspiration for a new, region-wide program: Fifty-Nine Festivals for the Fifty-Ninth Region. All manner of festivals—from film festivals in Perm itself to new and revived district-level and local festivals up and down the Perm region—were eligible to be included. In 2010, this program featured twenty festivals billed as regional, an additional twenty-seven classified as intermunicipality collaborations, ten as interdistrict, and two as international. Only fifteen took place primarily in Perm, with the remainder spread throughout the smaller cities and districts of the Perm region.

These festivals were not only allocated new and ample funds for their own celebrations, but also were periodically invited to exhibitions of the entire Fifty-Nine Festivals project and other celebrations in Perm. Delegations from many of these festivals appeared onstage in succession, for instance, at the annual celebrations of City Day in Perm—held on the same June Day as the national Russia Day holiday. Under the auspices of the Perm Cultural Project, arrangements like this began to reconfigure the spatial organization of culture that had, since the beginning of Lukoil-Perm's Historical Cities of the Kama River Region festivals in 2001, been closely keyed to the geography of the oil industry. The entire region, that is, rather than primarily its constituent oil-producing districts, was transformed in the festival space. "The territory of creativity is expanding," proclaimed the Perm Cultural Project's promotional materials.

Public art installations and the Fifty-Nine Festivals movement—and many more dimensions of the Perm Cultural Project as well—came to a collective, spectacular crescendo in June 2012, when the Ministry of Culture sponsored a month-long "festival of festivals" called White Nights in Perm. An open poke at the legendary White Nights celebrations held during the longest summer days of the year in Saint Petersburg, White Nights in Perm was a month-long marathon of morning-to-evening cultural events designed to "create favorable conditions for living in and visiting Perm and the Perm region, and for the self-realization of individuals."¹ White Nights in Perm was overwhelming by design. It boasted a total of 750 events; just one of its numerous constituent festivals, the Perm Alive festival of contemporary art, included 165 events in five days. The vast majority of the considerable bill for White Nights in Perm was picked up by the regional administration, with a substantial contribution from the Perm city budget as well. With the festival taking place on

¹ "Polozhenie o Provedenii Festivalia 'Belye Nochi v Permi,'" see www.permfest.com/about/polozenie. January 23, 2012.

the doorstep of its headquarters, and with many of its features in line with the company's own goals, Lukoil-Perm contributed around a fifth of the White Nights in Perm budget—30 million rubles in 2012—and many other local businesses signed up as sponsors as well.¹

At the center of White Nights in Perm was a fenced-in Festival Village erected in front of the Regional Administration building on Perm's esplanade. Just over three hectares in size, the Festival Village included two small and one large out-door stages for concerts and other performances; numerous alleys for small shops and displays; two restaurants and two cafés; and a Festival Club for nearly fifty planned discussions and presentations. In order to cope with inevitable summer muddiness, boardwalk-style walkways were constructed to funnel crowds from space to space; they were repainted white nearly every night. Booths arrayed along-side these walkways provided spaces where folk artisans and other culture producers could display and sell their wares, and the grassy spaces between the walkways hosted small-scale performances and exhibitions, from clowns to blacksmiths. Everywhere there were nooks and crannies—many of them in two massive towers at one end of the Festival Village—where little exhibits or performances sprang up. Most stunningly to many observers, there was even a “festival beach”: a large circular pool, suitable for dozens of children at a time, erected within a raised platform that could accommodate hundreds of sunbathers. Showers and changing rooms were located in a sandy area beneath.

For nearly a month, events of all sorts were scheduled for all hours of the day in the Festival Village. One day was devoted to folkloric performances by all the national and cultural groups represented in the Perm region; with each folklore troupe permitted only a few songs, the benches and walkways of the Festival Village were crowded with groups of mostly elderly women in costume awaiting their turns on stage. In a variation on the same take on the location of culture, another day featured a five-hour stretch in which the wedding celebrations of the national groups of the Perm region—from Chuvash to Russian to Tatar to Udmurt to Jewish—were showcased one after another. Many of these performers had experience with, and even owed their initial funding to, Lukoil-Perm's sponsorship of festivals and handicrafts earlier in the decade. In this context, however, those forms of corporation-sponsored cultural production were subsumed into the goals of the Perm Cultural Project. In the evenings, as buses carrying elderly folk-lore performers made their ways back to the region's rural districts, disc jockeys and pop groups from all over Russia took over the main stages. A delegation of more than 250 performers arrived from Mexico for a festival of Mexican Days in Perm, and dance and musical troupes hailing from places from Moscow and Saint Petersburg to Italy and Zimbabwe performed on those same stages on other days. Less than a hundred yards from the folklore performance stage hung exhibits from the Russian Povera art collection in a temporary exhibit space for PERMM.

Every hour or so when the Festival Village was open, teams of two or four young men and women would appear at the tops of the two tall towers that flanked the main entranceway from the Perm esplanade into the Festival Village. Clad all in white and standing in formation, they would raise red semaphore-style flags, one in each hand, and go through series of signals in unison (see fig. 13). The friends and acquaintances with whom I walked through the Festival Village often commented on the flag signals, but, as far as we could tell, there did not seem to be a regular coded message to be deciphered. Less important than decoding precisely what they were signaling, it seems to me now, was the direction in which they signaled. From the highest point in the Festival Village, they looked down Perm's central esplanade, out beyond the Perm-2 railway station, in the direction of Moscow and, beyond that, to the cultural capitals of Europe. Perm, they signaled repeatedly, is here.

On one of the festival days in early June 2012, I attended a public interview with Boris Mil'gram in the Festival Village's club, where he was presented by the interviewer as “one of the main creators of the whole idea of festival life in Perm in the format we see today.” In answer to a series of questions, Mil'gram presented the White Nights in Perm Festival as clearly emerging from his life in the “zone of unexpectedness” and creativity that was the world of stage theater. “I didn't always want to change Perm, but it seems to me that theater can change life. . . . It's possible to look at the [Festival] Village and believe that we live in an excellent city and that *therefore* the roads will be repaired and the apartment buildings will change—in *that* order, and not the other way around.” White Nights in Perm was, he said, a “model for life” that, if one

¹ Precise state budget figures for the White Nights in Perm festival are hard to come by. Official regional expenses were in the neighborhood of 150 million rubles, but that number is likely quite low as a total budget figure, given the numerous other sources and lines of funding that underwrote the festival's many elements.

believed in it, “could be found all the time”—not just in the summer festival months. But that model for life did not feature much in the way of Russian political figures or political parties—the hundreds of events in the Festival Village were directed, rather, at the creative transformations of individual lives and urban space.

By the organizers’ reckoning, over half a million people visited the White Nights in Perm Festival Village in June 2012. Many more attended other associated events and productions nearby, such as a sold out run of *Scarlet Sails*, a romantic musical that was a White Nights staple in Saint Petersburg. Among my friends and acquaintances, it was clear that a number of skeptics had finally been won over, at least to the point where they—and especially their children—were enjoying the nightly possibilities for strolling and entertainment. “We’ve gotten used to [the Perm Cultural Project] now . . . even to the crazy public art,” said one friend. “Five or six years ago,” said another, “there was nowhere to go in Perm . . . and now you can’t possibly make it to everything interesting.”

Against State Culture

I returned to the Festival Club tent ten days later for the opening of a workshop for cultural managers from other regions of Russia who had come to network and learn about how to stage large-scale cultural projects. Boris Mil’gram was again one of those welcoming the guests, and, as a way of orienting them, he drew an explicit contrast between the Festival Village and the celebrations of City Day in Perm that had taken place at the other end of the esplanade a couple of days earlier, on Russia Day, June 12. Perm’s city administration, he said, had decided that it needed its own separate celebration, one that included more standard and familiar elements: welcoming words from the mayor, a parade of representatives from different city districts, each presenting their district’s distinctive characteristics, a subsequent parade of companies and other groups (with Lukoil-Perm’s large contingent taking the lead), participation from regional representatives of the United Russia Party, and a long set of musical numbers. Mil’gram pronounced the entire affair “a monstrosity” and continued:

It’s just that state power (vlast’) wants to present itself, wants to create something around itself. If you just want to present yourself, then why are the people even there? [If that’s what you want to do, then] the best way is to do it like Putin. Empty roads, just a camera. Present yourself to the whole country and move on. It’s great. Everyone understands. There’s the tsar. And even if you do want to add the people in, why would you contaminate the whole thing with such an awful concert when here [in the Festival Village] we have good ones?

This comparison resonates well with similar kinds of statements in the official vision of the Perm Cultural Project. In the understanding of its architects, that is, the Perm Cultural Project, in all its various incarnations and especially in their intersection in the White Nights in Perm Festival, had moved some significant distance from the modes of cultural production that had focused on the legitimation or sacralization of the federal state, whether Soviet-era or Putin-era.¹ It is certainly useful to understand, as many have, the grand Russian cultural spectacles of these years—up to and including the Opening Ceremonies at the Winter Olympics in Sochi—as contributing to the fetishization of the Russian state and its embodiment in the person of president Vladimir Putin, but we must also acknowledge that these Russia-wide cultural spectacles unfolded in dynamic relationship with many other possibilities, and even cross-currents, at regional and local levels. In the same way that I showed for regional state agencies and regional corporate subsidiaries in previous chapters, the central Russian state apparatus was far from in control when it came to the regional cultural field in Perm and the Perm region. Indeed, many of governor Chirkunov’s most vociferous critics wished, at least at times, that the cultural field *was* more centralized, for they regularly appealed, without success, to the federal Ministry of Culture to shut the Perm Cultural Project down and send Gel’mán, Mil’gram, and their colleagues packing. But even these critics, when asked about what they would prefer to see in the sphere of culture, did not wish for more federal projects or more centralization. They sought an alternative sort of region-based cultural production, one that marked its own careful distance from the federal center.

¹ In their focus on creativity, entrepreneurship, and economic development, the architects of the Perm Cultural Project also avoided talk of *kul’turnost’*, “culturedness,” despite its centrality to Soviet (Kelly, 1999) and post-Soviet (Patino, 2008) discourse. Many people in Perm did talk about the Perm Cultural Project in these terms, but these conversations lie outside the scope of my present argument.

The Cultural Opposition

In 2009, I ran into an old acquaintance who had spent most of her career working in a Perm museum and asked about what were then the early stages of the Perm Cultural Project. “We have a new minister of culture,” she said, “who says that it’s his job to make the people of Perm smile.” She added acidly: “They’ll be laughing soon enough.” The most vocal source of discontent with the Perm Cultural Project was what was usually referred to as the “local intelligentsia”—a mixed and shifting set of cultural producers that is more internally diverse and contentious than the label implies (see esp. Fadeeva, 2011). (Not surprisingly, perhaps, those affiliated with Perm’s vibrant theater scene were less critical of Boris Mil’gram than, for instance, either the museum workers or music school instructors with whom I spoke.) Although the wide array of artists, writers, and other cultural producers that took up the cause against the Perm Cultural Project had not objected much to the entry of Lukoil-Perm into the cultural field or to the independent Kamwa festivals, the opening of the Perm Museum of Contemporary Art and what they viewed as the takeover of the regional Ministry of Culture by the Perm Cultural Project provoked a sustained response that was vigorously reported by regional newspapers and endlessly debated on blogs and in public forums. Like the European Capital of Culture campaign in Skopje, Macedonia, studied by Andrew Graan, the Perm Cultural Project also “authorize[d] citizens to demand responsible representation and to leverage the branding process to agitate for alternative conceptions of the social order” (Graan, 2013: 165). Unlike the Macedonian case, however, critiques of the Perm Cultural Project were largely about center–region relationships. They also continued to proceed through institutions, languages, and expectations shaped by the regional oil complex.

One of the first and most acrimonious battles came in 2009, and it drew in a number of Perm’s most prominent post-Soviet businesspeople, politicians, and cultural producers in ways that illustrate the continuing centrality of various aspects of the regional oil industry to cultural production. Recall that, by the mid-2000s, Andrei Kuziaev (of the Perm Commodity Exchange, Perm Financial- Productive Group, and Lukoil-Perm), Evgenii Sapiro (Perm Commodity Exchange “godfather,” former deputy governor, and Lukoil-Perm adviser), and Iurii Trutnev (former governor) had all left their 1990s and early 2000s positions in Perm regional political and economic circles and moved up to the federal level in Moscow— Kuziaev at Lukoil Overseas Holding, Sapiro as his freelance consultant, and Trutnev as Russia’s minister of natural resources. In addition to their day jobs in Moscow, the three were among the key members of the Moscow-based Perm Fraternity (Permskoe Zemliachestvo), a network of expatriates from the Perm region who were dedicated to improving the region’s image in the capital (and, at the same time, maintaining a hand in regional affairs from afar). In addition to its ongoing center–region networking possibilities, the Perm Fraternity launched a new initiative in 2006: the annual Stroganov Prizes, meant to honor contributions to the life and image of the Perm region in a number of categories, ranging from sport to economic life to culture. Nominations were accepted each year in all categories, with a panel of experts making a recommendation to the leadership of the fraternity. Winners were decided in secret, by an unnamed committee, and awarded the ruble equivalent of \$10,000 at a gala celebration.

The earliest Stroganov Prizes for achievement in culture and art were uncontroversial. The 2006 prize went to the novelist Aleksei Ivanov for his bestselling and acclaimed *The Rebellion’s Gold, Or Down the Craggy River*, a historical novel based in late eighteenth-century Perm province (and about which more below). In 2007, the prize went to Georgii Isaakian, director of the Perm Opera and Ballet Theater. No prize in the culture category was awarded in 2008. However, following the opening of the Perm Museum of Contemporary Art, the Perm Fraternity announced that the 2009 Stroganov Prize for achievement in the field of culture would be given to Marat Gel’man. The announcement provoked an immediate and intense backlash. Novelist Aleksei Ivanov quickly declared that, if Gel’man were actually awarded the Stroganov Prize, he would return his inaugural 2006 prize in protest. Newspaper editorial pages, local academics, cultural producers, and politicians of all stripes lined up on either Gel’man’s or Ivanov’s side—the first in a set of running battles that lasted through the end of the Perm Cultural Project years later. In the narrow matter of the Stroganov Prize, Andrei Kuziaev personally brokered a compromise. Ivanov agreed to keep his award in name, but donated his prize money to the Stroganov museum complex in Usol’e. Kuziaev matched his donation with a personal contribution of the same amount. For his part, Gel’man agreed to donate his prize monies to opening a House of Photography in Perm, a project that would be led by Andrei Bezkladnikov, a Perm photographer who was at that time living in Moscow and who Gel’man hoped to woo back to Perm as another element of the Perm Cultural Project.

The Stroganov Prizes constituted a new arena of cultural competition and distinction in the Perm region. The world of cultural prizes and competitions and their intersection with capitalist sponsors has long been noted in studies of cultural politics inspired by Pierre Bourdieu (e.g., Bourdieu, 1993) and other cultural sociologists, but it was as new to the Russian cultural scene as were Lukoil-Perm's grant competitions in the mid-2000s. It brought with it a new field for cultural debate and competition and a new way in which capitalist corporate as well as state interests intersected in the sphere of regional cultural production, consumption, and evaluation. It is notable, then, that even as Chirkunov's Perm Cultural Project sought new directions for regional culture and economy, some of the key final arbiters of how distinction was allocated hailed, in fact, from the state-corporate field of the previous governor, despite the fact that its key players had been transplanted to Moscow. Even without direct sponsorship, Lukoil-Perm remained a powerful arbiter as the regional cultural field stretched out over the Moscow-Perm axis, and it did so, once again, under the aegis of the Stroganov name.

Echoes of the Russian oil complex were also to be found in the substance of critics' objections to the Perm Cultural Project. One of the chief complaints registered by Aleksei Ivanov and his fellow critics about Marat Gel'man's Stroganov Prize, for instance, was that neither PERMM nor the growing Perm Cultural Project was designed to benefit Perm at all. The evidence for this was to be found in the very nature of Chirkunov's team and the times and places in which they operated. In this view, the Perm Cultural Project was primarily a conduit for Moscow-based culture producers like Marat Gel'man to siphon money out of the regional budget at a time when Moscow was no longer as lucrative a place as it had been in the early 2000s. As Igor Averkiev put it in the opening pages of a lengthy dissection of the Perm Cultural Project published in a regional newspaper and on the Perm Citizens' Chamber's website in late 2009, "Perm has become an attraction for Moscow and international creative types who are bored and broke in the [global] economic crisis. . . . [They want] to ride out these crisis years under the administrative and financial wing of Permian power structures."¹

These critics pointed out that the entire project seemed to emerge from a very specific personal network and to come precisely as the mid-2000s Russian oil boom was stalling. Moreover, many of the management contracts for the Perm Cultural Project were going to Moscow-based firms, and most of the artists and performers were not from Perm either. Moreover, after the widely acclaimed and admired Russian Povera exhibit, many residents of Perm told me that subsequent shows at PERMM were second hand (*sekond khend*) or factory seconds (*shtok*)—kinds of art that were no longer wanted or appreciated in more prestigious locales like Moscow and were therefore being dumped on an unsuspecting Perm. A traditional focus of the regional Ministry of Culture—the development of new musicians, artists, performers, and cultural managers through a network of local schools and institutes—was suddenly neglected in favor of large, spectacular, expensive, and short-term projects that never seemed to include artists from Perm. The Perm Union of Artists and the Professional Union of Culture Workers were thus in the forefront of the opposition, and they demanded attention to Perm-based artists, artwork, and the schools and institutions dedicated to producing more of them. Gel'man had little patience in response: "Look at the Pinault Museum in Venice or the Guggenheim in New York—are there lots of Venetians and New Yorkers [on display] there?"²

Given all this, and the fact that Chirkunov, Gel'man, Mil'gram, and Gordeev all had preexisting friendships and other ties, it could therefore be deduced that the Perm Cultural Project was the coordinated effort of a network interested in seizing power and profit for its own gain, innovative only in that culture was an unexpected corner of the state budget in which to attempt this. In this view, the Perm Cultural Project was just a new twist on the familiar practice of Muscovite raiding: This time, instead of wealthy Muscovites coming to the provinces in search of privatization deals and companies to acquire when possibilities had diminished in the capital, the raid was taking place on the terrain of culture, which had gone through a similar, somewhat delayed, trajectory of boom and bust in Moscow and whose leading practitioners were looking for new arenas of profit making. Some version of this accusation was quite commonly mentioned to me in conversations with all sorts of friends and acquaintances. Anthropologist Anna Kruglova (personal communication) reported a succinct version to me from one of her own interviews with a Perm-based culture worker:

¹ Igor Averkiev, "Permskii Kul'turnyi Puzyr'," part 1, *Novyi Kompan'on*, September 29, 2009.

² "Marat Gel'man Protiv Alekseia Ivanova," *Russkii Portret*, July 19, 2009. Available at: URL: http://rupo.ru/m/1743/marat_gelyman_protiw_alekseya_iwanowa.html.

[The Perm Cultural Project team] has created a product that has no relationship to reality, but sucks perfectly real money out of the budget. Why is that happening now? Because people have appeared who aren't able to steal metallurgy, but know how to steal culture.

As I learned more about the 1990s raids and deals in the oil sector discussed in previous chapters, I began to try out my own twist on this understanding of events with my interlocutors. This might be a similarity, I would agree, but the difference between the periods was that in the 1990s, a powerful coalition of local business- men and state administration officials stood up to the corporate raiders from big Lukoil, leading to the compromise that produced ZAO Lukoil-Perm and OOO Lukoil-Permneft and retained control over important circuits of regional exchange and their ties to senses of Permianness. This time around, I went on, it seemed as though Perm's cultural producers had no analogous champions in regional business or state administration. It was, in fact, precisely those local officials— Chirkunov and Mil'gram—who allied themselves with the powerful outsiders. Among opponents of the Perm Cultural Project, this was a narrative that entirely fit with their understanding of what was happening; "Yes," one of my interlocutors replied immediately to my framing, "[Chirkunov and Mil'gram] were just kidnapped by those Muscovites." I have noted that the Perm Cultural Project's architects assiduously avoided what they saw as cultural production that served the legitimating ideological purposes of the state on the model of either the Soviet period or the Putin era. It is interesting that, for the most part, their critics conceded this point: there were few objections that the cultural project was glorifying or sacralizing the regional state apparatus or Oleg Chirkunov personally. Instead of seeing state abstractions accomplished by state-led cultural production, critics saw a specific Moscow-Perm coalition pursuing its own interests at the expense of the Perm region as a whole (see also Leibovich and Shushkova, 2011).

To be sure, those on the inside of the Perm Cultural Project disputed that significant money from Perm tax receipts was going to Moscow, emphasizing that the permanent collection at PERMM was being assembled by an array of businesspeople and that even the renovation of the River Station Hall was financed in good part by Senator Gordeev. This was private money serving a public good, they maintained, and, in any case, the long-term economic benefits to the Perm region—whether from other subsidies and sponsorships or a coming culturally focused economic boom—would far outweigh any budget outlays. Culture, they said, remained far and away the cheapest part of the budget in which to encourage economic growth. I have no reliable budget figures to cite that could prove the accuracy of either side; the point, rather, is that many of the debates and conflicts in the cultural field borrowed language, concepts, and expectations that stuck closely to patterns familiar from an earlier epoch of struggles over regional values in a federal system—one that configured oil, regional cultural distinctiveness, and state-corporate alliances in ways both similar and different.

Much the same could be said of another critique of the Perm Cultural Project, an essay called "The Perm Cultural Bubble," by Igor Averkiev, a noted human rights activist and organizer in the Perm region whose writings were widely read by local intellectuals. In this essay, Averkiev argued that the rise of interest in contemporary art—around the world but especially in Russia—was an outcome of the commodity and speculative booms of the 2000s:

The virtual-speculative economy of financial bubbles and pyramids, which has driven the global economy to today's sorry state, must find its reflection in culture. . . . Contemporary art, like the bubble economy, lives in the airless space of synthetic symbols and thoughts, where real "consumer prices" are determined not by objects, images, and feelings, but by opinions about them, or more accurately, "the status of opinions in the system of opinions." "The virtual economy" and "contemporary art" are, in fact, both speculative constructs. . . . In any speculative model, the consumer is an insubstantial figure, because the "market operators" have found a way to manipulate the continuum of supply and demand to their own ends (remember the pre-crisis history of oil prices). . . . The price of culture (in the sense of fine arts) in Perm is now overstated and must collapse, just like oil prices, and with the same consequences.¹

¹ Igor Averkiev, "Permskii Kul'turnyi Puzyr'," part 2, *Novyi Kompan'on*, October 6, 2009. Averkiev uses the term *aktual'noe isskustvoe* rather than *sovremennoe isskustvo*; although specialists.

Although the article is without footnotes or other references, this element of Averkiev's critique belongs to a family of approaches to culture and finance capital taken by a number of Marx-influenced scholars, among them Frederic Jameson, who writes that "the problem of abstraction—of which this one of finance capital is a part—must also be grasped in its cultural expressions" (Jameson, 1997: 252). The Retort collective, drawing on Guy Debord's famous dictum that "the spectacle is capital accumulated to the point where it becomes an image" (Debord, [1967] 1977: 34), likewise posits a newly salient relationship between accumulation strategies in and around the global oil industry and a newly intense, highly abstracted, "battle for the control of appearances" (Retort, 2005: 31) that was central to the attacks of September 11, 2001, and the ensuing U.S. War on Terror.

I am less concerned with whether these ways of linking oil and images of various sorts are, in general germs, analytically accurate than with drawing attention to the ways in which this brand of critique was deployed in the context of Perm's ongoing cultural upheavals. Averkiev's critiques of conceptual art as a speculative system and his invocations of pyramid schemes and fluctuating oil prices, like criticisms of PERMM as an instance of culture raiding, are notable because they extended into a new era the kinds of regional debate over the relationship between oil and Permianess that began in the early 1990s with petrobarter chains and fuel veksels and moved to Lukoil-Perm's CSR projects and state-run grant competitions in the early 2000s. In all these cases, materiality and abstraction, region and center, and Permianess and non-Permianess formed the grid on which claims and counterclaims were made about what it meant, and what it should mean, to live in the Perm region. Moreover, various elements of the regional oil complex continued to inflect regional sensibilities—it was on this grid that the Perm region continued to be fashioned as an oil region, even by those who sought other paths for it.

Landscapes, Matrices, Spines: Aleksei Ivanov's Urals

Averkiev's "Perm Cultural Bubble" begins by noting that even if some of the projects on which Chirkunov's team had embarked were attractive and welcome, the Permian land (*Permskaia zemlia*) was "not native [*rodnoi*] to them. . . . They just use it, and sometimes trample it."¹ The essay winds down on a similar point, noting that if Oleg Chirkunov had been governor of any other region, that region would have become Russia's next aspiring cultural capital. That is, if *The Perm Project* was a region-based challenge to the center, it had nothing to do with the Perm region in particular, and that was the problem: "They don't care where—they are indifferent to the place on the map. But *we* are not indifferent." Averkiev went on to argue for a kind of contemporary change that *was* place-based: "The world is changing in different ways—not only in globalization but also in the rapidly growing regionalization of national territories. New and mighty regional centers are forming everywhere."²

In fact, the "Perm Cultural Bubble" opens not only with critique, but with a grudging, "Thanks for the Summons"—a summons to help imagine a place for culture in the Perm region different from that proposed by Chirkunov and his team. Nearly all opponents of the Perm Cultural Project had a long list of counterproposals for the development of culture in the region, and, indeed, claimed that regional cultural producers had long been at work on them only to have their efforts interrupted and diverted by the Perm Cultural Project (see, e.g., Karzarinova and Abashev, 2000; Nikitina, Ustiugova, and Chernysheva, 2001). Perm Animal Style as a brand, the independent Kamwa festivals, and the field of "Permistika" as explored by V. V. Abashev and collaborators based at Perm State University (e.g., Abashev, 2008) were all cited to me as region-based alternatives. The most popular alternative, however, was a set of cultural projects proposed by novelist and culturologist Aleksei Ivanov. Academics I met referred me to Ivanov's culturological essays (often enough with warnings about their historical accuracy), librarians slipped his work into my hands when I asked about contemporary regional studies, and he also edited a series of books and collections called *Perm as Text* that brought together region-based fiction and nonfiction by a range of authors. Ivanov's numerous novels, which had gained local and national fame even before the Perm Cultural Project began, were always prominently on display in Perm's bookstores. I focus on projects associated with Ivanov because they were perhaps the most widespread, in part due to his sheer productivity and in part due to his willingness to engage in frequent, public, and contentious disputes with Chirkunov's team.

¹ Averkiev, "Permskii Kul'turnyi Puzyr'," part 1.

² Igor Averkiev, "Permskii Kul'turnyi Puzyr'," part 3, *Novyi Kompan'on*, October 13, 2009.

Regional Magical Historicism

Aleksei Ivanov was born in 1969 in Nizhnii Novgorod, but his family moved to the Perm region in 1971, and he eventually studied journalism at Urals State University. He worked as a tour guide and local historian on the Chusovaia River in the Perm region between 1992 and 1998, and many of his later projects featured careful, detailed descriptions of rivers, mountains, and landscapes of the Perm region that he had come to know intimately. Ivanov's first novel, released to significant critical acclaim in 2002, was *Heart of the Uplands* (Ivanov, [2002] 2012), set in and around fifteenth-century Cherdyn, capital of Perm Velikaia—the Principality of Great Perm, a Komi-Permiak feudal state in what is now the north of the Perm region. The novel traces the bloody and ultimately unsuccessful effort by the Permian Prince Mikhail to resist annexation by Ivan III, grand prince of all the Rus (known to historians as “gatherer of Russian lands” and founder of the Russian state).¹ *Heart of the Uplands* tells the historically familiar story of annexation and early Russian state formation largely from the perspective of the annexed, including Komi and Mansi tribes, their warriors and shamans, and indeed the Permian lands themselves. We learn in the book's very first pages, in a scene-setting conversation between a warrior prince and a shaman, that the Rus-Novgorodians have come “because they want our riches . . . and in addition to our treasures they also want all our land” (Ivanov, [2002] 2012: 16). Ivanov's *The Rebellion's Gold, or Down the Craggy River* (Ivanov, [2006] 2012), published in 2006, takes place almost entirely on and around the Chusovaia River in the immediate aftermath of the chaos and confusion that followed the Pugachev Rebellion of 1773–74; its protagonist is a river barge operator searching for gold stolen by Pugachev. This novel, too, is about the reestablishment of central Russian state power in the wake of disorder and challenges to state sovereignty.

Ivanov's work can certainly be read as a commentary on Russian life after the parcelization of sovereignty and chaos of the 1990s (Kukulin, 2007). The main character in *The Rebellion's Gold* is, after all, nicknamed Perekhod—“transition.” As Ivanov frequently recounted in media interviews at the time, *Heart of the Uplands*, too, could be read as a critique of the reemergence of central Russian state power in the late 1990s and early 2000s. This was not necessarily what he set out to write, Ivanov claimed, but, given the centuries-long historical pattern in which Muscovites come to the Perm region in search of land and riches for themselves, it could hardly have been otherwise. With these novels already popular in the region, Ivanov had a ready-made critique of Chirkunov's team that he did not hesitate to deploy far and wide: the precedents for Muscovite raiding of Perm and Permian cultural distinctiveness went back centuries, and were foundational to the establishment of the Russian state. The Gordeev-Gel'man raid was a story as old as Russia itself.

But Ivanov's novels captured regional imaginations for reasons other than historical analogy to present-day patterns of state formation. His books are filled with lengthy, detailed descriptions of the landscape, especially of the rivers and mountains of the Perm region that Ivanov himself came to know so well through his own travels. His characters often reflect on the entwined nature of humans and their surroundings, and he borrows liberally from the mythologies of Finno-Ugric tribes to create and animate otherworldly actors. Spirits and witches, gods and demons, and enchanted objects are everywhere in his pages—participants in the battles, tempters and lovers of the protagonists, and casualties of Russian Orthodox missionaries. Perm-based literature scholars and semioticians V. V. Abashev and M. P. Abashev (Abashev and Abashev, 2010), in fact, see Ivanov primarily as a poet of the landscape, drawing on Roman Jakobson, Rudolph Otto, and a long Russian literary tradition to show numerous ways in which the materiality of the Perm region itself participates in the action of the novels.

Ivanov's novels, wrote one of his popular press interviewers, “turned Perm into a magical land with a living history.”² The mystical inhabitants of Ivanov's novels are not alone in contemporary Russian literature, where they find good company with the supernatural Others and vampires of Sergei Lukianenko's *Night-watch* series (e.g., Lukianenko, 1998; 2000), the time-traveling werewolves and werefoxes of Viktor Pelevin's *The Sacred Book of the Werewolf* (Pelevin, 2004), and numerous other tales of the undead, the resurrected, or the quasi-human.³ Alexander Etkind (Etkind, 2013: 220–42) has appropriately termed this writing magical historicism to distinguish it from the magical realism of postcolonial literature and situate it in

¹ *Heart of the Uplands* was actually the second of Ivanov's major works, but his first, *The Geographer Drank Away His Globe* (Ivanov, 2005) (later made into a major movie filmed in the Perm region), did not find a publisher until after the success of *Uplands*.

² Konstantin Mil'chin, “Rossia: sposob sushchestvovaniia,” *Russkii Reporter* 39 (167), October 10, 2010.

³ The Perm region is not the only oil region visited by such quasi-human beings and forces on the field of cultural production; see Atkinson 2013 on vampires and the United States Gulf Coast in the wake of BP's *Deepwater Horizon* oil spill.

the specificities of the post-Soviet moment. Against this backdrop, Ivanov's work is remarkable in part because its magical historicism is relentlessly regional, laboriously carved into the landscape of the Perm region. The world conjured in Ivanov's texts is, moreover, to be encountered not only between the covers of a bestseller, but also through river tours, festivals, new museums, and extreme sports—all projects in the Perm region in which Ivanov was personally engaged, all projects that unfolded, at least in 2009–12, as parts of an explicit challenge to the abstractions of Chirkunov's Perm Cultural Project.¹

After the success of *Heart of the Uplands*, for instance, Ivanov worked with the district administration in the Cherdyn district of the northern Perm region to host a large and successful series of outdoor festivals by the same name in 2006–9. The festivals attracted many thousands of guests, who were treated to all manner of games and events drawn from the era described in the book. The festival's name was later changed to The Call of the Uplands: An Ethno-Landscape Festival, and began to attract many of the same young people as the Kamwa festivals—nearly twenty thousand of them in 2011. Indeed, Ivanov himself was an occasional contributor to Kamwa projects (see Ivanov, 2008) and some of the Kamwa organizers I met expressed their hope that the new festivals with historical themes picked up from Ivanov's novels would replace the Kamwa festival as it wound down.

“The Urals Matrix” and Ivanov's Cultural Projects

In 2008, Ivanov began supplementing his fiction with a series of culturological essays, the most widely known of which was called “The Urals Matrix” (Ivanov, 2009). These essays lay the groundwork for *The Spine of Russia*, a major television series and accompanying large-format book of photographs and text (Ivanov, 2010a; 2010b). The overarching claim of these culturological projects—the closest there was to an explicit countermanifesto to the Chirkunov team's *The Perm Project*—was that the Urals region presents a sui generis configuration of many elements, both natural and human—a matrix. This matrix has structured and informed life in the Urals, including in the Perm region, for centuries, and it can be traced explicitly from the present day back to the time of Ermak, whose famous sixteenth-century expeditions “opening” Siberia were launched from Perm. The term “matrix” itself is indicative of the kind of history that Ivanov wants to project. In the first place, this history is, in keeping with the original Latin meaning of matrix, generative: it gives birth repeatedly across the centuries to a particular and identifiable lineage of complex forms—political, economic, social, and cultural. Matrix is also appropriate because of the term's long history of use in paleography and geology, where it indicates the rocks onto which fossils attach themselves, and metalworks of various sorts—from industrial stamping to the casting of figurines. The long geological history of the Perm region, along with its deposits of salt, potash, coal, copper, oil, and the mines, factories, and factory towns that have grown up to exploit them, are at the heart of Ivanov's vision of the Urals as a mining civilization.

In Ivanov's view, several elements and characteristics of this matrix recur throughout history in new configurations—a result of enduring landscapes and, to no small extent, enduring mentalities. The Urals have always been, and continue to be, a meeting place of difference: between Europe and Asia, among Christianity and Islam and paganism. The “genetic code” (Ivanov, 2010a: 201) of this matrix is the landscape of the Urals itself: its rivers, mountains, mineral deposits, and the ways that all these elements channel and enable the movement and organization of human settlements. The meetings that take place on this landscape, Ivanov argues, lead to personal and historical transformations that have recurred again and again in the history of the Urals. The mixing of Finno-Ugric paganism and Christianity, for instance, yielded the Permian gods, hauntingly beautiful wooden sculptures of Christ, now housed in the Perm State Art Gallery, that are quite specific to the Perm region and exceptional because sculpted images of the divine are generally not permitted in Eastern and Russian Orthodoxy. Another recurrent theme in the history of the Urals is expansive local sovereignty: the tendency for industrial leaders to strike deals with central power that create domains of power within domains of power (*derzhava v derzhave*). The Stroganov and Demidov families, both of which had special concessions from the tsar for their factories and other operations in the Urals, are the archetypal cases of this expansive local sovereignty. The 1990s–2000s privatization schemes and oligarchs of the post-Soviet period, in Ivanov's view, are their most recent incarnations.

Especially in the popularizations of Ivanov's perspectives on the Urals that make up *The Spine of Russia*, the point of attending to the Urals matrix in this way is to convince the viewer/reader to understand

¹ On Ivanov's novels and cultural projects as a seamless whole and part of a larger effort to seek out the “cultural-symbolic self-determination of Russian territories,” see Abashev and Firsova, 2013.

not just the Urals, but all of Russia differently. Ivanov argues that it was in the Urals that Rus became Russia—it was through Ermak's encounters in the Urals, he notes, that the famous explorer turned from raiding brigand into settler in the service of the tsar. We find out, in fact, that many firsts were accomplished in the Urals: the samovar was actually invented in the Urals; the first steam engine was produced in the Urals (although its importance and potential were not recognized by its builders); Russian business started in a small (now abandoned) accounting office; Russian fairy tales owe many of their characters and plots to the myths of the old Perm region, including those associated with Perm Animal Style. The first island in the Gulag Archipelago, too, is to be found in the Urals. All these firsts are the children of the Urals matrix, the precipitate of centuries' worth of encounters and entanglements on the landscapes of the Urals. They are the contributions, good and bad, of the Urals region to larger Russian history and identity. This combination of identity, distinctiveness, and generativity is, Ivanov insists, premised on the provinciality, the noncentrality, of the Urals within Russia. It is, in his view, because the Urals are a meeting place, and have been for centuries, that so many innovations and departures in Russian history can emerge here. To declare that a capital of anything might be found or constructed in the Urals is, therefore, *precisely* to miss the importance of the Urals as noncentral and peripheral. This was the point that Ivanov again and again drove home in his public and vocal opposition to Chirkunov's European Capital of Culture campaign.

Academic historians of the Perm region have not always agreed with the details and particulars of Ivanov's historical and culturological analyses; in my own view, they surely attribute too much to mentalities and abstract, underspecified historical and personal forces that can explain any and all things. As I noted in the introduction, they clearly neglect local historical consciousness. It is, nevertheless, in good part because of its sweep and ability to tell a new and coherent story about the Urals, one discoverable in the landscapes of the Perm region, that Ivanov's work gained such a following and spread across so many platforms. Survey research by Abashev and Firsova (Abashev and Firsova, 2013) revealed that 25 percent of the residents of Cherdyn had read Ivanov's *Heart of the Uplands*, set five centuries earlier in their hometown, and 81 percent had participated in one way or another in the eponymous festival that Cherdyn began hosting in 2006. Nearly 35 percent of surveyed travel agents in the Perm region agreed that Ivanov's work had significantly and positively influenced the image of the Perm region among tourists.

For all his disagreement with the Perm Cultural Project, though, Ivanov's corpus of works ended in a similar place: for the postindustrial Perm region, he believed, marketing cultural brands and historical distinctiveness was the way forward.¹ Ivanov was not, however, much of a supporter of folk handicrafts production and fairs in the manner of Lukoil-Perm. His proposed answers also include tourism, but tourism of the sort that includes river tours, outdoor sports, and long hikes that pass through old factory towns. One of the three main hosts for the television-series version of *The Spine of Russia* is Iulia Zaitseva, an extreme sports enthusiast. The historical excursions and commentaries provided by Ivanov and journalist host Leonid Parfenov are interspersed with Zaitseva demonstrating the ways in which tourists might experience the Perm region and the larger Urals. After Parfenov and Ivanov discuss and trudge along one of the imperial-era roads running through the Perm region, for instance, Zaitseva notes that it is easiest to traverse these roads these days in a four-wheeler, and we see her churning through the mud. Zaitseva shoots rapids in a catamaran, climbs towering factory smokestacks in the latest mountaineering gear, views archaeological sites from a hot-air balloon, and drives a tunneling machine through salt mines. The series concludes with the trio passing an old factory town, which Ivanov informs viewers is in the process of becoming a dacha settlement—a place used for leisure rather than work. Leisure, he says, is the latest trend for the Urals as a whole.

Ivanov himself had been engaged in a multiyear effort to turn the old town of Kyn, in the Lys'va district, into a new tourist destination. He helped win the designation of Perm Regional Cultural Center for Kyn in 2010, and, in the same year, opened the tourist program Kyn-Reality that combined lessons in the history of Kyn as an exemplary Urals factory town with rafting excursions on the Chusovaia River in the summer or snowmobile excursions in the winter. In his public disputes with the Perm regional administration, Ivanov often held up Kyn as an alternate model of regional cultural development for tourism, one that would benefit

¹ On other nation- and culture-branding efforts in the postsocialist world, see Dzenovska, 2005; Jansen, 2008; and Marat, 2009. My analysis here has its closest kinship with Manning and Uplisashvili, who write that, "Brands, like the commodities they are attached to, are material semiotic forms whose circulation defines a broader social imaginary, . . . whether it is the market, the nation, or the empire that in part gives them meaning" (2007, 628; internal reference omitted).

the region rather than the federal center and would provide tangible infrastructural benefits right away—especially a new road linking Perm and Sverdlovsk—to handle increased tourist traffic.

Ivanov's Oil

The production and refining of oil occupies a minor place in Ivanov's conceptualization of the Urals: among the many items emerging from the subsoil charted in "The Urals Matrix" and the television version of *The Spine of Russia*, oil is not mentioned directly—either in its discovery in the twentieth century or its contemporary significance. There is a single page devoted to oil production in the book version of *The Spine of Russia*, and it deals with the Republic of Bashkiria, further south of the Perm region in the Volgo-Urals oil basin. Indeed, it is not especially clear where oil fits into the model of "mining-metallurgical civilization" that Ivanov outlines; the section on Bashkiria only situates oil in relationship to the broader dynamics of the Urals matrix in one way—by noting that, in Bashkiria, oil became the resource around which the proposal for a sovereign Bashkortostan was floated in the 1990s.

Strikingly, however, oil does feature in another way—in its circulation through the Urals and the Urals matrix *as oil*, rather than as money. Early on in the television version of *The Spine of Russia*, at the end of a discussion of the sixteenth-century trading routes that formed one element of the Urals as a meeting place at the time, the following exchange takes place between Parfenov and Ivanov:

Parfenov: It turns out that sable coat was our barrel [i.e., unit of measure] of the sixteenth century.

Ivanov: Yes, it was a natural currency of that epoch. There were four in all.

Parfenov: So, Russian furs, American gold . . .

Ivanov: . . . Chinese silk, Indian spices. That is, furs were the oil of the sixteenth century.

The illustration on the screen at this point is as significant as the dialogue. It is a colorful ink drawing by Moscow-based artist Il'ia Viktorov, a frequent collaborator of Parfenov's, that depicts Russian traders posing proudly next to a wooden barrel overflowing with sable coats. Above the pair and their barrel, in block letters, is the word "fur"; in stylized lettering and ornamentation on a gold banner below, the words "oil of the sixteenth century" appear.

A later segment of the film employs a similar strategy. In a discussion of the ironworks of the imperial era, a time when, Ivanov argues, the Urals became the blast furnace of world civilization, the film discusses the intricate system by which cannons and other products produced in the factories of the Stroganovs and Demidovs made their way to the rest of Russia. In the winter, iron products were stacked at docks along the Chusovaia River, waiting for the spring thaw, when they would be loaded onto wooden barges. After the ice had cleared from the river, and spring melting had raised water levels, a series of artificial ponds near factory towns was released into the river in a carefully orchestrated sequence. The combination of melting snow and released pond water created a rolling flood that sent scores of heavily laden barges careening along the Chusovaia to central Russia.

Parfenov explains this system to the viewer via analogy to the circulation of oil in the present day: "If you compare a factory to an oil well, then the Chusovaia River is a pipeline, and the dock is a valve. Whoever sits on the pipe and turns the valve rules over all." The visual accompanying this comment is another Viktorov ink drawing, this one showing the Chusovaia River snaking through the Perm region. The river, though, is encased in a pipeline (see fig. 14). In the foreground, the top half of the pipeline is cut away, revealing barges stacked with iron products passing through a large valve, with a massive horizontal on-off wheel atop it. At the valve sits an unidentified Russian noble in full fur and boots and hat, Gulliver-sized by comparison to the barges and people, slowly cranking the wheel as the barges float through on their way west to Moscow. Once again, the Russian nobles of the old Perm region are reincarnated as oil magnates.

Two things are significant about these images of oil in the television version of Ivanov's *The Spine of Russia*. First, the exchange and circulation of oil is the background assumption, the terms in which other aspects of history—the fur trade or barge transport—can be best explained to a wide television audience. Fur is the oil of the sixteenth century; river transport by barge is the oil pipeline of the Stroganov era. There could scarcely be a better indication, I think, of the ways in which images and vocabularies from Russia's oil complex have worked their way into everyday discourse about history and culture. Second, circulating oil is presented *not* as abstracted circulating money, but as a natural currency and as a specific, material, regionally produced object under the control of a local notable and moving through the landscape of the Urals. The

1990s era of pervasive petrobarter exchanges crisscrossing the Perm region may have faded by 2010, but when *The Spine of Russia* reached for a way to showcase the distinctiveness of the Perm region in the context of the Russian federal state over the long term, it arrived in a familiar place: the nonmonetized exchange and specifically Permian characteristics of oil.¹

* * *

The chapters of part III have traced a cultural field shaped in significant part by the political economy of the Russian oil complex at a regional level, a field in which the low-labor, high-profit, highly spatialized nature of the oil industry, along with the material properties and transformational potentials of that complex—and of oil itself—again and again had crucial implications for cultural projects and possibilities. Lukoil-Perm's Connections with Society Division, other energy sector and independent cultural projects, Governor Chirkunov's Perm Cultural Project team, and the many projects of Aleksei Ivanov and his fellow travelers all sought to put the Perm region on the map of Russia and the world. They disagreed vehemently about how to do so, but they were all in- habitants of an institutional, discursive, and material field that was powerfully shaped by the oil complex of twenty-first-century Russia.

Oleg Chirkunov resigned his post as governor of the Perm region in April 2012, and even as I walked through the White Nights in Perm Festival Village that summer, word was circulating that the Perm Cultural Project would quickly wind down without its chief cheerleader. Speaking with an employee of the Perm Museum of Contemporary Art one day in 2012, shortly after Chirkunov's resignation, I asked whether Lukoil-Perm would ever sponsor an exhibit at the museum, perhaps stepping in to help if state funding dried up under the next governor. "No," she replied, using the familiar lexicon of depth, oil, space, and cultural production:

Lukoil completely distances itself from us. Lukoil supports only that which relates to classical [art]. It's a resource economy, you understand . . . it's to their advantage to support Ivanov, who mythologizes the subsoil and says: what a magical subsoil (volshebnyi nedr) we have, how sacred it is, how deep and beautiful our roots are. We [at PERMM] say nothing about the subsoil, [but for Lukoil-Perm] it's all roots, roots, especially when they rot through and turn to oil.

At the recent inauguration of Oleg Chirkunov's successor, she went on to say, rolling her eyes, that, she had heard, Aleksandr Leifrid, head of Lukoil's operations in the Perm region, had presented the new governor with a painting—a classical landscape. But I found out later that her information was wrong. The gift was, in fact, a handcrafted item made by one of the company's sponsored folk artisans from an oil-producing district. It was a wood carving of several items that, together, were meant to represent the Perm region—a container labeled "Permian salt," a cannon (for the defense sector), and a barrel (for all other products). Standing behind these three items as if to present them, and nearly twice their size, was a rotund, smiling, bearded, big-eared figure in a peasant shirt—the folk archetype of the jolly, welcoming, simple Russian peasant man. He wore a Lukoil hard hat. As nearly all my interlocutors predicted that summer, the Perm Cultural Project did indeed end quickly. The 2013 White Nights in Perm Festival (already planned and budgeted in 2012) was scaled back considerably and, by the summer of 2014, it had disappeared from the central esplanade entirely. Mil'gram himself returned to more traditional theater directing in 2012, and, a year later, Marat Gel'man resigned his post as head of the Perm Museum of Contemporary Art. In 2014, PERMM moved to smaller and less central quarters on Gagarin Boulevard, where it continued to host exhibits and, on a less grand scale, sponsor and maintain public art projects. As was the case with Governor Trutnev's Capital of Civil Society initiative, then, the effort to fashion Perm into a European Capital of Culture did not outlast the political network that championed it. Chirkunov's critics initially rejoiced at the fracturing of his network and its signature project, and more homegrown cultural projects like the Kamwa festival began to plan and stage a new series of cultural events and spectacles. However, at least some of Chirkunov's critics soon found that they had received more attention—in the media and for their own preferred styles of cultural pro-

¹ Alexander Etkind (Etkind, 2011) argues that Russia's ancient fur-based and more recent oil-based economies are similar in that they both led to a resource curse. Ivanov and Parfenov's analogy, I believe, operates very differently, running as it does through the materiality of oil/fur in their regional locations rather than through their accumulation as money in a federal center.

duction— when they were in the midst of high-stakes debates rather than when culture was relegated to its more usual subordinate station.

Chirkunov's replacement as governor, Viktor Basargin, was new to Perm. A native of the neighboring Sverdlovsk region, he had risen through the Party ranks, spent time in the central offices of the Urals Federal District (which, recall, did not include the Perm region) and, from 2008 to 2012, served in Russian president Medvedev's administration as minister of regional development. Basargin's leadership team in Perm was a mix of his own loyal deputies brought in from Moscow and Perm regional powerbrokers from Chirkunov's and Trutnev's teams. In the early years of his term, local elites and outside observers debated frequently whether a new, coherent regional agenda—an effort on the order of those that defined his predecessors' terms to put this provincial region on the map—would emerge out of this three-way hybrid. What was not in dispute, however, as that inaugural gift bespoke so clearly, was that Lukoil-Perm stood ready to serve as general partner of the governor's office, through the same structure of agreements, projects, and initiatives that it had begun nearly two decades earlier. One of Basargin's first initiatives in the social sphere, for instance, was to build and refurbish kindergartens in Perm and throughout the region. Lukoil-Perm was an early and enthusiastic collaborator, and pictures of Lukoil-Perm general director Leifrid and Governor Basargin surrounded by happy school-children quickly became standard fare in the regional media. The company's 2013 signed agreement with the Perm region promised 820 million rubles for development projects in oil-producing districts.

The beginning of Basargin's term also coincided with the return of Vladimir Putin to the Russian presidency in 2012 and, in the wake of the street protests that accompanied Putin's election bid, another round of efforts to centralize power through federal mandates and projects. But there was little sign that the center-region dynamics and frameworks I have traced in this book were set to change dramatically. Responding to President Putin's designation of 2014 as a Year of Culture, for instance, Lukoil-Perm announced Routes of Culture, a special category of social and cultural project grants that would celebrate the eighty-fifth anniversary of Permian oil and showcase the distinctiveness of the Perm region's many cultures and traditions. Central initiatives were once again being routed through regional political and economic networks, landscapes, and sensibilities—as they had been in the postsocialist 1990s, in the socialist Second Baku, in the Stroganov era, and, at least according to widely circulating versions of regional history, long before that.

References

- Абашев, В. В. (2008) *Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века*. Пермь: Звезда. [Abashev, V. V. (2008) Perm as text. The city of Perm in the Russian culture and literature of the 20th century [Perm' kak tekst: Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka]. Perm: Zvezda Publ. (In Russ.)].
- Абашев, В. В., Абашева, М. П. (2010) 'Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова', *Сибирский филологический журнал*, 2, сс. 81–90. [Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2010) 'Poetics of space in the works of Alexey Ivanov' [Poeziya prostranstva v proze Aleksey Ivanova], *Siberian Journal of Philology*, 2, pp. 81–90. (In Russ.)].
- Bourdieu, P. (1993) *The Field of Cultural Production*. New York: Columbia University Press.
- Debord, G. (1977) *Society of the Spectacle*. Detroit, MI: Black and Red.
- Produced by Ivanov, A., Parfenov, L., and Zaitseva, Yu. Studiia "Namedni" and Prodyuserskii Tsentr "Iyul". (In Russ.)].
- Jameson, F. (1997) 'Culture and Finance Capital', *Critical Inquiry*, 24 (1), pp. 246–65.
- Казаринова, Н. В., Абашев В. В. (2000) *Искусство Перми в культурном пространстве России. Век XX*. Верещагино: Печатник. [Kazarinova, N. V., Abashev, V. V. (2000) The art of Perm in the cultural space of Russia. 21st century [Iskusstvo Permi v kul'turnom prostranstve Rossii. Vek XX]. Vereshchagino: Pechatnik Publ. (In Russ.)].
- Кукулин, И. (2007) 'Героизация выживания', *Новое литературное обозрение*, 86, сс. 302–330. [Kukulin, I. (2007) 'Heroization of survival' [Geroizatsiya vyzhivaniya], *New Literary Observer*, 86, pp. 302–330. (In Russ.)].
- Лейбович, О. Л., Шушкова, Н. В. (2011) 'Чужие игры ...: социальный анализ Пермского

- Fadeeva, L. A. (2011) 'Identity Politics and Interaction between Authorities and Society: The Case of Perm' in: *Paper Presented at Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies Conference*, November 17–20, 2011, Washington, DC.
- Graan, A. (2013). 'Counterfeiting the Nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia', *Cultural Anthropology*, 28 (1), pp. 161–79.
- Иванов, А. (2012) *Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор*. Санкт-Петербург: Азбука. [Ivanov, A. (2012) *The heart of Parma, or Cherdyn, the princess of mountains [Serdtshe Parmy, ili Cherdyn'— knyaginya gor]*. St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russ.)].
- Иванов, А. (2012) *Золото бунта, или Вниз по реке теснин*. Санкт-Петербург: Азбука. [Ivanov, A. (2012) *The gold of the rebellion, or Down the river gorges [Zoloto bunta, ili Vniz po reke tesnin]*. St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russ.)].
- Иванов, А. (2008) 'Точка отсчета – Земля', *Альманах Камва*, сс. 86–88. [Ivanov, A. (2008) 'Reference point – Earth' [*Tochka otscheta— Zemlya*] in: KAMWA: Almanac [KAMWA: Al'manakh]. Perm, pp. 86–88. (In Russ.)].
- Иванов, А. (2009) 'Уральская матрица: культурологические очерки' в: *Пермистика* / под ред. А. Иванова. Пермь: Звезда, сс. 241–349. [Ivanov, A. (2009) 'Ural matrix: cultural essays' [Ural'skaya matritsa: kul'turologicheskie ocherki] in: Ivanov, A. (ed.) *Permistika* [Permistika]. Perm: Zvezda Publ., pp. 241–349. (In Russ.)].
- Иванов, А. (2010а) *Хребет России: герои, заводы, мастера, матрица*. Санкт-Петербург: Азбука-Классика. [Ivanov, A. (2010а) *The Ridge of Russia: heroes, factories, masters, matrix [Khrebet Rossii: Geroi, zavody, mastera, matritsa]*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika Publ. (In Russ.)].
- Иванов, А. (2010b) 'Хребет России': документальный фильм, части 1–4 (продюсеры А. Иванов, Л. Парфенов и Ю. Зайцева). Студия «Намедни» и Продюсерский центр «Июль» [Ivanov, A. (2010b) 'The Ridge of Russia': a documentary, parts 1–4 ["Khrebet Rossii": documental'nyi fil'm, chasti 1–4]. культурного проекта', *Вестник Пермского государственного института искусства и культуры*, 12, сс. 80–90 [Leibovich, O. L., Shushkova, N. V. (2011) 'Other people's games ...: social analysis of the Perm cultural project' [Chuzhie igry ...: sotsial'nyi analiz Permskogo kul'turnogo proekta], *Vestnik Permskogo Gosudarstvennogo Instituta Iskusstva i Kul'tury*, 12, pp. 80–90. (In Russ.)].
- Лукьяненко, С. (1998) *Ночной дозор*. Москва: АСТ. [Luk'yanenko, S. (1998) *Night watch [Nochnoi dozor]*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)].
- Лукьяненко, С. (2000) *Дневной дозор*. Москва: АСТ. [Luk'yanenko, S. (2000) *Day watch [Dnevnoi dozor]*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)].
- Никитина, О. В., Устюгова, В. В., Чернышева, Н. М. (2010) *Периферийность в культуре XX века*. Пермь: Пермский государственный университет. [Nikitina, O. V., Ustyugova, V. V., Chernysheva, N. M. (2010) *Periphery in the culture of the 20th century [Periferiynost' v kul'ture XX veka]*. Perm: Perm State University Publ. (In Russ.)].
- Пелевин, В. (2004) *Священная книга оборотня*. Москва: ЭКСМО. [Pelevin, V. (2004) *The sacred book of the werewolf [Svyashchennaya kniga oborotnya]*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)].
- Пермский музей современного искусства «ПЕРММ» (2011) 'Искусство в городе: общественно-художественная программа', Пермь, 2008–2011. Каталог. [Perm Museum of Contemporary Art (PERMM). "Art in the city: public art program", Perm, 2008–2011. Catalogue [Permskii musei sovremennogo iskusstva "PERMM". "*Iskusstvo v gorode: obshchestvenno-khudozhestvennaya programma*", Perm, 2008–2011. Katalog] (2011). Perm: PERMM Publ. (In Russ.)].
- Retort (2005) *Afflicted Powers: Capital and Spectacle in a New Age of War*. London: Verso.

Информация об авторе

Роджерс Дуглас – PhD (University of Michigan), профессор антропологии Йельского университета (США). E-mail: douglas.rogers@yale.edu (ORCID: 0000-0002-6607-8404. ResearchID: V-7570-2018).

Статья принята к печати: 30.04.2019

«БИЛЬБАО НА КАМЕ»? ПЕРМСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ И ЕГО КРИТИКИ (ЧАСТЬ 2)

Д. Роджерс

Йельский университет (США)

Аннотация

Предлагаемый текст – вторая часть гл. 8 книги Дугласа Роджерса «The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism» (Cornell University Press, 2015). Первая часть опубликована в предыдущем номере журнала. Рецензия на книгу была опубликована в журнале в 2017 г., №2. Книга Дугласа Роджерса – замечательное исследование «Пермского культурного проекта», одного из самых значительных событий в региональной политике в 2000-е гг. Поэтому мы публикуем этот текст с любезного разрешения автора и издательства.

Ключевые слова: культурная политика; искусство; нефть; бизнес и политика.

Обзоры

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-115-118

СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ВЛИЯНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И. М. БУСЫГИНОЙ «RUSSIA-EU RELATIONS AND THE COMMON NEIGHBORHOOD: COERCION VS AUTHORITY»)

Михаил Филиппов
Binghamton University, USA

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на книгу И.М. Бусыгиной «Russia-EU Relations and the Common Neighborhood: Coercion vs Authority Abingdon», где автор развивает концепцию «мягкой силы», предложенную Дж.Наем. Автор рецензируемой монографии пытается продемонстрировать применение данной концепции на примере взаимоотношений Европейского союза и России. Эмпирический анализ в монографии строится на двух ключевых предпосылках: предполагается, что в существующем миропорядке ЕС выступает, прежде всего, за стабильность международной иерархии, тогда как Россия пытается поднять свой статус и влияние (особенно на постсоветском пространстве). Кроме того, две стороны (ЕС и Россия) полагаются главным образом на разные инструменты силы в международных отношениях. ЕС опирается, главным образом, на силу координации совместных действий; Россия же полагается, прежде всего, на двухсторонние связи, используя «принуждение» на практике, сочетая методы «кнута и пряника», пытаясь принудить своих соседей действовать в российских интересах. Автор рецензируемой монографии на основе теоретического анализа инструментов международной силы предсказывает, что механизмы «влияния» ЕС окажутся более эффективной «силой», чем механизмы принуждения России.

Ключевые слова: концепция «мягкой силы»; Европейский союз; Россия; внешняя политика; влияние; международные отношения.

Теоретическую основу рецензируемого исследования составляет развитие популярной концепции «мягкой силы» в международных отношениях. При наличии «мягкой силы», как утверждал основатель этой концепции Джозеф Най, «государство может достигать предпочтительных для него результатов в мировой политике потому, что другие государства хотят следовать за ним»¹. Дэвид Лэйк (David Lake), фокусируясь на конкретных механизмах обеспечения результатов, предпочтительных для великих держав, подчеркивает роль институтов «влияния» (authority, также переводится как «авторитет» или «лидерство») великих держав, противопоставляя их «принуждению» (coercion)². В частности, Лэйк объясняет, как институты (правила) «влияния» создают ситуацию, при которой множество государств совместно соглашаются на ограничение суверенитета, получая взамен коллективные гарантии предсказуемости и порядка.

Лэйк утверждает, что в современных условиях влияние великих держав обеспечивается, прежде всего, коллективным выбором стран, признающих особую роль мировых и региональных лидеров. Принципиально важно учитывать то, что международное влияние – это результат многосторонних отношений множества стран, в котором выбор каждой отдельной страны признать ту или

¹ “A state may achieve the outcomes it prefers in world politics because other states want to follow” Nye J.S. Soft Power// Foreign Policy. 1990. Autumn, N80. P.166. Available at: URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/joseph_nye_soft_power_journal.pdf.

² Lake, David A. "Authority, Coercion, and Power in International Relations." In Finnemore, Martha, and Judith Goldstein, eds. *Back to basics: State power in a contemporary world*. Oxford University Press, 2013. P. 55.

иную страну лидером определяется тем, что делают все остальные страны. Другими словами, это результат координации всех вокруг одной из нескольких возможных альтернатив «влияния», в том числе одной «мягкой силы» из нескольких возможных. При этом многочисленные «невеликие» державы играют ключевую роль в поддержке международного институционального статус-кво и наказании тех, кто не следует общепринятым правилам или пытается их изменить в одностороннем порядке. Можно сказать, что международного лидера делает его «свита» – те, кто готовы следовать за ним, не признавая реальными альтернативами других претендентов, или, как образно выразился Джозеф Най, «мягкая сила — это танец, для которого нужны партнеры»¹. «Мягкая сила» авторитета (authority) великих держав умножается через координацию действий остальных стран против нарушителей статус-кво, превращаясь в более эффективный инструмент силы (power) в международных отношениях, чем традиционные формы двухстороннего принуждения (coercion). В итоге мягкая сила оказывается не такой уж мягкой, как это могло бы показаться тем, кто пытается противостоять ей, используя традиционные методы принуждения. Рецензируемая монография пытается протестировать такого рода теоретическую аргументацию на примере взаимоотношений ЕС и России.

Эмпирический анализ в монографии строится на двух ключевых предпосылках. Во-первых, предполагается, что в существующем миропорядке ЕС выступает, прежде всего, за стабильность международной иерархии, тогда как Россия пытается поднять свой статус и влияние, особенно в постсоветском пространстве. Во-вторых, две стороны (ЕС и Россия) полагаются главным образом на разные инструменты силы (power) в международных отношениях. Используя «влияние» (authority), ЕС опирается, главным образом, на силу координации совместных действий – как стран, входящих в Союз, так и его соседей. Россия же полагается, прежде всего, на двухсторонние связи, используя «принуждение» (coercion) на практике, сочетая методы «кнута и пряника», пытаясь принудить своих соседей действовать в российских интересах.

Теоретический анализ инструментов международной силы предсказывает, что механизмы «влияния» ЕС окажутся более эффективной «силой», чем механизмы принуждения России. Напомним, что под «силой» в международных отношениях понимается способность изменить поведение государства в желаемом направлении, а также установить различные формы зависимости одного политического субъекта от другого. В случае ЕС и России теоретически следует ожидать, что ЕС будет более успешно контролировать поведение своих стран и соседей, чем Россия. В целом, именно это и подтверждает рецензируемая монография, анализируя практику отношений ЕС и России.

ЕС обладает более эффективной силой в международных отношениях, потому что механизмы влияния ЕС, по существу, являются механизмами коллективного принуждения, в то время как Россия действует односторонне, в геополитическом одиночестве. При этом, многие страны и их лидеры могут высказывать (на уровне риторики) недовольство как ЕС в целом, так и действиями ведущих западных держав (США, Германии, Франции). Но, даже будучи весьма недовольными существующим статус-кво, эти лидеры не готовы противопоставить себя позиции ЕС, поддерживаемой подавляющим большинством как стран Евросоюза, так и его соседей. Тем более, если такая совместная позиция также отвечает интересам США. В основе подчинения лежит не столько страх принуждения, сколько понимание того, что «неидеальный порядок все же лучше, чем хаос». В результате, как подчеркивает Ирина Бусыгина, мы наблюдаем парадокс – многие лидеры стран Евросоюза регулярно демонстрируют симпатии к России и свои дружеские отношения с Путиным, но при этом последовательно поддерживают западные санкции против России. В этой логике санкции вводятся и поддерживаются главным образом за то, что в 2014 г. Россия позволила себе открыто выступать против установленных правил игры.

Из теоретического анализа «влияния» следует также, что страна, пытающаяся изменить существующий миропорядок – т.е. международные правила игры – должна, прежде всего, заручиться поддержкой множества других стран, получить их признание в качестве реального нового лидера мирового сообщества. Без такого признания, нарушитель статус-кво будет подвергнут всеобщему осуждению, рискуя получить статус «изгоя». Из аргументации рецензируемой монографии можно сделать вывод о том, что после 2014 г. Россия предсказуемо оказалась в международном одиночестве и ожидаемо не получила поддержки даже со стороны ближайших сильно зависящих от нее экономически и политически соседей, прежде всего, Белоруссии и Казахстана. Более того, Ирина Бусыгина убежи-

¹ “Soft power is a dance that requires partners” (Nye 2011, p. 84). Nye, Joseph S. The future of power. New York: Public Affairs, 2011; Най Дж. С. Будущее власти. С. 153. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век / Джозеф С. Най; [пер. с англ. В. Н. Верченко]. Москва: АСТ, печ. 2013. 444 с.

тельно показывает, что после 2014 г. ближайшие соседи России, напротив, отдались от России, пытаются сократить свою экономическую, политическую и культурную зависимость.

С моей точки зрения, еще один интересный и значимый для практики вывод можно сделать из того факта, что механизм коллективного «влияния» требует обязательно эффективного и, быть может, даже демонстративно-солидарного «наказания» для нарушителей конвенции. Однако пока такое солидарное наказание невозможно, возникают стимулы до поры до времени не замечать нарушений правил игры. Более того, возникают стимулы публичного поиска таких объяснений действиям нарушителя, что укладывают их в рамки существующих правил. В свою очередь, у руководителей страны, нарушающей правила игры, могут возникнуть ложные ожидания, что серьезной реакции на дальнейшие действия по нарушению или изменению общепризнанных правил и не последует. Однако, как только мировое и региональное сообщество становится готово коллективно устроить «показательную выволочку» нарушителю, ситуация кардинально меняется. После этого почти любое действие страны-нарушителя конвенции трактуется с подозрениями против нее. В рецензируемой монографии сходная логика описывает различия между реакцией ЕС на войну России с Грузией в 2008 г. и роль России в украинском кризисе после 2014 г.

В целом, из теории использования силы «влияния» как противоположности «принуждения», подтвержденного анализом практики отношений ЕС и России в монографии, следует весьма спорный вывод о том, что односторонние действия России в Европе и на постсоветском пространстве в лучшем случае неэффективны, а, скорее всего, контрпродуктивны. В частности, попытки принуждения каждой из стран следовать за Россией существенно ослабляют влияние России на все остальные страны постсоветского пространства и только еще больше стимулируют их поддерживать статус-кво в мировой политике (т.е. признавать доминирование США и ЕС в Европе и мире). Такой пессимистичный вывод является логичным, но неизбежно спорным, поскольку мы не можем исключить того, что в Кремле обладают какой-то дополнительной, неизвестной нам информацией или же действуют в соответствии с каким-то особым планом, опять же нам неизвестным.

Вместо того, что признать возможность нашего недостаточного понимания стратегических планов Кремля, автор объясняет кажущуюся нерациональность односторонних действий России внутриполитической мотивацией президента Путина. В частности, Ирина Бусыгина пытается связать характер внешней политики России с особенностями процесса ее государственного строительства и внутриполитической конкуренции в последние десятилетия. В этой связи, к главному недостатку книги я бы отнес чрезмерное, на мой взгляд, использование по сути спекулятивных утверждений о том, чего хочет достичь президент Путин, как он видит мир, будущее России и место России в мире. Завершая монографию, Ирина Бусыгина предполагает, что дальнейшие попытки России использовать стратегию принуждения (кнута и пряника) в адрес соседей, скорее всего, будут приводить к полезным краткосрочным результатам, но за счет долгосрочных издержек и потерь, прежде всего, для репутации страны. Это будут негативные сигналы на долгие годы для внешнего мира, в особенности, для потенциальных экономических партнеров и инвесторов.

В целом же, автору удалось интересным образом применить и протестировать популярную теоретическую концепцию к анализу внешней политики России. Специалисты и исследователи найдут в монографии И. Бусыгиной теоретически обоснованное и цельное объяснение эволюции взаимодействий России и ЕС, а более широкий круг читателей получит шанс избавиться от упрощенных представлений о возможной роли России в мире.

Библиографический список

Busygina, I. M. (2017) *Russia-EU Relations and the Common Neighborhood: Coercion vs Authority*. Abingdon, UK: Routledge, 250 p.

Информация об авторе

Филиппов Михаил - Associate Professor of Political Science, Binghamton University, USA. E-mail: mikhael.filippov@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8551-6724. ResearcherID: G-4912-2019).

Статья принята к печати: 30.04.2019

**COMPARING THE STRATEGIES OF INFLUENCE AND COERCION IN THE EXAMPLE OF
RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION (BOOK REVIEW: IRINA M. BUSYGINA
'RUSSIA-EU RELATIONS AND THE COMMON NEIGHBORHOOD: COERCION VS AUTHORITY')**

M. Filippov

Binghamton University, USA

Abstract

The article presents a review of Irina M. Busygina's book *Russia-EU Relations and the Common Neighborhood: Coercion vs Authority*, where the author develops the concept of 'soft power' proposed by Joseph S. Nye. The author of the reviewed monograph tries to demonstrate the application of this concept through the example of the relations between the European Union and Russia. The empirical analysis in the monograph is based on two key assumptions: it is assumed that in the existing world order the EU stands primarily for the stability of the international hierarchy, while Russia is trying to raise its status and influence (especially in the post-Soviet space). In addition, the two sides (the EU and Russia) rely on different instruments of force in international relations. The EU is mainly concerned with the strength of coordination of joint actions; Russia relies primarily on bilateral ties, using 'compulsion' in practice, combining the methods of 'carrot and stick', and trying to force its neighbors to act in Russia's interests. Based on the theoretical analysis of international power tools, the author of the monograph predicts that the mechanisms of 'influence' used by the EU will be more effective 'force' than Russia's mechanisms of coercion.

Keywords: concept of 'soft power'; European Union; Russia; foreign policy; influence; international relations.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-119-121

ВОСЕМЬ КНИГ О СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Владимир Гельман

Европейский университет в Санкт-Петербурге и университет Хельсинки

Аннотация

Мини-рецензии – это предельно краткие отзывы на недавно опубликованные англоязычные книги о российской (и не только) политике, с оценками каждой из них по десятибалльной шкале (1 – минимальная, 10 – максимальная). Отзывы написаны не по канонам академического стиля, они субъективны и пристрастны, но такова специфика жанра. Мы часто составляем впечатление о фильмах, гостиницах или ресторанах из отзывов примерно такого же формата: теперь настала очередь и для научных книг.

Ключевые слова: политика; Россия; протесты; посткоммунистические страны; российская политика.

Mischa Gabowitsch, *Protest in Putin's Russia*, Polity Press, 2016 (оценка 5). Детальное описание разнообразных протестных проявлений в России. Много разного рода персональных историй и рассказов от первого лица: если бы автор выпустил не академическую, а публицистическую книгу для широкой публики, то она была бы полезным примером non-fiction публицистики и, вероятно, могла бы неплохо продаваться. Но для того чтобы претендовать на вклад в политическую науку, одних описаний все же недостаточно – после ряда высоко профессиональных работ по данной тематике Грэма Робертсона, Сэма Грина, Антона Соболева, Томилы Ланкиной, Андрея Семенова и других авторов, книга производит впечатление как очень любительская и поверхностная. Тот, кто ее не прочтет, слишком много не потеряет.

Juliet Johnson, *Priests of Prosperity: How Central Bankers Transformed the Postcommunist World*, Cornell University Press, 2016 (оценка 10). Следуя Веберу, книгу можно было бы назвать «Профессиональная этика и дух антиинфляционизма». Руководители центральных банков посткоммунистических стран рассматриваются как своего рода закрытая международная секта экономистов, которая пусть и не сразу, но в конце концов обратила в монетаристскую веру своих коллег, привила им идеи финансовой ортодоксии и помогала выстоять в тяжелых условиях многочисленных финансовых кризисов и давления со стороны нечестных политиков и финансовых проходимцев (иногда это одни и те же лица). Борцы с «неолиберализмом» и сторонники «теории заговора» (иногда это тоже одни и те же лица) сочтут книгу эдаким саморазоблачением строителей глобального капитализма. В основе исследования – 160 интервью с банкирами и пять страновых case studies (включая и Россию), книга очень хорошо написана, ее стоит читать не отрываясь.

Steven Levitsky, Daniel Ziblatt, *How Democracies Die*, Crown, 2018 (оценка 5). Жанр книги можно определить как политологические страшилки: сплошное «ужас-ужас-ужас» от двух гарвардских профессоров. Книга о том, как авторитарные популисты-аутсайдеры при поддержке избирателей (демоса) убивают (или уже окончательно убили?) демократию. Хотя симптомы ряда «болезней» демократии в целом описаны верно, но предлагаемый авторами рецепт их лечения – призыв к элитам сплотиться вокруг mainstream, дабы ни за что не дать своим избирателям возможности «неправильно» проголосовать – более чем сомнительный. Словом, знакомые соотечественникам реминисценции на тему «Россия, ты одурела!» и «Голосуй, а то проиграешь!» на современном материале США и других демократий. Полезное чтение для понимания состояния умов авторов книги, но познавательная добавленная ее стоимость, прямо скажем, невелика.

Douglas Rogers, *The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism*, Cornell University Press, 2015 (оценка 7). Получившая несколько профессиональных премий подробная книга антрополога про нефть и про Пермь. Она содержит много интересных и информативных деталей,

начиная с истории фабрик и заводов и заканчивая современным искусством, и является ценным фактическим источником. Однако, на взгляд позитивистски ориентированного политолога, она написана, что называется, не совсем о том. Вопрос «почему?» (предполагающий поиск причинно-следственных связей) автором даже не ставится, будучи затенен «насыщенными описаниями», которые включают многочисленные детали, нюансы и иллюстрации, отвечающие на вопрос «как?». Детали описаны со вкусом и с глубоким знанием дела, но те, для кого вопрос «почему?» является в науке главным, если даже не единственным, могут остаться несколько разочарованы после прочтения этой книги.

Elisabeth Schimpfössl, Rich Russians: From Oligarchs to Bourgeoisie, Oxford University Press, 2018 (оценка 7). Наверное, ни одна академическая книга по Russian Studies не рекламировалась в СМИ в последние годы так широко, как эта. Многочисленные интервью о частной и публичной жизни представителей крупного российского бизнеса и их семей призваны подтвердить тезис автора о том, что российские олигархи превращаются в класс буржуазии посредством конверсии своего экономического капитала в социальный и культурный. Однако свидетельства в пользу этого тезиса довольно размыты, выборка информантов смещена, и выводы отчасти писаны вилами по воде в смысле их валидности и устойчивости: станут ли дети и внуки нынешних «олигархов» основой российской буржуазии на долгие десятилетия, судить пока что рановато, а один из персонажей книги, Зиявудин Магомедов, накануне ее публикации угодил за решетку – буржуазия прям-такая буржуазия...

Brian Taylor, The Code of Putinism, Oxford University Press, 2018 (оценка 9). Автор удачно соединил широту и полноту обзора современной российской политики с популярным стилем изложения, что делает ее доступной для студентов и для широкой публики. Полемизируя со сторонниками теории рационального выбора (включая автора этих строк), он вводит в анализ дополнительные измерения – идеи, привычки и эмоции, сочетание которых с мотивами максимизации власти и образует своего рода «кодекс путинизма», преобладающий в России. Правда, набор компонентов этого кодекса – этатизм, антизападничество, антилиберализм (идеи), контроль, порядок, антиплюрализм, лояльность, гипермаскулинность (привычки) и уважение/унижение, ресентимент и страх (эмоции) – никоим образом не специфичен по отношению к сегодняшней России. Обыкновенный персоналистский авторитарный режим, и не более того (но и не менее).

Daniel Treisman, ed., The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia, Brookings Institution Press, 2018 (оценка 9). Редкий пример целостного сборника научных трудов 18 авторов, все 11 глав которого написаны доступным для студентов и широкой публики языком и при этом выполнены на высоком профессиональном уровне. Выделять что-либо специально в таком издании нелегко, но мои предпочтения – на стороне главы Максима Ананьева (лучший на сегодняшний день краткий разбор функционирования исполнительной власти в России). Правда, идея анализа российского режима как «информационной автократии» нового типа, заявленная редактором в предисловии книги, раскрыта не в полном объеме: часть глав в нее или никак не вписываются, или отчасти ей противоречат.

Susanne Wengle, Post-Soviet Power: State-Led Development and Russia's Marketization, Cambridge University Press, 2015 (оценка 9). Как РАО ЕЭС в 2000-е гг. разрезали на дольки и что из этого вышло. Довольно подробный анализ реформы энергетического сектора в России: почему и как экономисты и менеджеры сломили сопротивление инженеров-энергетиков и смогли навязать им свою волю, подчинив инфраструктурную монополию логике рынка (спойлер: во всем виноват не только Чубайс). Результатом реформ стала приватизация выгод и национализация убытков: от преобразований выиграли «Газпром» в европейской части России и алюминиевые компании в Восточной Сибири, бывшего монстра Минэнерго разделили на региональные монополии, в итоге всех подмявшие под себя. В целом весьма полезная и информативная книга, хотя в основе – диссертация автора, и это слишком ощутимо, к тому же, тема извлечения ренты раскрыта недостаточно.

Библиографический список

- Levitsky, S., Ziblatt, D. (2018) *How Democracies Die*. New York: Crown.
- Taylor, B. (2018) *The Code of Putinism*. Oxford University Press.
- Treisman, D. (ed.) (2018) *The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia*. Brookings Institution Press.
- Wengle, S. (2015) *Post-Soviet Power: State-Led Development and Russia's Marketization*. Cambridge University Press.
- Schimpfössl, E. (2018) *Rich Russians: From Oligarchs to Bourgeoisie*. Oxford University Press.
- Rogers, D. (2015) *The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism*. Cornell University Press.
- Gabowitsch, M. (2016) *Protest in Putin's Russia*. Cambridge: Polity Press.
- Johnson, J. (2016) *Priests of Prosperity: How Central Bankers Transformed the Postcommunist World*. Cornell University Press.

Информация об авторе

Гельман Владимир Яковлевич – кандидат политических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и университета Хельсинки. E-mail: gelman@eu.spb.ru (ORCID: 0000-0003-3935-3893. ResearcherID: C-8084-2013).

Статья принята к печати: 30.04.2019

EIGHT BOOKS ON MODERN POLITICS

V. Ya. Gelman

European University at St. Petersburg and The University of Helsinki

Abstract

Mini-reviews are extremely brief reviews of recently published English-language books about Russian (and not only) politics, with ratings given to each of them based on the ten-point scale (1 - minimum, 10 - maximum). Reviews are not written according to the canons of academic style, they are subjective and passionate, but this is the specifics of the genre. After all, we often form our opinion about films, hotels or restaurants from reviews of approximately the same format: now it is time for academic books.

Keywords: politics; Russia; protests; post-Communist countries; Russian politics.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы/ учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации 150-250 слов.

Количество ключевых слов – 7-10 слов.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями [стиля Гарвард](#).

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т.п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ №23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется **Библиографический список/ References**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный **DOI**, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и боснийского языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П.В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P.V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э.Ю., Панов, П.В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П.В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E.Yu., Panov, P.V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovanie granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга on-line):

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

Боуэн, У.Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. М.: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W.G. (2018) '*Higher Education in the Digital Age*' [*Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epokhu*] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI:10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J.A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н.Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N.N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [*Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike*], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить его, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)*: дис. ... докт. ист. наук. Москва. [Engel'gardt, G. (2005) '*Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)*' [*Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evoluciya*]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания
источников и литературы см.:**

<https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his/her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150-200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7-10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and bottom – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture - 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003:99-100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88-89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55-78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), p135-150, DOI:10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

**For instructions that are more detailed please see:
<https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Вестник Пермского университета.
Политология
2019. Том 13. №2

Review of Political Science
2019. 13. №2

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать ____ . ____ . 2019.
Выход в свет ____ . ____ . 2019.
Формат 60х84/16. Усл. печ. ____, ____ .
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41006